

Вспоминая самых-самых...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РЕТРО»

МАРК ТАЙМАНОВ

Вспоминая
самых-самых...

«РЕТРО». Санкт-Петербург. 2003

ISBN 5-94855-010-9
© М. Е. Тайманов, 2003
© Издательство «Ретро», 2003

КАНДИД

Марк Тайманов всегда жил насыщенной жизнью, всегда находился в гуще событий, был их участником, а не созерцателем — возможно, поэтому он так долго и не приступал к этой книге.

Но вот и Тайманов обратился к почтенному жанру воспоминаний. И он, рожденный для вечной молодости, смотрящий в будущее без страха, ощутил знаменательную потребность оглянуться и подвести итоги.

Мемуары — это не только способ порой подсознательного самоутверждения, что мы видим достаточно часто, они — и трогательная попытка по-гетевски остановить мгновенье.

Тем более что тебе есть что вспомнить и, разумеется, кого вспомнить. Тайманову повезло дважды: проживший две равновеликие жизни — одну в музыке и еще одну в шахматах, — он встретил гениев в той и в другой. И Шостаковича и Таля. Этими славными именами список, естественно, не исчерпывается.

Но Тайманов еще и литератор, выпустивший в свет немало книг, и хотя они посвящены, в основном, теории шахматного искусства, читатель всегда отдавал дань блеску и живости изложения. Литературная одаренность, которая ярко проявилась в отличной книге «Я был жертвой Фише-

ра», в полной мере раскрылась в воспоминаниях. Психологические портреты милых спутников (как назвал их поэт) отмечены подлинным постижением этих незаурядных характеров. Хочется особо отметить с любовью написанный реквием Талю.

Известно, что порой мемуары рисуют их автора даже полнее, чем тех, о ком он ведет рассказ. Всегда захватывающе интересно увидеть, как отражается мир в человеке, его воссоздающем. Тайманов — оптимист по призванию, оптимизм — его визитная карточка, более того, он всегда и подчеркивал и пестовал это счастливое свойство, подаренное ему природой.

Естественно, возникает вопрос, как удалось сохранить этот дар в самый кровавый, безжалостный век, тем более в советских условиях? Ответить на этот вопрос непросто, но, закрывая книгу Тайманова, обнаруживаешь, что ее автор сумел остаться в ладу со временем, вобравшим в себя его судьбу. В отличие от очень многих мемуаристов, Марк Тайманов отважно определяет себя как «сына сталинской эпохи».

При этом Тайманов отнюдь не слеп. Он знает, что своих сыновей эпоха Сталина перемалывала в исправно работавших жерновах. Некоторые из ее художеств видел близко, иные сам испытал. Представитель этой дивной Системы однажды признался ему доверительно, что Старая площадь серьезно подумывает, не вбить ли в его гроб «последний гвоздь». Пишет Тайманов и о том, как яростно травили Корчного, как измывались над Бронштейном.

И все-таки вопреки всему ощущает благодарное чувство к минувшим дням, когда в шахматистах видели посланцев державы, когда шахматы были статьей бюджета — нужды нет, что очень скромной статьей, что гонорары, завоеванные победами на зарубежных турнирах, держава присваи-

вала себе. Даже в беспросветном Вышинском он умудрился разглядеть «блистательного полемиста». (Тут сразу же приходит на память черный юмор советских лет — сановный оратор на трибуне с бешенством обличает Дудкина. Дудкин, оказывается, изменник, враг, агент иностранных разведок. Сидящий в зале глухой человек спрашивает соседа: «О чем он?» Сосед озабоченно отвечает: «Он полемизирует с Дудкиным».)

Легче всего обвинить Тайманова в инфантильности или оппортунизме. Труднее понять, что суть феномена заключена в натуре Тайманова, отторгающего печальную формулу: «Люди рождаются для страданий». Он верит, причем не умом, а кожей: родиться — великая удача, и тот, кому выпала эта удача, должен сполна наслаждаться ею. И эта стойкая убежденность помогает ему преодолеть суровое испытание возрастом. Три четверти века — тяжелая ноша, и он несет ее с редкой душевной грацией.

Похоже, его не угнетает конечность нашего бытия. «Пока живешь — живи полноценно» — таков его полноценный девиз. В самые горестные дни в нем не читалась та обреченность, которая проступала в Тале даже в его триумфальную пору. Сомнение играло в жизни Марка Тайманова не слишком приметную роль, он ощущал свою самодостаточность решительно на всех поворотах. Так же, как право на свой оптимизм. Мало о ком с таким основанием можно сказать, что он был рожден для счастья, как птица для полета. А то, что лететь ему привелось «на честном слове и на одном крыле», это уже не его вина. У сына сталинской эпохи других возможностей попросту не было.

Леонид ЗОРИН

19 сентября 2002 года

ОТ АВТОРА

Шахматы, как любовь и музыка,
могут сделать человека счастливым.

Зигберт Тарраш

В пестром и ярком калейдоскопе встреч, знакомств, событий не может быть классического единства места и времени. И значимости. Что-то промелькнуло, оставив едва заметный след в памяти, что-то оказалось важным, запало в душу. Одни знакомства так и остались, что называется, «шапочными». Другие переросли в многолетнюю дружбу.

Разумеется, встречи с видными политическими деятелями носят особый характер — они представляются, пожалуй, самыми необычными, любопытными, порой весьма лестными, но в основном случайными.

В мире искусства иначе. С коллегами контакты и более глубокие, и более продолжительные, но тоже обычно эпизодические — жизнь, гастроли разбрасывают во времени и пространстве.

А вот с соратниками по шахматному оружию зачастую связывают годы, а то и десятилетия. Совместные поездки, длительные турниры, тренировки, где подолгу живешь бок о бок и вместе «съедаешь пуды соли», определяют особую степень взаимопознания и душевной открытости.

Несопоставим и характер запавших в память впечатлений — от акварельных зарисовок до монументальных картин.

Надеюсь, читатель не посетует на неизбежную диспропорцию форм повествования. Главным критерием я считал исключительность и значимость моих героев, яркость их индивидуальностей.

И еще. В создании этой книги неоценима всеобъемлющая помощь жены. Она была не только моей вдохновительницей и советником, но и литературным редактором, не говоря уже о многотрудной технической стороне работы. Позволю назвать ее соавтором.

С тем и предаюсь перу.

БЛАГОДАРЕНИЕ СУДЬБЕ

Судьба щедро подарила мне жизнь, богатую яркими событиями, множеством впечатлений, насыщенную творческим содержанием, изобилующую незабываемыми встречами, а порой и дружбой с самыми замечательными личностями XX века. Трудно даже представить, что все это вместилось в стремительно прошедшие семьдесят пять лет. Но факты упрямы, а цифры бесстрастны — им можно доверять...

Итак, я верой и правдой служил трем призваниям — к изначальным музыке и шахматам позднее добавилась журналистика; и с этими профессиями мне удалось объездить чуть ли не шестьдесят стран земного шара.

Как шахматист я побеждал или был призером более чем в двухстах турнирах международного масштаба, участвовал в двадцати трех чемпионатах Советского Союза, что стало уже недостижимым рекордом. В многочисленных состязаниях сыграл по скромным подсчетам четыре-пять тысяч партий и был пятикратным чемпионом Ленинграда, чемпионом России и Советского Союза, в составе сборной команды страны являлся четырехкратным чемпионом Европы, чемпионом Всемирной Олимпиады, имел титулы чемпиона мира среди студентов и дважды среди сеньоров; написал свыше двадцати книг по теории шахмат, изданных на многих языках.

Как музыкант выступал в ряде стран в жанре фортепианного дуэта, а в конце карьеры и как солист, сыграв в общей сложности около тысячи концертов. Наш дуэт с Любовью Брук «наиграл» двенадцать долгоиграющих пластинок и несколько компакт-дисков. А высшим признанием творческих достижений дуэта стало включение его записей в юбилейную серию «Великие пианисты XX века», выпущенную к концу столетия фирмами «Philips» и «Steinway & sons».

Наконец, как шахматный журналист я сотрудничал со множеством крупных журналов и газет всего мира и в роли теле- и радиобозревателя освещал крупнейшие шахматные события последнего пятидесятилетия.

Эта сухая статистика и составляет тот калейдоскоп событий, который дал мне счастливую привилегию встреч, знакомств и дружбы с интереснейшими людьми в самых разных сферах творческой деятельности, начиная от детского знакомства в Гурзуфе с великой актрисой Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой до встреч с президентом России Владимиром Владимировичем Путиным...

А началось все с музыки. В те годы в интеллигентных семьях само собой разумелось, что ребенка нужно приобщать к искусству независимо от дальнейших жизненных планов. Моя мама занималась пением в Харьковской консерватории, и, хотя мое появление на свет разрушило намеченную артистическую карьеру, решение учить сына игре на рояле было совершенно естественным. Азы музыкального воспитания я постигал дома — приходила учительница, а по достижении школьного возраста родители решили обучать меня в одной из самых лучших в городе музыкальной школе при ленинградской Капелле. Вот тут-то и случился конфуз, который мог изменить всю мою дальнейшую судьбу: на вступительном экзамене я чуть не про-

валился. Как и полагалось, сначала проверили мой музыкальный слух — здесь все было отлично, но затем предложили что-нибудь спеть, и я, к полному удивлению слушателей, ужасно зафальшивил. Как потом оказалось, у меня отсутствовала способность управлять интонированием голоса (что сохранилось на всю жизнь), и, даже слыша, что пою кошмарно, я ничего не мог изменить. К счастью, когда комиссия, засомневавшись в моих музыкальных способностях, попросила напоследок что-нибудь сыграть на рояле, я оказался на высоте — всем понравилась моя «Баба-Яга» из «Детского альбома» Чайковского, и Марик Тайманов все-таки был зачислен в престижную школу. Судьбе было угодно избрать для меня музыкальную карьеру...

Но прошло всего два года, и в моей жизни произошел новый поворот. Где-то в начале достопамятного 1937-го в школу-десятилетку, где я учился, нагрянула группа кинематографистов с квартировавшей тогда в Ленинграде студии «Беларусьфильм». Они подыскивали мальчика на главную роль в запускавшемся в производство фильме «Концерт Бетховена» по сценарию драматургов Б. и Р. Пхоров. Его сюжет посвящался музыкально одаренным детям — их дружбе, забавам, соперничеству, а завершался фильм Всесоюзным конкурсом юных дарований, где на заключительном концерте маленький скрипач исполнял в сопровождении оркестра сложнейший Концерт Бетховена. Фильм был задуман с размахом — режиссерами стали известные тогда Владимир Шмитгоф и Михаил Гавронский, музыку к фильму писал популярнейший композитор Исаак Дунаевский, а на «взрослые» роли — отцов главных героев Янки и Владика — были приглашены народные артисты Владимир Гардин и Александр Лариков.

И надо же случиться, что придирчивая съемочная группа после просмотра множества кандидатур, бесед и проб

выбор остановила на мне, одиннадцатилетнем кудрявом и симпатичном мальчике. Я отвечал почти всем их требованиям, кроме... умения играть на скрипке. Разумеется, во всех случаях Скрипичный концерт Бетховена предстояло исполнять не самому герою фильма — для озвучивания был приглашен великий скрипач Мирон Полякин. Но все же видеоряд — исполнение концерта, причем крупными планами, — выпадал на долю героя фильма. А это значило, что исполнителю роли Янки нужно было не только грамотно, но и артистично держать скрипку и смычок. Более того, следовало выучить (хотя бы выборочно) аппликатуру концерта (т. е. соответствующие тексту движения кисти и пальцев левой руки по грифу инструмента) и штрихи смычка. А это задачи куда как непростые. Но кинематографистам присуще рисковать. Они отвели мне полгода для специальных занятий с педагогом-скрипачом, чтобы освоить эти премудрости, и утвердили на главную роль.

Забегая вперед, похвастаюсь, что в конце концов весь эпизод моего исполнения Концерта Бетховена удался на славу. «Подставу» зрители не заметили, а много лет спустя я получил замечательное подтверждение плодотворности этих усилий. В 60-е годы в Ленинград на выступления приехал великий американский скрипач Исаак Стерн. Мы были дружны, часто встречались, и как-то в разговоре он рассказал, что, кроме концертов, провел в нашей консерватории мастер-класс — занимался со студентами. «Знаешь, — делился он впечатлениями, — среди ваших ребят есть очень талантливые скрипачи, но почему-то мало кто из них красиво держит инструмент. Я только однажды видел артистичного юного скрипача, да и то в фильме „Концерт Бетховена“». Как же мы смеялись, когда я сказал: «Айзек, это был не скрипач, это был я...»

Фильм имел большой успех, и не только в нашей стране, но и за рубежом. Говорили, что он собрал государственной казне валюты больше, чем знаменитый «Чапаев», и даже был отмечен специальной премией на международном кинофестивале в Париже. Кстати, мои родственники, эмигрировавшие туда в начале 20-х годов, впервые увидели своего племянника на экране, а тетка Мария Захаровна впоследствии вспоминала, как ее друзья говорили тогда, что она очень похожа на Янку.

Словом, я в одночасье стал популярной кинозвездой и особенно в родном Ленинграде. Не удивительно, что, когда в феврале 1937 года на Фонтанке в бывшем Аничковом дворце состоялось открытие уникального в своем роде Дворца пионеров, ставшего впоследствии кузницей юных дарований в самых разных областях творчества, науки и спорта, пионер Марик Тайманов как кинозвезда был приглашен на торжественную церемонию поднятия флага Дворца.

И тут случился еще один поворот в моей судьбе. Директор Дворца Натан Штейнварг неожиданно спросил: «А где бы ты хотел у нас заниматься?» И внутренний голос подсказал мне: «В шахматном клубе». Признаться, особых оснований для такого категоричного выбора у меня быть не могло. Я, правда, немного играл в шахматы — меня научил отец, их страстный поклонник, но сказать, что я тогда ими увлекался, было бы преувеличением — футбол, к примеру, любил больше... Думаю, одной из причин, как сейчас говорят, судьбоносного решения стало впечатление от самого шахматного клуба Дворца пионеров, который на фоне парадных залов, где царил всеобщее веселье, был единственным уголком серьезности и какой-то особой торжественности. А может быть, впечатлил висевший при входе большой портрет шефа клуба — самого М. М. Ботвин-

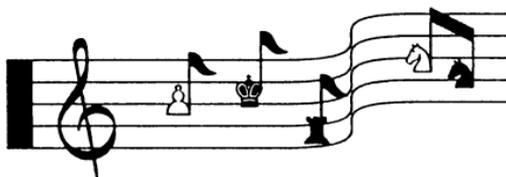

ника, кумира страны, о занятиях с которым я не мог и мечтать. Именно в этом зале сделал я свои первые шаги на пути постижения замечательного искусства. Шахматы, как и музыка, вошли в мою жизнь навсегда.

Меня часто спрашивают, не жалею ли я, что не отдал предпочтения какой-либо одной профессии, ведь добился бы большего, не расплывая пристрастий? Теперь уже могу точно сказать, что рад проявленной в юности беспечности и нерешительности. Теоретически можно, конечно, предположить, что, отдаваясь одному призванию, имеешь больше шансов достичь результатов максимальных, но убежден, жизнь при этом становится куда менее интересной и содержательной. Сочетая профессии, я сохранял к каждой из них трепетность и, избегая рутины, чувствовал себя «любителем» в лучшем понимании этого слова и всегда отшучивался, говоря, что, когда долго играю в шахматы, отдыхаю от музыки, а когда долго концертирую, отдыхаю от шахмат, — так что жизнь моя — сплошной отдых... И еще: владея двумя профессиями, удалось избежать «цеховой зависти» при успехах, поскольку музыканты могли считать меня шахматистом, а шахматисты — музыкантом...

Говорят, на восьмидесятилетнем юбилее экс-чемпиона мира Макса Эйве один из друзей подметил: «Маэстро! Вы прожили такую долгую жизнь и умудрились не нажить себе врагов». На что Эйве ответил: «Значит, я неправильно жил...» Рад, что могу отнести это и к себе...

О мудрых наставниках с пиететом и благодарностью

СЕМЬЯ

Моим творческим устремлениям фортуна благоволила. На широкую шахматную стезю меня вывел великий Михаил Моисеевич Ботвинник, на музыкальную — мудрый Самарий Ильич Савшинский.

Но думаю, что усилия даже таких выдающихся наставников могли остаться напрасными, не будь в моем детстве родителями заложен фундамент, обозначивший и предопределивший всю дальнейшую карьеру. Именно они даровали мне гены разнообразных способностей, своим примером и воспитанием привили черты целеустремленности, трудолюбия, настойчивости, необходимые в любой творческой судьбе. И если браки заключаются на небесах, должен благодарить Господа Бога за то, что он свел жизненные пути Серафимы Ильиной и Евгения Тайманова навсегда.

Они познакомились в Харькове, где совсем юная, прекрасная, стройная и высокая блондинка с благородно тонкими чертами лица и большими, источающими тепло глазами училась в консерватории; а молодой человек с одухотворенной «блоковской» внешностью грыз гранит науки в Политехническом институте.

Симочка и Женя полюбили друг друга и, несмотря на препоны со стороны ортодоксально настроенных религи-

озных родственников жениха, пытавшегося от отчаяния застрелиться, все же соединились в счастливом браке.

Вскоре у них родился первенец, которого в память о рано умершем брате отца нарекли Марком. А спустя некоторое время молодая семья навсегда оставила Харьков, перебралась в Ленинград и обосновалась в комнатке большой коммунальной квартиры на проспекте Добролюбова, где жили мои дедушка Иван Григорьевич и бабушка Евлампия Ивановна, которую в семье ласково называли Лампочкой, и их дети Тося, Лида и Виктор.

Папа поступил инженером на Путиловский завод, мама, забросив любимое пение, полностью посвятила себя сыну. О тех детских годах в памяти остались лишь два эпизода. Один — когда дедушка взял меня ранней весной на рыбалку на Неву и я чуть не свалился с оторвавшейся от берега льдины. А другой связан с днем рождения. На мое «славное» четырехлетие были приглашены детишки, с которыми я играл в садике, и первая любовь Зоя. Чудная девочка принесла подарок, сразу меня заинтересовавший, но тут же расплакалась и, топнув ножкой, потребовала его обратно. Чтобы успокоить ребенка, мячик вернули хозяйке, но для меня это стало первым горьким разочарованием в женщинах...

А спустя несколько лет наша семья получила уже отдельную маленькую двухкомнатную квартирку на улице Гоголя, и начался более спокойный и сравнительно безмятежный период жизни. Папа уверенно двигался по служебной лестнице и стал старшим инженером на крупном заводе «Гидравлика», отдавая все силы благополучию семьи. Мама, окончательно поставив крест на вокальной карьере, отдала себя дому и детям, которых к началу войны стало уже четверо.

Как первенцу, мне выпала вся широта и щедрость материнских чувств. Прозорливо угадав музыкальные спо-

собности сына еще в раннем детстве, мама часами занималась со мной на рояле, терпеливо выслушивая нудные гаммы и упражнения; в «кинематографический период» моего детства бросала все и отправлялась опекать меня в далекие поездки по стране. Она поощряла мои разнообразные увлечения и шахматами, и игрой в футбол с дворовыми ребятами, ревностно следила за школьными делами. Забавно, что именно на футбольном поле зародилась дружба, прошедшая через всю жизнь, с Владиком Стржельчиком, ставшим великим актером.

А потом родился второй сын — Роальд, и заботы удвоились. Уже и папе после трудового дня приходилось становиться на семейную вахту, а порой и «бдеть» ночами, но царившая в доме атмосфера тепла и согласия помогала преодолевать любые трудности. Моим родителям, как и большинству из их многострадального поколения, выпала нелегкая доля. Они пережили и революционные потрясения, и тяготы гражданской войны, и лишения периода становления советской власти. Их не миновали ужасы 1937 года, когда мама лишилась любимой сестры Тоси, загнанной в лагерь за то, что была женой «врага народа» — крупного государственного деятеля в Дальневосточном крае, безжалостно расстрелянного, а спустя много лет полностью реабилитированного; а отец на долгие годы потерял связь с братом Григорием, безосновательно репрессированным и тоже (к счастью, еще при жизни) реабилитированным.

Но светлый луч в этом кошмаре все же пробился. Наша семья пополнилась дорогим человечком. После драматической кончины маминой сестры остался ее двенадцатилетний сын Юра Лямин, и родители испытывали за него душевную боль и чувство ответственности. Они не колебались: Юру нужно усыновить — решили на семейном со-

вете, и дедушка привез измученного мальчика в наш дом. Привез навсегда. Юра стал нашим родным и близким.

А затем грянула страшная война, разорвавшая нашу семью. Ленинградская консерватория в числе других учреждений подлежала эвакуации, и отцу, тогда заместителю директора консерватории, было поручено осуществить этот план. Вместе с ним в далекий Узбекистан отправились я и Юра. Мама, к тому времени имевшая еще двоих детей — семилетнего Алика и двухмесячную (!) Ирочку, вынуждена была остаться в Ленинграде. На нервной почве у нее пропало молоко, и она не смела тронуться в далекий двухнедельный эвакуационный путь, да еще в товарном вагоне.

Злая судьба обрекла маму на испытания особые: спустя два месяца — 14 сентября 1941 года — осажденный немцами Ленинград оказался в полной вражеской блокаде. Поначалу малышку еще кормила грудью добрая подруга нашей семьи Лия Зелихман, незадолго до того тоже родившая дочку, а потом ни о каком нормальном, а тем более детском питании речи, увы, быть и вообще не могло. В самые трудные дни мама варила Ирочке бульоны из кожаного ремня. Как ей удалось спасти от смертельного голода и уберечь от лютых холодов маленького сына и малютку-дочку, остается только гадать — чудеса не имеют объяснений.

Жестоким ударом для семьи стала страшная смерть маминой сестры Лиды. В блокадном Ленинграде она пошла обменять полученный по карточкам хлеб на кусочек мяса, и продавцы, предложив выбрать свежее, заманили ее в дом. Оттуда она уже не вышла... Трагедия раскрылась, когда с фронта в Ленинград на несколько дней приехал брат — офицер, и девочка из соседнего дома показала квартиру, куда входила Лида. При обыске там были обна-

ружены шубка и ботиночки Лиды, и каннибалы сознались. Узнав о чудовищной гибели дочери, мать с горя потеряла рассудок.

Блокадные мучения закончились лишь весной 1942 года. По ледовой трассе Ладожского озера под бомбежкой врага, с опасностью провалиться в полынью, но хоть с каким-то шансом на спасение переправлялись грузовики с измученными детьми на «Большую землю». К счастью, туда попала и мама с десятимесячной Ирочкой и маленьким Аликом.

Вспоминаю ни с чем не сравнимую радость, когда, узнав об удавшейся эвакуации, папа благословил меня, шестнадцатилетнего парнишку, в путь из Ташкента в далекую Шую Ивановской области, где временно обосновались родные. И я, нагруженный провиантом для изголодавшихся близких, на перекладных, сменяя один попутный поезд за другим, в тамбурах, на крышах, платформах, добрался наконец за две недели до заветной цели и увидел самые дорогие лица. Быть может, то был один из счастливейших моментов в жизни! Как мы стосковались!

Больно было за маму, измученную пережитым, исхудавшую, перенесшую дистрофию; за братика, тощего, бледного, не в меру повзрослевшего; а вот сестренка, не знавшая ни нормальных условий домашнего быта, ни элементарной детской диеты, выглядела, наперекор всем законам природы, цветущим краснощеким карапузом, радостно реагирующим на раскрывающийся мир.

Совместный путь в Узбекистан был уже вполне комфортным. Руководство Спорткомитета в Москве, где меня знали как способного кандидата в мастера, отнеслось со вниманием к просьбе поддержать, и уже обычным цивилизным поездом удалось благополучно добраться до Ташкента. Семья наконец воссоединилась. Маму с детьми устроили

на консерваторском подсобном хозяйстве за городом, где овощи и фрукты росли «под рукой» и можно было восстановить пошатнувшееся здоровье.

Война шла к победному концу, и Ленинградская консерватория вернулась в родной исстрадавшийся город. Наша квартира оказалась занятой новоселами из разбомбленного дома. По тогдашним законам она не подлежала возврату прежним владельцам, и обустройство пришлось начинать с нуля. Но все это уже не казалось большой бедой — сил и оптимизма хватало.

Жизнь налаживалась, входила в свою колею. Отец — трудоголик, как всегда, много работал. Он стал заместителем директора по строительству знаменитого акимовского Театра комедии, что на Невском проспекте, реконструировал и расширил сцену, фойе. Потом использовал этот опыт и в другом прославленном театре — Большом драматическом на Фонтанке, участвовал в строительстве нового ТЮЗа неподалеку от Витебского вокзала. Мама же вернулась к привычным хлопотам — огромная комната в здании школы-десятилетки в Матвеевском переулке была плохо приспособлена для жилья. Большая семья имела хороший аппетит, который в послевоенном Ленинграде утолить было нелегко, но, как и прежде, главное внимание и забота уделялись детям. Правда, я, тогда уже успешный студент консерватории и многообещающий шахматист, был достаточно самостоятелен, а вскоре, женившись, и вообще покинул родительский дом. Да и Юра, поступив в военноморское училище, уверенно выбрал жизненный путь. Но Алик, а тем более Ирочка еще нуждались и в нежной материнской опеке, и направляющей родительской мудрости.

И здесь чуть было не совершилась ошибка. По уже накатанной стезе Алика решили учить музыке, и он начал заниматься на скрипке, правда, недолго. В классическом

конфликте «лириков с физиками» на этот раз верх взяли отцовские гены — Алик без сожаления оставил скрипку и, отлично закончив школу, поступил учиться на радиотехнический факультет Ленинградского института точной механики и оптики, где и нашел свое истинное призвание. Забегая вперед, скажу, что Роальд Евгеньевич с годами вырос в крупного ученого и стал руководителем научной лаборатории.

А вот в судьбе Ирочки победили материнские гены и воплотились материнские чаяния — мама воспитала в любимой дочке интерес и к музыке, и к хореографии, и к театру. Сначала была школа-десятилетка при консерватории, где Ира занималась в классе фортепиано, затем консерватория, которую она успешно закончила как пианистка и как оперный режиссер. А потом началась самостоятельная творческая жизнь, принесшая множество удач. За долгие годы работы на Ленинградском телевидении Ирина Евгеньевна Тайманова сделала сотни содержательных передач о крупнейших музыкантах, артистах, певцах, балеринах, сняла телефильм по опере мужа — композитора Владислава Успенского «Война с Саламандрами» и многое-многое другое, за что удостоена почетного звания «Заслуженный деятель искусств России».

Долгое время счастливо складывалась судьба и нашего брата Юры. Он уверенно продвигался по ступеням офицерской службы, обрел признание, стал инженер-капитаном 2-го ранга, женился на милой китайке Ие-И-Ин, чем привнес экзотический оттенок в нашу родословную, обогатился очаровательной белокурой дочуркой с раскосыми глазами и вполне благоденствовал.

И хотя не все главные достижения детей пали на век родителей, но и то, что они застали, давало повод радоваться и гордиться плодами своих забот, внимания и люб-

ви. Цель жизни удалось счастливо осуществить. Наступившая старость обещала семье атмосферу покоя и всеобщего уважения, когда на склоне лет неожиданно-негаданно грянуло тяжелое испытание. Отца, работавшего на строительстве крупного жилищного объекта, по ложному доносу обвинили в серьезных служебных нарушениях и возбудили против него судебное дело. Мы пережили тяжелые, тревожные месяцы. В конце концов незаслуженные напасти канули в Лету, и справедливость восторжествовала, но пожилым родителям все это стоило нервов, сил и здоровья. Отец вскоре умер — во время игры в шахматы его разбил тяжелый инсульт. Мать серьезно заболела, и спустя несколько лет ее тоже не стало. Мы осиротели...

А потом несчастья навалились и на семью Юры. Тяжелый недуг сломил еще молодую жену, а затем и дочь Лану. Одиночество стало для Юры убийственным...

Светлая память ушедшим, душевная благодарность за любовь и ласку...

ПАТРИАРХ

С именем Ботвинника связана вся моя шахматная судьба. Он дал путевку в жизнь и на протяжении полувека оставался для меня непререкаемым и высокочтимым авторитетом.

Я стал его учеником в стенах шахматного клуба ленинградского Дворца пионеров в далеком 1939-м, когда достиг первых заметных успехов в школьных соревнованиях и, пройдя путь от начальной V категории по всем разрядным ступенькам, стал кандидатом в мастера. До Михаила Моисеевича я занимался у отличных педагогов — Алексея Павловича Сокольского, Георгия Яковлевича Левенфиша, раскрывших мне многие тайны шахматной науки, но, пожалуй, именно Ботвинник определил мое призвание.

У Михаила Моисеевича, который был к тому времени уже признанным лидером советских шахмат, проявился особый подход к шахматному наставничеству и неповторимый педагогический метод занятий с учениками. Их во Дворце пионеров у Ботвинника было немного — 8—10 самых способных, и встречался он с нами в свободное от научной работы и выступлений время обычно раз в неделю. Михаил Моисеевич не читал нам лекции, не навязывал готовых рецептов, не забивал юные головы дебютными вариантами. Словом, никогда не вел уроков в общепринятой форме. Он давал ученикам узкие задания для самостоятельной домашней работы на различные темы теории дебютов, миттельшпиля и классических исследований в области окончаний, выделяя 2—3 недели для подготовки докладов, с тем чтобы потом выслушать аналитические отчеты в роли внимательного, доброжелательного, но строго оппонента.

Педагогическим девизом Ботвинника было: научить юного шахматиста главному — учиться. Он всегда подчеркивал: «Если вы изберете для себя шахматную карьеру, учиться вам придется всю жизнь». И действительно, Ботвинник воспитал в своих учениках способность к самостоятельной работе, умение рационально пользоваться богатым литературно-шахматным наследием, привил потребность совершенствования аналитически-исследовательского процесса — словом, заложил основы навыков, необходимых для профессиональной карьеры. Он говорил: «Недостаточно много играть в шахматы. Надо оставлять время, чтобы о них думать».

Вспоминаю, как ответственно готовили мы свои доклады, как ловили каждое замечание Учителя, как гордились его одобрительными оценками, как сокрушались порой своими неизбежными промахами! Самое же удивительное в таких семинарах было то, что Ботвинник, оказывается, и

сам учился с нами! Давая задания по сложным дебютным проблемам, он словно бы выверял и свои собственные анализы по этим темам. Помню, как в 1941 году Ботвинник, победив на сложнейшем турнире и завоевав звание абсолютного чемпиона СССР, в интервью неожиданно подчеркнул роль своих учеников в подготовке к этому соревнованию. «Они, даже не подозревая того, очень помогли мне», — сказал чемпион.

Впрочем, иногда (правда, увы, редко) Михаил Моисеевич не только авторитетно оппонировал нам, но и сражался в сеансах одновременной игры на пяти—шести досках с часами в условиях, как тогда говорили, наиболее приближенных к боевой (турнирной) обстановке. Потом сыгранные партии мы совместно разбирали, что было, конечно, хорошей наукой для ребят; а однажды я, к огромной радости, увидел в газете «б4» подробные комментарии Ботвинника к партии с Марком Таймановым, в которой мне довелось победить Учителя. Это была моя первая партия, появившаяся в шахматной прессе, да еще в такой необыкновенно почетной форме.

Ботвинник своим примером учил нас и этике шахматной жизни, и уважению к коллегам, и вниманию к общим цеховым интересам. Вспоминаю с благодарностью, как порой звонил он мне, тогда еще неоперившемуся юнцу, и расспрашивал о сыгранных в турнирах партиях, искренне поздравляя с удачами.

Счастливого отрочество перечеркнула война. Дом, школа, Дворец пионеров, Ленинград стали надолго (а в чем-то и навсегда) незабываемым и дорогим прошлым...

Низкий поклон, Учитель! Горжусь, что был среди первых Ваших воспитанников.

Добавлю, что спустя многие годы, уже в ранге чемпиона мира, Ботвинник реализовал свой педагогический опыт

в глобальном масштабе Всесоюзной шахматной школы, где путевки на шахматный Олимп получили будущие чемпионы Гарри Каспаров и Анатолий Карпов, Владимир Крамник и многие другие замечательные гроссмейстеры.

А мои контакты с Михаилом Моисеевичем возобновились лишь в 1947 году, когда я неожиданно получил от него удивительное письмо, которое храню как реликвию. Приведу его полностью.

Здравствуйте, Марк!

Был в Ленинграде 18 сентября — всего несколько часов, пытался узнать Ваш телефон, но в справочной мне сказали, что Вашей фамилии в списке нет.

Сейчас я начинаю подготовку к матч-турниру, вернее, составляю план своей подготовки и решил, Марк, обратиться к Вам за помощью.

Во-первых, Марк, я бы просил Вас, если это не секрет, сообщать все интересные нововведения в области дебюта, которые встречаются в Ленинградских партиях. Во-вторых, я ищу себе партнеров для закрытой тренировки, которая ориентировочно намечена на январь. Предполагается, что тренировка будет проводиться в доме отдыха под Москвой. Возможно, что если будет сорван чемпионат СССР (либо предполагаемый Всеславянский турнир вместо чемпионата также не состоится), то эта тренировка будет продолжаться дольше и займет период 15 декабря — 1 февраля.

Я прошу Вас, Марк, сообщить мне, готовы ли Вы помочь мне в принципе, а если да — устраивают ли Вас эти сроки.

Меня беспокоит, не совпадает ли экзаменационный период с ними?

Во всяком случае, Вы напишите, пожалуйста, согласны ли Вы, Ваши условия (Комитет Вам все оплатит) и т. п.

Мне кажется, что это дело будет полезно и для Вас — надо же Вам когда-нибудь всерьез браться за шахматы.

Я обращаюсь к Вам, Марк, потому, что не так много у меня друзей, которые годятся для закрытой тренировки, т. е. которые умеют держать язык за зубами. На Вас я надеюсь в этом отношении.

Жду Вашего письма.

Сердечный привет

М. Ботвинник

27. 09. 1947 г.

Р. С. Об этом письме и его содержании никому, пожалуйста, не говорите!

М. Б.

Поразительный документ, не правда ли? В немногих строках весь Ботвинник с его интеллигентной уважительностью к партнеру, трогательным вниманием и даже заботой о молодом адресате (чего стоят слова об экзаменационном периоде и оплате тренировок!), тщательность и продуманность плана подготовки и, наконец, какое-то ощущение замкнутости и даже одиночества, выразившееся в подчеркнутом недоверии к коллегам и прорвавшейся резкости в их адрес (держать язык за зубами!), а в довершение — постскрипtum, акцентирующий конфиденциальность своих планов, настороженность ко всему окружающему миру, которые были лейтмотивом всей его жизни.

Не могу вспомнить, что помешало воплотиться намерениям Ботвинника, поскольку для меня его предложение было не только лестным, но и исключительно привлека-

тельным, и мой ответ мог быть независимо ни от чего только «да! да! да!», но так или иначе планам не суждено было сбыться, о чем я могу только искренне сожалеть...

Что же касается присущих Ботвиннику подозрительности и недоверчивости, ставших «притчей во языцех», то у него, как истинного сына советской эпохи, веских оснований для этого, увы, было предостаточно.

Именно к тому времени относится история с поездкой Ботвинника в Голландию, ставшая известной лишь теперь, после публикации в «Известиях» секретных материалов ЦК партии, отражающих царившую тогда в верхах гнетущую атмосферу подозрительности даже по отношению к знатым и уважаемым гражданам страны, составлявшим ее гордость.

В статье под заголовком «Совещание у Суслова» воспроизводится стенограмма совещания руководителей партии и правительства в начале апреля 1948 года:

Покровский (Зам. зав. Отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б)): «Я не проверял, но мне говорили, возвращаясь из Гааги (речь идет о матч-турнире за звание чемпиона мира. — М. Т.), Ботвинник вез с собой 15 чемоданов».

Ворошилов: «Иностранцы, уезжая из Москвы, увозят по 20 чемоданов. Да и что оттуда можно привезти, когда у нас есть все». (Святая простота! — М. Т.)
<...>

Суслов: «Насчет Ботвинника, вероятно, болтают».

Ворошилов: «Он неплохой большевик и семейный человек к тому же».

Покровский: «Мы беседовали с товарищами, которые были в Гааге».

Постников: «Я считаю, что это неправильно. У товарища была премия 1500 гульденов, он кое-что себе

купил, а к тому же 10 чемоданов он вез с собой отсюда. Ведь он уезжал с семьей — с женой и дочерью. У него книг было два чемодана».

Словом, на этот раз все закончилось для Ботвинника благополучно. Но сама постановка «вопроса о чемоданах» в ЦК ВКП(б) свидетельствует, что могло стать и иначе...

Так, например, четыре года спустя чемпиона мира Ботвинника вытурили из Олимпийской команды, да еще руками подговоренных коллег-гроссмейстеров, под бессовестным предлогом, что он, по мнению специалистов (?!), находится в плохой спортивной форме и не может гарантировать лучший результат на первой доске (всего команда состояла из шести гроссмейстеров). И предложили Ботвиннику официально объявить организаторам шахматной Олимпиады, крайне заинтересованным в участии чемпиона мира, о своей «болезни». «Но ведь я абсолютно здоров», — пытался возразить Ботвинник. Увы, то был «глас вопиющего в пустыне»... Стоит ли удивляться, что, не раз обжегшись на молоке, он считал необходимым дуть и на воду...

С горечью и обидой делился со мной однажды переживаниями Сало Флор — верный друг и секундант Ботвинника — по поводу поразившего его эпизода, который случился во время матча на первенство мира Ботвинник—Бронштейн.

Это было на финише сложнейшего поединка 1951 года. Накануне предпоследней — двадцать третьей — партии Ботвинник отставал на очко (10,5:11,5), и только победа могла дать ему шанс отстоять свой титул, поскольку в последней встрече ему предстояло играть черными фигурами, что значительно усложняло задачу. Ботвинник, как и обычно в критических ситуациях, вел борьбу с огромным

напряжением и полной отдачей сил. Он умело переиграл соперника.

Когда было сделано сорок ходов и партия по регламенту должна была откладываться для доигрывания на другой день, положение Бронштейна выглядело очень трудным. Было очевидно, что в распоряжении чемпиона мира имелось сильное продолжение, которое сулило ему самые радужные перспективы. И этот довольно очевидный ход он должен был записать на своем бланке и запечатать в специальный конверт для завтрашнего возобновления игры. Завершив после длительного обдумывания эту традиционную в те времена процедуру (теперь партии не откладываются и заканчиваются, согласно регламенту, в тот же день), чемпион мира в хорошем настроении покинул сцену Концертного зала им. Чайковского. Его встретил радостный Флор, и они, как обычно, пешком отправились домой к Ботвиннику. По дороге секундант приводил по памяти варианты, которые должны принести желанную победу. Поужинав, сели за доску и вместе проанализировали позицию из отложенной партии. К ночи Флор удалился домой для скрупулезной шлифовки анализа, договорившись, что утром они расставят все точки над «і». Так и случилось. С учетом очевидного «секретного» хода, который должен был накануне записать Ботвинник, сомнений в его победе уже не оставалось. В игровой день они вместе прогулялись, пообедали и отправились на доигрывание этой, по существу, решающей партии. Эмоциональный Флор не скрывал своей радости по поводу ожидавшейся развязки, а Ботвинник охотно ему поддакивал. Наконец они пришли к турнирному помещению. Сало пожелал «ни пуха, ни пера», и только здесь, у входа в зал, Ботвинник неожиданно признался. Тихо, чтобы никто не мог услышать, он шепнул Флору: «Саломончик! Я записал

другой ход...» Флор чуть не плакал и долго не мог забыть обиду, нанесенную другом...

Недоверчивая осторожность Ботвинника проявилась и в забавном случае, связанном уже со мной лично.

Как-то на одном из сборов команды советских гроссмейстеров перед выездом за рубеж на международное соревнование во время прогулки Михаил Моисеевич спросил: «Марк Евгеньевич! (с определенного момента он стал называть меня по имени-отчеству — *М. Т.*) Какие у Вас планы на вечер? Ничего особенного? Тогда приходите ко мне часов в девять...» Заинтригованный, я в назначенный час постучался в комнату Ботвинника. Он, как всегда, был радушен, но почему-то запер дверь, зашторил окна и конфиденциально предложил: «Будем играть блиц-матч из десяти партий-пятиминуток. Но ни об этом, ни о результате никто не должен знать...»

Известно (Ботвинник всегда это подчеркивал), что он отрицательно относится к быстрым партиям и особенно блицу, поэтому его неожиданное предложение, да еще в такой таинственной форме, прозвучало для меня не только заманчиво, но и лестно. Мы сели за уже приготовленный к необычному матчу столик, и борьба началась. В молодости я блиц играл охотно и, в отличие от моего могучего партнера, довольно хорошо, а потому исход такого сражения был предрешен. Я выиграл со счетом то ли 7:3, то ли еще крепче, но, к счастью, это нисколько не огорчило Михаила Моисеевича — просто еще один пункт секретной подготовки он выполнил. А на прощание все же добавил: «Но, Марк Евгеньевич! Никому ни слова. Обещаете?» Я честно держался лет так сорок...

И все же, несмотря на мой пиетет к Михаилу Моисеевичу и, убежден, его доброе расположение к своему первому ученику, между нами однажды пробежала черная кошка.

Огорчительный эпизод произошел на XX чемпионате СССР в 1952 году. Жребий свел нас в четвертом туре. Встреча с чемпионом мира всегда знаменательна, и, признаюсь откровенно, больше всего хотелось сделать почетную ничью. Вот почему, хорошо разыграв черными дебют и добившись полноправной позиции, я счел возможным сделать Учителю мирное предложение. Но у Михаила Моисеевича, видимо, была иная задача. Во всяком случае, он, сославшись на существовавшее тогда турнирное правило, запрещавшее соглашаться на ничью до тридцатого хода без разрешения главного судьи, мою инициативу холодно отклонил и... тут же сделал неудачный ход. Сильный ответ оказался для него неприятной неожиданностью, и Ботвинник погрузился в длительное раздумье. Каково же было мое удивление и, признаюсь, разочарование, когда Михаил Моисеевич вдруг обратился ко мне с встречным... мирным предложением. Зная принципиальность Ботвинника, я никак не мог понять, почему на двадцать втором ходу он словно бы сделал мне отповедь за нарушение турнирного регламента, а уже через ход кардинально изменил свои взгляды. Мне оставалось лишь деликатно ответить, что вопрос о соглашении на ничью до тридцатого хода, на что мне ранее справедливо указал сам мэтр, не может быть решен без санкции судейской коллегии. К нашему столику был приглашен главный арбитр Игорь Захарович Бондаревский, который, объективно оценив создавшуюся на доске позицию, в признании ничейного исхода нам отказал и официально предложил продолжить борьбу, чему мы и подчинились. Партия продолжилась, и в результате тактических осложнений мне удалось добиться победы.

Поздно вечером Ботвинник позвонил Флору — тогда уже моему секунданту — и выразил недовольство по по-

воду поступка его подопечного. Сало Флор слыл очень объективным человеком, и с его мнением коллеги считались. Он, конечно, был в курсе инцидента, но поддержал мою сторону:

— Миша, ведь Маркуша не планировал у Вас выигрывать и первым предложил ничью, которую Вы же и отклонили.

— А если не планировал, почему выиграл? — парировал Ботвинник.

— Но ведь судья потребовал соблюдения регламента. Это было справедливо?

— Конечно, — согласился Михаил Моисеевич, хотя обиду в душе затаил надолго.

К счастью, Ботвинник четко определял сроки своих «приговоров» и с «обидчиками» подолгу не разговаривал. Мой срок истек года через два... Сначала Патриарх «помягчал», когда выиграл у меня матч на звание чемпиона СССР, а затем наступило время полной амнистии. Добрые отношения восстановились, и, когда наступил момент самого главного события в моей шахматной карьере — матч с Робертом Фишером, я счел возможным и необходимым обратиться к Учителю за помощью в подготовке. Ботвинник щедро одарил меня бесценными советами. Из своих методов глубокой и всесторонней подготовки к соревнованиям Ботвинник никогда не делал секретов. Напротив, он публиковал обширные и откровенные статьи по этой, тогда еще совсем неразработанной проблеме. И я, конечно же, читал их. Но когда Ботвинник открыл передо мной «тайники» своей лаборатории, признаться, я был поражен оригинальностью, масштабностью, психологической насыщенностью и тактической значимостью его идей.

Прежде всего оказалось, что почти на всех крупных гроссмейстеров — его потенциальных соперников —

у Ботвинника заведены «досье», где скрупулезно собраны самые разнообразные характеристики — и личностные, и творческие; такие меткие, что на них могли бы поучиться даже секретные службы КГБ...

Непрерывно пополнявшиеся материалы содержали заметки Ботвинника не только по поводу стиля шахматиста, его сильных и слабых сторон, дебютного репертуара, любимых приемов игры, реакции на результаты отдельных партий, психологической устойчивости, поведения в цейтнотах, но и многое другое. Он обращал внимание даже, на, казалось бы, незначительные штрихи к основному портрету. Так, подметил однажды, что Макс Эйве с удовольствием делает «длинные» ходы и, если у него возникает примерно равноценная альтернатива — передвинуть фигуру рядышком или направить ее через всю доску, он непременно предпочтет последний вариант. Причем Ботвинник даже нашел этому забавное обоснование: «Эйве высок ростом, и ему требуется больше пространства...» Мелочь? Но какой важной она может оказаться в процессе игры!

К моей удаче, у Михаила Моисеевича оказалось досье и на Фишера (несколько лет назад намечался его матч с великим американцем), и он без колебаний щедро передал мне этот бесценный плод его разработок. Не стану вдаваться в чисто шахматные детали уникальных аналитических выкладок — они были, как всегда у Ботвинника, многообразны и точны. Поделюсь лишь воспоминаниями о его рекомендациях, связанных непосредственно с моими предматчевыми и матчевыми проблемами. Прежде всего Михаил Моисеевич, увы, не одобрил моего выбора секунданта, а я, увы, к этому прислушался, что считаю теперь одной из главных ошибок. Мы уже договорились с Мишей Талем, близким мне по духу, живым, остроумным, обаятель-

ным человеком, не говоря уже о его шахматной гениальности, и я радовался предстоящему сотрудничеству. Но Ботвинник был непреклонен: «Вы оба настолько божественны, что вряд ли сможете удержаться в рамках аскетизма, а это очень важно, — и не без юмора добавил: — Чего доброго сопьетесь. Возьмите лучше Юру Балашова. Он серьезный молодой человек, недавно защитил диплом по творчеству Фишера, отличный аналитик». Все это было правда, как и то, что Юра оказался верным и старательным помощником, но ведь его я раньше не знал, и сближались мы уже непосредственно в процессе работы...

Зато другие рекомендации были мудры, оригинальны и весьма предусмотрительны. Для начала Михаил Моисеевич порекомендовал сыграть 8—10 тренировочных партий с «усиленным партнером». Иными словами, моим секундантам Юрию Балашову и Евгению Васюкову предоставлялось право, находясь в соседней комнате, консультироваться по каждому ходу, принимать общее решение, передвигая фигуры на доске и даже пользуясь справочной литературой. К тому же времени на обдумывание у «спаренного и усиленного партнера» было на целый час больше, чем у меня, — на сорок ходов три с половиной часа! Я же играл по всем обычным правилам, только не видя своего соперника. Что и говорить, серьезное испытание! Не помню точного результата нашего тренировочного матча, но, кажется, я сыграл достаточно солидно — одну выиграл, две проиграл при остальных ничьих.

Среди других специфических рекомендаций Ботвинника припоминаю и вовсе любопытные. В частности, совет, связанный с присущей мне с детских лет неискоренимой слабостью — рефлекторной реакцией. Зачастую я делаю «естественные» ходы не задумываясь, а порой и вовсе даю вовлечь себя в цейтнотный ритм противника. Чтобы пре-

одолеть эту вредную манеру, Михаил Моисеевич посоветовал во время тренировок, кроме шахматных часов, поставить еще и... песочные с тем, чтобы, пока минутная доза не пересыплется в колбу, не сметь делать ответного хода, а для страховки еще и сидеть во время игры на ладонях, дабы механически исключить импульсивные движения и помешать руке опережать мысль.

И в дополнение еще лаконичные, чеканные советы:

- Месяц на подготовку.
- Быть самостоятельным.
- Стать профессионалом!
- Спорт, воздух, плавание.
- Спать перед обедом и обедать за полтора часа до игры.
- Готовиться немного. Силы беречь!
- Без светского образа жизни.
- Таль — нет! Все-таки — Балашов!

Это была великолепная глобальная программа. Увы, «не в коня оказался корм», но это уже не его вина, а моя беда...

Добавлю лишь, что Михаил Моисеевич за долгие годы наших добрых отношений хорошо познал своего ученика. В книге «Полвека в шахматах» в 1978 году он писал: «Марк Евгеньевич Тайманов начал свою шахматную карьеру почти как вундеркинд: мальчик соображал молниеносно и блестяще считал варианты. Впоследствии, изучив и методы позиционной борьбы, он добивался крупных успехов: был чемпионом страны и дважды — претендентом на мировое первенство. И все же осталось впечатление, что Тайманов мог добиться большего. Видимо, сказались особенности человеческого характера. В поисках истины он не любит сомневаться, что приводило нередко к поспешным решениям. Это бывало и у других шахматистов, как, например, в прошлом у Боголюбова, а в нынешние времена у Ларсена...»

Ботвинник мне запомнился человеком не только глубокого аналитического ума, невероятной работоспособности, широких интересов, но и поразительной целеустремленности, определявшей динамизм его натуры. За что бы ни брался, у него все получалось. Даже в мелочах. В юности Миша Ботвинник встречался с девушкой, увлекавшейся бальными танцами. Ударить в грязь лицом было не в характере молодого кавалера, и он решил проявить себя на этом поприще. «Чарльстон у меня не получался, — спустя годы самокритично вспоминал Михаил Моисеевич, — не так просто вертеть ногами одновременно. Но я схитрил: месяца два методично тренировался перед зеркалом и создал свой стиль (еще один «вариант Ботвинника»! — *М. Т.*), когда ноги работают поочередно, и заметить это было практически невозможно». Михаил Моисеевич настолько уверовал в свое хореографическое мастерство, что как-то, танцуя с самой Галиной Улановой, на сказанный великой балеринной комплимент он, по собственному признанию, «ничего сказать ей не мог — фокстрот она танцевала слабо...»

Михаил Моисеевич отличался тонкой российской интеллигентностью, старомодной скромностью; он был живым, остроумным собеседником, превосходным рассказчиком, знавшим множество интересных историй и модных анекдотов.

• Ботвиннику было свойственно и чувство юмора. Вспоминаю, как однажды он, словно бы на полном серьезе, заметил: «Признаться, мне не очень симпатично, как поступил Гаррик Каспаров. В детстве был Вайнштейном, а потом, когда умер отец, принял фамилию матери. У меня ведь была схожая ситуация, но, когда отца не стало, я не изменил фамилию». И на естественный вопрос слушателей: «А как фамилия Вашей матери?» — невозмутимо ответил: «Рабинович...»

ПРОВИДЕЦ

Имя мудрого музыкального наставника и моего духовного отца Самария Ильича Савшинского для меня так же высокочтимо, как и имя шахматного учителя Михаила Моисеевича Ботвинника. Но, увы, время постижения его неоценимых советов и дорогих моему сердцу личных контактов оказалось не столь продолжительным.

Я пришел к нему в класс школы-десятилетки при Ленинградской консерватории в 1938 году, учился все школьные и студенческие годы, а затем, «коперившись» и выйдя на широкую концертную арену, лишь изредка обращался за советами, чаще навещая его просто по сердечной приязанности.

В Ленинградской консерватории Самарий Ильич продолжал педагогические традиции знаменитой николаевской фортепианной школы, подарившей музыкальному миру таких великих музыкантов XX века, как Дмитрий Шостакович, Владимир Софроницкий, Мария Юдина, Павел Серебряков. Но, в отличие от этой славной плеяды, концертная деятельность не стала смыслом жизни Самария Савшинского — у молодого пианиста возник панический страх перед сценой, и, хотя он великолепно владел роялем и порой поражал учеников виртуозностью исполнения фрагментов разучиваемых ими сочинений, на публике выступать решался крайне редко...

Подлинным призванием Савшинского стала педагогика. Он обладал удивительным талантом точно диагностировать способности ученика. Буквально с одного прослушивания он мог определить его сильные и слабые стороны, оценить творческие перспективы, наметить пути совершенствования. Самарий Ильич говорил, что для успеха совместной работы учитель прежде всего должен «влюбить»

ученика в себя; и, надо отдать должное, это ему всегда удавалось.

И если своего другого мудрого наставника Михаила Моисеевича Ботвинника я глубоко читл, восхищался силой его личности, то Самария Ильича я нежно любил всю жизнь. Может быть, потому, что с детства чувствовал не только его педагогическую, но и отеческую привязанность. Самарий Ильич в молодые годы потерял сына, которого звали Марком, и это наложило особый отпечаток на наши взаимоотношения...

Кроме того, совместные занятия эмоциональным искусством душевно сближают куда больше, чем даже самые доверительные контакты в рациональной сфере, к которой можно отнести и шахматы. И если Михаил Моисеевич относился ко мне с добротой и уважительно, то Самарий Ильич — по-родственному нежно.

Бесконечно ценю, что, когда в 1963 году он написал книгу о пианизме, в дарственной надписи выплеснулось: «Дорогим детям Любе, Марку и Гарику от любящего Савшинского».

Роль Самария Ильича в моей судьбе оказалась бесконечно важной. Еще в ранние школьные годы ему пришла счастливая, как оказалось впоследствии, идея добавить к традиционно сольному репертуару некоторых своих учеников и редко исполняемые тогда сочинения для двух фортепиано. Так, для начала он предложил мне и моей соученице Любе Брук разучить замечательные дуэтные произведения Моцарта и Шопена, что открыло перед нами совершенно новый мир творческих задач. Теперь уже можно с уверенностью и благодарностью сказать, что в те далекие времена пронцательный профессор predetermined на долгие годы и нашу пианистическую судьбу, и часть жизненного пути, поскольку спустя примерно десять лет завоевавший признание фортепианный дуэт Любовь Брук —

Марк Тайманов обрел и семейный статус, а немного позднее Самарий Ильич взял под свое музыкальное покровительство и нашего сына Игоря.

Не ошибусь, полагая, что даже пианистическая стезя продолжательницы таймановского рода — моей внучки Кирочки, студентки петербургской консерватории, не стала бы столь органичной без «рентгеновлияния» школы Савшинского.

Кстати, сын как-то рассказывал мне любопытный эпизод из его школьных лет. Он тогда находился под огромным впечатлением от игры выдающегося пианиста Глена Гульда и в особенности от его исполнения VI партиты Баха. Разучивая это сочинение, Игорь стал неволью подражать стилю великого пианиста, его фразировке и другим деталям. Но вот настало время показать свою работу Самарию Ильичу. Тот внимательно выслушал, конечно же, почувствовал сильное гульдовское влияние, но возражать не стал: «Мне нечего тебе посоветовать, Гарик, — сказал мудрый профессор, — у тебя прекрасный педагог».

Самарий Ильич стремился расширить художественные впечатления учеников. Ему было чуждо чувство ревности, и он не упускал возможности перенять что-то полезное у коллег, а порой и обратиться за советом или консультацией.

Вспоминаю, какой сказочный сюрприз преподнес мне однажды профессор. Прослышав, что в Ленинград на несколько дней собирается приехать непревзойденный интерпретатор музыки Скрябина и Шумана великий русский пианист Владимир Владимирович Софроницкий, с которым у Самария Ильича издавна сложились добрые отношения, он обратился к нему с просьбой прослушать одного из своих студентов. Речь шла обо мне. Я работал тогда над «Симфоническими этюдами» Шумана, которые были жемчужиной в репертуаре Софроницкого, и Самарию Ильичу пришла

в голову счастливая идея организовать для меня консультацию у самого авторитетного исполнителя этого произведения.

Софроницкий великодушно согласился, и в назначенное время я с трепетом постучался в номер «Европейской» гостиницы, где остановился замечательный артист.

Дверь открыл Владимир Владимирович, и я уже не на сцене, а вблизи увидел своего кумира. Софроницкому было тогда под пятьдесят, он выглядел бесподобно: высокий, стройный, элегантный, с тонким одухотворенным лицом, и воплощал образ романтического художника изысканно-аристократического стиля. «Добрый день. Мне звонил Самарий Ильич, и я с удовольствием уделю Вам внимание. Будете играть „Симфонические этюды“?»

Едва справившись с радостью знакомства с удивительной личностью, я смущенно кивнул. Но следующий вопрос поверг меня в состояние полной растерянности: «А при каком освещении?» Признаться, мне и в голову не приходило, что такая деталь может иметь значение... «Да так как будто хорошо», — промямлил я и направился к роялю...

Софроницкий отошел в угол комнаты, устроился комфортно на диване и, отвернувшись, видимо, чтобы не отвлекать исполнителя, сказал: «Настроились? Ну, с Богом».

Я очень волновался, но это пошло на пользу. Сыграл грандиозное сочинение словно на одном дыхании. Владимир Владимирович слушал не шелохнувшись, потом, как помню, подошел, потрепал по шевелюре и произнес: «Спасибо». Тут началось самое удивительное. Разбирая один этюд за другим, Софроницкий находил такие образные указания и будоражащие фантазию примеры, что казалось, музыка оживала и обретала и неведомый до того глубинный смысл, и стройность архитектоники, и законченность формы. Я словно услышал ее впервые...

«Вот здесь, — говорил он, к примеру, о восьмом этюде, — все оставьте, как играли, только нахмурьте строго брови, зазвучит более мужественно...» Так мог советовать только истинный художник! Вдохновленный, я прибежал домой и по свежей памяти записал бесценные рекомендации. А наутро подробно рассказал обо всем Самарию Ильичу. Мы тут же сели за инструмент...

С тех пор как не стало моего дорогого Учителя, прошло уже несколько десятилетий, но я всегда помню его мудрые советы и афоризмы:

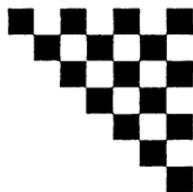
- Полюби музыку, и она ответит тебе взаимностью.
- Случайно можно сыграть плохо, а случайно хорошо — никогда.
- Даже увлекшись, не бей руками по клавишам, рояль — твой друг.
- Никогда не известно, как пройдет твой концерт, но на эстраду нужно выходить с чистой совестью.
- О твоём исполнении важно мнение не профессионалов, а публики. Ты играешь для нее.
- Не переоценивай комплиментов, сказанных тебе после концерта в артистической. Туда приходят только те, кто хочет сказать добрые слова. Но ведь есть и другие...

И наконец:

— Судьба артиста зависит от счастливого случая, но к нему нужно быть готовым всегда!

Этим заветам я благоговейно следовал всю жизнь.

Сильные мира сего

В многообразии жизненных событий, путешествий, публичных выступлений и дружеских контактов особое место занимают порой запланированные, а чаще спонтанные встречи и знакомства с государственными и политическими деятелями разных стран. Их особый статус, общественная значимость, наконец, «силовое поле» неизбежно вызывают естественный человеческий интерес. Мне довелось (или, как говорят, выпала честь) не только испытывать их непосредственное влияние на свою судьбу, но и встречаться в неофициальной обстановке, вести непринужденные светские беседы, сражаться за шахматными столиками со многими яркими государственными личностями. О них описаны мириады страниц и, кажется, известно все. Но тем значимее любые незнакомые детали, хоть чем-то дополняющие хрестоматийные портреты.

ЗА ПОДПИСЬЮ СТАЛИНА

Нет, со Сталиным я не встречался. Трудно даже сказать, к сожалению или к счастью, — слишком непредсказуемы бывали контакты с Вождем всех времен и народов. Но, разумеется, как и у всякого сына сталинской эпохи, мно-

гие события моей жизни были им глобально предопределены.

Признаюсь, отношение к Иосифу Виссарионовичу Сталину у меня отнюдь не однозначное. Думаю, «сталинская забота» о детях не была лишь лозунгом, а носила конкретный характер. Во всяком случае, для мальчика, родившегося в семье среднего достатка, каким был я, возможности реализации подаренных родителями способностей предоставлены были самые широкие — и музыкальная школа, и замечательный Дворец пионеров, и спортивные площадки, не говоря уже о лучших педагогах. Вспоминаю с благодарностью конкурсы юных дарований, участие в шахматных сеансах одновременной игры крупнейших шахматистов мира и многое, многое другое...

Действительно, детство выпало счастливым. А потом война, и имя Сталина стало символом надежд и победы. Да и пропаганда играла далеко не последнюю роль... Конец иллюзиям и истинное прозрение пришли куда позже, с возрастом и зрелостью, но помню, еще в 1951 году я восхищался эрудицией вождя, основательно разбиравшего на страницах центральных газет проблемы языкознания и гневно критиковавшего «псевдоученого» академика Н. Я. Марра...

Тогда казалось, что Сталин разбирается во всем — в науке, искусстве, спорте, не говоря уже о глобальных проблемах жизни страны. Правда, в шахматы он не играл, хотя и здесь ему готовы были приписать успехи. В несметном количестве изданий опубликована партия, которую в 1926 году он якобы выиграл у Ежова, стоявшего во главе ГПУ, но историки утверждают, что это безусловная выдумка. Вместе с тем фактом остаются его прозорливая поддержка лозунга «Шахматы в массы!» и назначение руководителем советского шахматного движения авторитетного

Николая Крыленко — первого Верховного Главнокомандующего страны.

А в 1952 году внимание Сталина к шахматам коснулось меня лично. В Англии намечалось проведение первого шахматного чемпионата мира среди студентов, и, конечно, нельзя было упустить шанс прославить наши достижения на таком форуме. Была дана команда обеспечить победу. Выбор высокого начальства пал на кандидатуры гроссмейстера Д. Бронштейна и международного мастера М. Тайманова — тогда уже известных шахматистов. Правда, Давид никогда не посещал вуза, да и я к тому времени успел закончить консерваторию, но по возрасту мы оба подходили. Накануне отъезда в Ливерпуль нас пригласил (нет, конечно же, вызвал!) для напутствия секретарь ЦК комсомола Николай Михайлов. Беседа была короткой: «Я плохо играю в шахматы, но разбираюсь в них достаточно, чтобы сказать, что вы должны занять только первые места! — и грозно добавил: — Знаете, кто подписал вашу командировку?» Признаться, моя фантазия не простиралась выше уровня председателя Комитета по делам физкультуры и спорта, и потому, когда Михайлов торжественно произнес: «Иосиф Виссарионович!» — я чуть не упал со стула...

Но с того момента любая альтернатива, естественно, отпадала — только победа! Нужно ли удивляться тому, что мы с Бронштейном с блеском разделили в чемпионате мира 1—2-е места...

Вспоминаю и другую историю, связанную с другом детства — замечательным скрипачом Михаилом Вайманом. Мы учились вместе в музыкальной школе в консерватории, жили в Ленинграде в одном доме. И вот однажды в зимний морозный вечер заходит ко мне Миша, бледный, лица на нем нет. Со слезами на глазах начинает сбивчиво объяс-

нять: «Ты даже не можешь представить, что произошло. Я возвращался из консерватории, поскользнулся, упал и... ужас!.. локтем продавил крышку футляра, где лежал Страдивари, и повредил деку бесценного инструмента. Жизнь теперь кончена, никогда не сумею расплатиться, да и совесть будет грызть...» (В те годы выдающимся музыкантам безвозмездно давали в долгосрочное пользование уникальные инструменты из Государственной коллекции.) И с волнением добавил: «Но, что удивительно, об этом уже узнали в Москве, и меня вызывает председатель Всесоюзного Комитета по делам искусств Храпченко. Через час еду и не знаю, когда теперь встретимся...» Обнявшись, мы с грустью расстались. К счастью, ненадолго. Через пару дней заходит Миша, совершенно растерянный, но бодрый и жизнерадостный: «До сих пор ничего не понимаю. Захожу в кабинет к Храпченко. Он радостно приветствует меня и стремительно идет навстречу:

— Как дела, дорогой Миша?

— Что Вы спрашиваете, разве не знаете, что у меня случилось?

Удивление...

— Я повредил скрипку. Страдивари.

И вдруг совершенно неожиданная реакция:

— Ерунда! Дадим другую!

Увидев мое смятение, он продолжил:

— Да не волнуйся ты, взгляни на это письмо.

Берет со своего огромного стола листок и передает мне. Я прочел: „Дорогой Генералиссимус! Я провожу международный конкурс скрипачей в Брюсселе и, зная высокий уровень русской скрипичной школы, буду рада, если советские скрипачи примут в нем участие“. И подпись — Королева Елизавета. А сверху рукой Сталина лаконично начертано: „Направить. Обеспечить победу!“»

Какое после этого могла иметь значение поврежденная скрипка Страдивари?... Мише тут же вручили другой коллекционный инструмент. И тоже Страдивари. Предложили прекрасного концертмейстера, обеспечили необходимыми (и, конечно, отличными!) условиями для подготовки. А через три недели Миша Вайман вместе с Леней Коганом — тоже выдающимся скрипачом — отправились в Брюссель, и нетрудно догадаться, как там выступили, — завоевали 1-ю и 2-ю премии и рапортовали об этом лично Иосифу Виссарионовичу. «Родина сказала: „Надо!..“»

Сталин умел ценить заслуги в искусстве, и от его мнения зависели судьбы многих. Помню, маститый режиссер, апологет реалистического кинематографа, милый обаятельный собеседник Марк Семенович Донской как-то поведал мне удивительный эпизод из своей жизни. Он тогда только что отснял фильм «Воспитание чувств» с великой актрисой Верой Марецкой в главной роли. Фильм о женщине любящей, страдающей, незаурядной. Донской очень дорожил этой работой, но на студии «Союздетфильм», где картина создавалась, ее приняли в штыки. Чинуши — члены Художественного совета, в чьих руках была власть одобрить фильм или разнести его, дать путевку в жизнь или положить на долгие годы пылиться на полку, — приняли суровый вердикт: картину на экраны не выпускать.

Лишь невероятный случай изменил судьбу не только фильма, но и его создателя...

Поздней ночью в квартире Донского раздался телефонный звонок: «Это Поскребышев. С Вами хочет говорить товарищ Сталин». И в трубке зазвучал голос Отца всех народов. Вождь был лапидарен: «Товарищ Донской! Смотрел Ваш фильм „Воспитание чувств“ — хорошая картина. Только название не совсем удачное. Лучше бы „Сельская учительница“. Согласны, товарищ Донской?»

О своем потрясении Марк Семенович вспоминал потом долгие годы: «Мы с Ириной словно ошеломенели. Не верили ушам. А не розыгрыш ли — зародилось сомнение... Но тогда подобные шутки могли закончиться плачевно... Не спали всю ночь. А утром я отправился на студию с заготовленной „бомбой“. На очередном „судилище“, где фильм продолжали осыпать хулой, наступил черед реванша. Я поднялся и заявил: „Вчера ночью мне позвонил товарищ Сталин и сказал, что ему картина понравилась. Есть вопросы?“ Реакцией было шоковое молчание...»

Фильм «Сельская учительница» удостоился Сталинской премии.

И еще об одном эпизоде, связанном с именем вождя. Это случилось в Тбилиси в 1967 году, спустя много лет после смерти Сталина. В грузинской столице проходил очередная, XXXV чемпионат Советского Союза. В Грузии любят шахматы, и в один из свободных от игры дней Центральный Комитет партии, Президиум Верховного Совета и Правительство Грузии пригласили участников турнира на торжественный банкет, который был организован на родине Сталина — в городке Гори, что неподалеку от столицы. После ритуального посещения музея великого вождя гости были званы к роскошному застолью.

Кто не был в Грузии, и представить себе не может, что это за пиршество! Вино льется рекой, столы ломаются от обилия разнообразных и, поверьте, очень вкусных национальных блюд. Торжественность и порядок гарантирует мастерство тамады, который — и это славная традиция — находит добрые слова в адрес каждого гостя. И длятся такие застолья часами!

На этот раз почетная роль тамады была доверена самому Дэви Стуруа — секретарю ЦК Компартии Грузии, — велеречивому и обаятельному государственному деятелю.

Как и принято, Стуруа открыл торжественный церемониал главным тостом. Он поднялся с бокалом прекрасного грузинского вина и сказал: «Сегодня у нас большой праздник — собрались лучшие шахматисты, наши дорогие гости. Это особенно радостно отметить в Гори, на родине великого сына грузинского народа, мудрого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина. Сталин умер, но он живет в душе каждого грузина. Я поднимаю этот бокал в память об Иосифе Виссарионовиче! — и добавил, как это принято за грузинским столом: — А теперь алаверды к нашему другу Марку Тайманову.» (Это традиция, согласно которой тамада передает слово в развитие своего тоста одному из почетных гостей.) Я поднялся и почувствовал, что впервые в жизни готов совершить отчаянный шаг. «Дорогие друзья! — сказал я, поднимая бокал. — Знаю, что в Грузии, которую так люблю, выше всего ценится искренность, а потому не могу подержать тост уважаемого тамады. (Остановиться я уже не мог.) Мне известно, как много значит имя Сталина для грузин, но не забыть и того, сколько горя он принес своему народу, особенно цвету нации — интеллигенции. Простите меня, но за Сталина пить не стану». Помню, как волновался во время этого спича, как дрожал мой бокал, но один героический поступок в жизни я совершил.

В зале воцарилась полная тишина, гости в ожидании грозы замерли. И действительно, произойти могло все, что угодно. Но мудрый Стуруа спас положение — помолчав несколько секунд, которые показались мне вечностью, тамада сдержанно произнес: «Выпьем!» Банкет продолжался, но до самого отъезда из Тбилиси друзья не отходили от меня ни на шаг.

И вспомнилось, что проститься с Великим вождем в свое время не довелось — не удостоился. Правда, поначалу был директивный звонок: «Товарищ Тайманов! Вы включены

в состав ленинградской делегации на похороны Иосифа Виссарионовича Сталина. Будьте готовы к выезду послезавтра поздно вечером. Мы Вам перезвоним».

И на следующий день действительно перезвонили, но не для уточнения времени отъезда, а чтобы... вызвать на личную конфиденциальную встречу.

В условленном месте в условленный час — в сквере на лавочке — состоялся короткий разговор: «Марк Евгеньевич! Я вынужден Вас огорчить, — доверительно обратился незнакомец, — на похороны Сталина Вы не поедете. У нас возникли сомнения по поводу точности Ваших анкетных данных, и из состава официальной делегации Вы исключены. Сожалею».

СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА

Единственная моя встреча с Хрущевым оказалась не только неожиданной, чрезвычайно любопытной, но и, как принято теперь говорить, судьбоносной. Могу даже точно назвать дату. Это было 4 июля 1955 года в Подмоскowie на загородной вилле американского посла.

В то время в Москве проходил матч сборных команд СССР и США по шахматам, что рассматривалось в верхах как важное событие в межгосударственных контактах двух великих держав.

Не удивительно, что в честь главного американского национального праздника — Дня независимости — посол США давал торжественный прием, и на банкет были приглашены руководители партии и правительства СССР — Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Г. М. Маленков, М. Г. Первухин, кто-то еще, а вот в качестве неофициальных гостей выбор пал на шахматистов обеих стран.

День выдался чудный, банкетные столы стояли прямо «на пленэре», гости чинно гуляли по аккуратным садовым дорожкам, беседы завязывались в неформально-дружеской обстановке. Все было мило и непосредственно. Неожиданно ко мне обратился лидер американской команды, прославленный гроссмейстер Сэмюэл Решевский: «Мистер Тайманов! Не могли бы Вы посодействовать нашим шахматистам? Мы впервые встречаемся с вашими государственными руководителями, и для нас было бы большой честью с ними сфотографироваться». — «Попробую», — пообещал я и тут же подошел к Хрущеву: «Никита Сергеевич! Наши американские коллеги очень хотели бы на память сделать несколько снимков с Вами. Не согласитесь ли уделить немного времени?» — «Давайте, давайте, — с готовностью отреагировал Хрущев, — собирайте ваших шахматистов всех вместе...»

Ждать долго не пришлось, и вот уже большая группа политиков и гроссмейстеров предстала перед объективами фотокорреспондентов. История не знала такого сюжета. Лидеры крупнейшей страны в непринужденной обстановке с лидерами шахматного мира. Что их объединило? Быть может во взаимоотношении великих держав СССР и США возник новый благородный шанс к диалогу? У меня сохранились эти памятные снимки как реликвия. У всех радостные лица, веселое настроение. Идея удалась! Американцы были счастливы. Фотографии разошлись по всему миру. А прием продолжался...

И вдруг ко мне подходит Хрущев — я уже стал его знакомым: «Скажи, пожалуйста, вот вы, советские шахматисты, часто бываете за границей, выступаете там. Вы получаете за это деньги?» — «Что Вы, Никита Сергеевич, — с полным основанием стал я разъяснять тогдашнюю ситуацию, — мы представляем нашу страну, нашу идеологию,

наши достижения, — все это бескорыстно». — «А когда выступаете у нас дома?» — «А с чего бы мы жили?» — естественно отреагировал я. Хрущев немного задумался: «Слушай, а ведь это неправильно! Как же так? У этих капиталистов, у которых денег куры не клюют, вы ничего не берете, а у нас, не слишком-то богатых, берете. Так быть не должно. Нужно у них брать, и как можно больше!» — подвел он итог нашей короткой беседы, а через несколько дней вышел специальный приказ по Спорткомитету, где в «Положение о зарубежных командировках советских шахматистов» был внесен новый и крайне важный для нас пункт о денежном вознаграждении.

У ОДИОЗНОГО МИНИСТРА

Этой непродолжительной, по существу, протокольной встрече можно было бы и не придавать особого значения, если бы не имя прокурора Вышинского, которое в течение десятилетий произносилось у нас с содроганием, а то и презрением. Не забывалась определенная Сталиным в середине 30-х годов его зловещая роль главного обвинителя на трагических судебных процессах — расправах по делу «троцкистско-зиновьевско-бухаринского блока». Но жизни присущи непредсказуемые повороты, и, когда накануне отъезда в США на матч с американскими шахматистами в июле 1953 года сборная команда советских гроссмейстеров была приглашена на традиционное собеседование в МИД СССР, нас в ранге заместителя министра и постоянного представителя СССР в ООН радушно приветствовал... Андрей Януарьевич Вышинский...

Скажу откровенно, его в высшей степени интеллигентный облик, аристократические манеры, живая и яркая речь

не только мгновенно вытеснили из сознания складывавшийся годами грозный стереотип, но и вызвали невольное расположение.

Мы знали, что при юридическом образовании и всесторонней эрудиции у Андрея Январевича был широкий круг интересов, в котором не последнее место отводилось и шахматам. В беседе с нами он проявил немалую осведомленность в различных вопросах шахматной жизни. Рассказал, что по дороге из Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке до резиденции Советского представительства в Гленкове, что в двадцати пяти минутах езды от мегаполиса, он охотно разбирает партии и этюды на карманной шахматной доске.

Но темой нашей встречи стали, как ни странно, не только шахматы. Умудренный опытом дипломат нашел полезным дать нам некоторые практические советы. Вспоминаю, как наставлял он нас относительно контактов с журналистами: «Вас будут атаковать газетчики — злые и доброжелательные, профессионалы и простофили. Не бойтесь выйти за рамки вежливости. Понравится вопрос — отвечайте, не понравится — пошлите писаку подальше... И не стесняйтесь в выражениях, на Западе журналисты ценят острое словцо...»

А потом уж совсем неожиданно: «Вы будете в Нью-Йорке, наверняка захотите что-нибудь купить себе или близким, денег для этих целей у вас будет достаточно. Послушайте бывалого путешественника: прогуливаясь по торговой улице, не мечитесь. Сначала „привитринивайтесь“ с одной стороны и, только дойдя до конца, спокойно переходите на другую... И еще. Не гонитесь за дешевизной. Наверняка кто-то из вас купит, скажем, рубашку за десять долларов, а вечером коллега разочарует, показав словно бы такую же, но за пять; и над тем, кто отдал десятку, ста-

нут посмеиваться... Но поверьте, недолго. Капиталисты — не дураки, и если вещь оценивается дороже, она и служит дольше!»

Поговорили еще о нью-йоркском климате, о том, что брать с собой. Словом, ни о чем серьезном. И все же наш собеседник запомнился как великолепный рассказчик и блистательный полемист.

В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

В дни дружеского матча с английскими шахматистами в июле 1954 года по приглашению одного из лидеров лейбористской партии Великобритании мистера Сильвермена, большого поклонника шахмат, я оказался в числе гостей парламента в старинном Вестминстерском аббатстве. Это монументальное здание готического стиля, заложенное еще в XI веке, овеяно традициями и романтическими легендами. В главном зале, величественном и мрачном, в старину происходили и буйные пиршества, и торжественные погребения, и королевские приемы, и казни королей — медная доска обозначает лобное место, где была отрублена голова Карла I.

Нам показали старинную церковь, богатую лепными украшениями и мозаикой из камня, где сейчас проходят церковные ритуалы королевской фамилии, а когда-то, по преданию, Оливер Кромвель держал здесь свою белую лошадь...

Официальные же залы аббатства — палата общин и палата лордов — расположены на втором этаже. Там-то на традиционном открытии прений и посчастливилось мне быть свидетелем незабываемой сцены. Этот церемониал — ожившая старина. Как и в далеком прошлом, всегда в одно

и то же время — ровно в 2 часа 30 минут пополудни — в Золотом зале распахнулись двери, и торжественно появился пожилой персонаж в черном сюртуке древнего покроя, в коротких брюках и белых чулках. На голове парик с длинными ниспадающими буклями. Это спикер, председатель палаты. В его руках золотая булава — символ власти. За ним свита — несколько человек, двое из которых почтительно поддерживали мантию. Медленно и торжественно прошествовала группа в зал палаты общин, где спикер занял кресло в центре зала и открыл прения. Справа от него на обитых зеленой кожей и расположенных в четыре яруса скамьях — места консерваторов, слева — лейбористов.

Именно здесь, на ближайшем к спикеру месте, и восседал лидер правящих консерваторов — восьмидесятилетний сэръ Уинстон Черчилль, а напротив него — лидер оппозиции лорд Эттли. Так неожиданно мне выпало впервые увидеть политика, более полувека влиявшего на ход мировой истории и ставшего символом британского величия.

Что я знал тогда о нем? С чем ассоциировалось имя Уинстона Черчилля? Пожалуй, представления были самыми общими и прочно впечатанными газетными штампами. Черчилль — это Ялтинская конференция, знаменовавшая окончание второй мировой войны, Черчилль — это Фултонская речь, положившая начало войне холодной, Черчилль — это иронические реплики в наш адрес: «народ, который зимой на улице ест мороженое, непобедим» и «в России многое нельзя, но то, что можно, это обязательно». И вот легенда во плоти...

В английском парламенте сохранилось немало старинных традиций, ныне кажущихся анахронизмом. Здесь, к примеру, не принято аплодировать — одобрения выражаются гулом. Выступающим ораторам не разрешается переступать красную черту, проведенную вдоль скамей. Это

правило сохранилось с тех пор, когда дебаты зачастую приводили к потасовкам. (Не знаю, как все происходит теперь, больше там не был, но, полагаю, от своих традиций англичане отказываются редко.)

В тот памятный день Черчилль докладывал о своей важной встрече с американским генералом Д. Эйзенхауэром, и гостевые ряды наверху были переполнены. Первое, что удивило (и, если бы не увидел сам, не поверил бы): премьер-министр разложил на центральном длинном столе, за которым находились юристы в старинных одеяниях, странички с тезисами выступления, а сидевший напротив аристократ лорд Эттли, вольготно откинувшись на спинку скамьи... вытянул ноги прямо на край этого исторического стола.

Представьте только! И это в кичащейся своим благородством английской палате общин! Но что еще более невероятно, ситуация ровным счетом никого не смутила, включая и самого докладчика — изысканного сэра Уинстона...

Так и прослушал лорд доклад премьера, задав при этом даже несколько, видимо, важных вопросов. А затем началась дискуссия. Обстановка дебатов была тоже на удивление крайне непринужденная и, кажется, даже не слишком деловая.

Парламентарии выступали в любом порядке, вернее, безо всякого порядка — кто раньше успеет; зачастую старались в меру сил острить, и все на это реагировали крайне непосредственно, громко смеялись и гудели. Мне, помню, тогда показалось, что я у нас на комсомольском собрании... А хрестоматии утверждают, что англичане чопорны...

А затем наступил перерыв, во время которого Д. Бронштейн и П. Керес по просьбе парламентариев дали сеанс

одновременной игры, запомнившийся забавным эпизодом. Бронштейн перед началом предложил своим партнерам выбрать цвет фигур, и, словно сговорившись, все как один повернули к себе белые. «Редкий случай единогласия в английском парламенте», — заметил один из лейбористов. «Да еще по инициативе советской стороны», — смеясь, поддержал другой.

А для меня эта пауза в парламентских дебатах обернулась и вовсе неожиданно. Гостеприимные хозяева пригласили на террасу попить чаю. Когда мы вошли в бар, увидели сидящего за столиком с бокалом коньяка и привычной большой сигарой в зубах самого сэра Черчилля. Случай был уникальный и, воспользовавшись неформальной обстановкой, английские друзья представили меня легендарному политику. Растерявшись, я задал первый пришедший в голову банальный вопрос: «Извините, сэр, наслышан, что Вы знаток коньяков. Какой сейчас плещется в Вашем бокале?» — «Армянский Двин», — не задумываясь ответил великий эксперт. «А сигара?» (Известно, что в его доме всегда имелось три-четыре тысячи отборных сигар.) — «Разумеется, гаванская „Ромео и Джульетта“». Еще пара ничего не значащих общих фраз, и на этом мимолетный диалог с Уинстоном Черчиллем исчерпал себя. Увы, мне оставалось лишь поблагодарить мэтра и сокрушаться по поводу своей неделикатности...

Но, как это порой случается в непредсказуемой жизни, у диалога оказалось и продолжение. Спустя много лет, находясь на Кубе, я был приглашен на известную всему курящему сигары миру гаванскую табачную фабрику, где меня познакомили с мастером, всю свою жизнь изготовлявшем вручную сигары для самого сэра Черчилля. Сидевший на низкой скамеечке пожилой кубинец доставал из стоявшего рядом чана табачные листья, скручивал, смачи-

вая слюной, и раскатывал на колене, покрытом кожаным фартуком. Говорили, кончина «великого гурмана» стала личной драмой сигарного специалиста.

ГОСТЕПРИИМНЫЙ ДИКТАТОР

Ирония судьбы. Об аргентинском президенте Хуане Пероне теперь вспоминают разве что как о муже красавицы Евы, рано умершей, но успевшей сотворить много добра для бедного люда и воспетой в знаменитом мюзикле композитора Эндрю Ллойда Уэббера «Эвита». А полвека назад имя Хуана Перона было одним из самых громких и скандальных на южноамериканском континенте. Его жизнь, полная романтических событий, насыщенная авантюристически дерзким стремлением к власти, изобиловавшая драматическими виражами, вознесла лихого наездника, боксера и фехтовальщика к вершинам президентского величия, а затем низвергла до позорного изгнания из страны.

Мне довелось встретиться с Хуаном Пероном весной 1954 года в дни проходившего в Буэнос-Айресе дружеского шахматного матча советских и аргентинских команд.

Это был особый момент в отношениях между нашими странами. Хуан Перон, четко ориентировавшийся в политике на Америку, вдруг резко изменил генеральный курс и, открыто порвав с ней, стал стремительно идти на сближение с Советским Союзом. Именно тогда, впервые после длительного застоя в культурных контактах, в Аргентину были приглашены одновременно и шахматисты, и музыканты, и кинозвезды. Мы стали словно бы первыми ласточками дружеских государственных устремлений. И это определило особый статус нашего пребывания.

Невозможно забыть царившую в те дни в праздничном Буэнос-Айресе радушную атмосферу гостеприимства, внимания темпераментных аргентинцев. Каким успехом пользовались выступления наших музыкантов Татьяны Николаевой и Давида Ойстраха! На концерте замечательного скрипача, состоявшемся в крупнейшем амфитеатре под открытым небом, присутствовали чуть ли не 15000 слушателей!..

А однажды в нашем посольстве я увидел трогательнейший эпизод — популярный французский киноактер Мишель Симон (кто-то, быть может, помнит его по нашумевшему фильму «Господин Такси») плакал, слушая исполнение Давидом Ойстрахом пьесы Дебюсси «Лунный свет», а затем, пав на колени, пытался целовать Ойстраху руки.

Необычный интерес вызвал и первый на аргентинской земле фестиваль советских фильмов. Нашу киноделегацию на открытии забросали цветами, а звезд просто носили на руках. Особым успехом пользовалась очаровательная Аллочка Ларионова. О героине «Анны на шее» газеты писали: «это нежное сливочно-клубничное мороженое», правда, с уточнением — «двойная порция».

А славному русскому богатырю Садко — красавцу Сергею Столярову — приходилось отбиваться от восторженно-пылких поклонниц и лишь горько сетовать: «Они же будут считать меня импотентом...»

Тогда же на роскошных банкетах довелось увидеть прелестную Джину Лолобриджиду и легендарную Мэри Пикфорд. Ей было тогда уже за шестьдесят, но бремя своей немеркнущей славы она несла красиво и достойно. Строго, но модно одетая Мэри Пикфорд мило улыбалась приветствовавшим ее коллегам и щедро одаряла воздушными поцелуями...

Но даже на этом праздничном фоне матчу советских и аргентинских шахматистов выпало особое внимание.

Шахматы там были популярны почти так же, как футбол, и знаменитых гроссмейстеров почитали как национальных героев. Кстати, в 1939 году их ряды в Аргентине неожиданно и очень заметно пополнились — в Буэнос-Айресе проходила Всемирная шахматная Олимпиада, на которую съехались многие виднейшие маэстро, а начавшаяся в Европе война стала для них неодолимым препятствием к возвращению. Так обрели свою вторую Родину выходец из Польши М. Найдорф, австриец Э. Элисказес, немец Г. Пильник, не говоря уже о шахматистах рангом ниже...

Наш приезд вызвал небывалый резонанс. «На большом шахматном матче произойдет встреча мировых ассов», — писали газеты. А обозреватель журнала «Голес» бил тревогу: «Когда мы узнали, что делегат Аргентины на конгрессе Международной шахматной федерации вызвал советских шахматистов на соревнование с аргентинцами, мы подумали, что этот человек сошел с ума. Ведь ни одной стране не удалось победить русских. Какое нападение ожидает нас?!» (Как в воду глядел.) Но особое значение этому событию придало подчеркнуто заинтересованное внимание, проявленное к нашей делегации президентом страны.

Хуан Перон принял нас в Президентском дворце через несколько дней после приезда. Хорошо помню подробности этого визита. Когда мы подошли к его кабинету, Перон вышел навстречу и стал радушно с каждым знакомиться. Ему было тогда под пятьдесят. Высокий, подтянутый, стройный, с лицом испанского гранда и острым пронизывающим взглядом, он выглядел бодрым и моложавым — чувствовалось спортивное прошлое. Держался президент просто, сказал несколько приветственных слов, подчеркнув огромное значение нашего приезда: «Вы — мои гости. Чувствуйте себя как дома. Мы постараемся выполнить все ваши

пожелания. Для начала предоставляю в ваше распоряжение мой самолет для перелетов по стране и корабль для морских прогулок». Пожелав успеха, Перон пошутил, что надеется взять реванш на футбольных полях, а в шахматах для аргентинцев главное — поучиться у советских гроссмейстеров. «Я обязательно посету ваш матч», — пообещал он. И действительно нашел для этого время.

В день последнего тура театр «Сервантес», где мы играли, даже при двух тысячах кресел не мог вместить всех желающих наблюдать за ходом борьбы. Перед самым началом в центральной ложе появился Хуан Перон. Изрядно попозировав фотографам, президент поднялся на сцену. Подойдя к столику, где уже заняли места лидеры команд, он символически сделал первый ход за аргентинца Найдорфа и пустил шахматные часы. Хуан Перон сыграл e2—e4. Это могло стать вступлением к поединку, но, как оказалось, шахматные вкусы президента и гроссмейстера не совпали: едва Перон отошел, аргентинец вернул пешку e4 на место и сделал ход d2—d4. Для журналистов нашелся повод позлословить...

...Когда через несколько лет я вновь оказался в Буэнос-Айресе, на пороге знакомого кабинета меня встречал уже другой президент — Фрондиси. Перон пребывал в изгнании...

РОМАНТИК РЕВОЛЮЦИИ

Огромная популярность шахмат на маленькой Кубе связана с именами замечательных личностей — великого шахматиста Хозе Рауля Капабланки и великого революционера Че Гевары.

Капабланка способствовал зарождению всеобщего интереса к шахматам и стал гордостью кубинского народа,

завоевав в 20-х годах титул чемпиона мира, а Че Гевара, будучи энтузиастом шахмат и пользуясь необычайным авторитетом национального героя, спустя четыре десятилетия сумел развить этот интерес, придав шахматам государственный масштаб и став основоположником великолепной традиции грандиозных по замыслу международных турниров, посвященных памяти Капабланки.

Удивительно, но судьба подарила мне счастливую привилегию встретиться с обоими. Правда, Капабланку я девятилетним мальчиком мог увидеть лишь однажды, когда великий кубинец в свободный от игры на Московском международном турнире 1935 года день приехал в Ленинград и давал сеанс одновременной игры на тридцати досках в Доме журналиста, что на Фонтанке, — меня привел туда отец, заядлый шахматист. А вот с Че Геварой, уже став гроссмейстером и участником знаменитых турниров в Гаване, встречался в дружеской обстановке не раз. Признаюсь, знакомство с ним и беседы оставили неизгладимый след в памяти.

Имя Че Гевары и по сей день овеяно флером революционной романтики, а тогда оно гремело и было символом свободы не только в Латинской Америке, но и во всем мире.

Мы познакомились с Че осенью 1964 года в дни традиционного международного турнира, в котором участвовали шахматисты двенадцати стран. Инициатор и главный организатор этого грандиозного состязания — министр, член Политбюро ЦК и секретарь Кубинской социалистической партии, — он заинтересованно и довольно часто посещал турнирный зал. Скромно одетый в легкие брюки и рубашу военного образца, в неизменном берете, Че медленно прогуливался вдоль столиков, стараясь не отвлекать партнеров, но внимательно наблюдая за ходом событий, разворачивавшихся на досках. В его облике мягкого интеллигента — по профессии Че Гевара был врач — не чув-

ствовалося ни героической судьбы, ни темпераментной натуры революционного бунтаря.

Известно, что Че ценил шахматы и понимал их. Воспитанный в родовитой аргентинской семье — в роду его матери последний вице-король Перу, а отец — тоже Эрнесто — говорил, что в венах его сына текла кровь ирландских мятежников, испанских завоевателей и аргентинских патриотов, еще в одиннадцатилетнем возрасте он пристрастился к этой мудрой игре, а затем многие годы спустя, уже на Кубе, даже участвовал в турнирах.

«Че был настолько прост в общении с людьми, — рассказывал один из его постоянных партнеров кубинский мастер Элеасар Хименес, — что никто, играя с ним, и не вспоминал о высоком государственном положении соперника. Он очень любил шахматы и всегда помогал нам». Но самое поразительное и даже фатальное заключается в том, что о существовании самой Кубы юный Че — будущий ее великий лидер — узнал, по собственному признанию, благодаря шахматам. Это произошло, когда в Аргентину приехал на выступления чемпион мира Капабланка.

Помню, первый наш разговор произошел в самом начале турнира. Мы сыграли вничью со Смысловым и, как это обычно бывает, стали разбирать партию. Че заинтересовался и подошел с переводчиком к нашему столику. Скромно представился, хотя, разумеется, в этом не было необходимости, и задал несколько вопросов по поводу хода борьбы, за которой внимательно следил. Его оценки отдельных ходов носили отнюдь не любительский характер...

Сложилось так, что мы с Василием Васильевичем успешно продвигались по турнирной лестнице, наши партии привлекали наибольшее внимание, и Че часто наблюдал именно за нами, а в случае удач неизменно находил добрые слова поздравлений.

Незадолго до отъезда по инициативе посла СССР в Аргентине мы пригласили Че Гевару посетить посольство в качестве желанного гостя. Он охотно откликнулся, и это стало кульминацией наших дружеских контактов. Именно в тот памятный день по-настоящему раскрылся богатый духовный мир романтического латиноамериканца, которого с юности влекла «мечта спасти мир». Было достаточно времени и для того, чтобы поиграть в шахматы — Че оказался действительно достойным партнером, и для того, чтобы поделиться впечатлениями о турнире. Он вспомнил, что шахматы у него были с собой даже в горах Сьерра-Маэстра, где зарождалась революция, и с улыбкой добавил: «Но там почти никто не умел играть...»

Самое же удивительное в той непринужденной беседе — неожиданно выплеснувшаяся искренность великого революционера. Оказалось, что он восемь месяцев воевал в Конго ради спасения сторонников Лумумбы, был дважды ранен в боях, а гражданином Кубы стал лишь после того, как колонна, руководимая Че Геварой, вошла в Гавану. Несколько раз с официальными визитами он посещал Москву, так как был директором национального банка, министром, секретарем ЦК партии Кубы. А в конце встречи с горечью сказал: «Но чувствую, что здесь я уже исчерпал себя... Экономика, политика — не мои призвания. Я должен поднимать народы на борьбу за свободу!» И это прозвучало отнюдь не пафосно, а убежденно и взволнованно...

Перед расставанием он надписал на память свою фотографию, которую я храню как реликвию: «Моему другу Марку Тайманову. Че».

...Судьбе было угодно подарить мне еще одно общение с замечательным человеком. Это случилось спустя три года на V мемориале Капабланки. Встретились радушно, как

старые друзья, и я опять испытал удивительное обаяние последнего романтика революции. Че был приветлив, гостеприимен, но чувствовалось, что на душе у него неспокойно. Расставались мы уже навсегда.

Всего через несколько месяцев Че Гевара написал прощальные письма родителям, детям, Фиделю и навсегда покинул Кубу, чтобы возглавить партизанское движение в Боливии. В октябре 1967 года раненный в бою Че Гевара попал в плен, а на следующий день в селении Игера его убили...

Великому революционеру Эрнесто Че Гевара не было и сорока...

НА СТАДИОНЕ С ФИДЕЛЕМ

С легендарным вождем кубинской революции Фиделем Кастро мне выпало встречаться не раз. Но о его интересе к шахматам я услышал еще до личного знакомства.

В первый приезд на Кубу на открытии турнира памяти Капабланки я узнал, что главными вдохновителями и организаторами этого масштабного международного события являются ни более ни менее как высшие руководители страны — Фидель Кастро и Че Гевара, которые не только ценят огромное социальное значение древней игры, но и сами отдают ей досуг.

— А как играет Фидель? — спросил я президента шахматной федерации Кубы сеньора Баррэраса.

— Теперь играет редко, не любит проигрывать!

— А раньше?

— Очень увлекался, когда был в горах. Его частым соперником был Че Гевара. Но тот гораздо сильнее. Кастро говорил ему примирительно: «Ну пусть уж тебе будут в радость шахматы, а мне бейсбол». У Кастро свой стиль, —

рассказывал Баррэрас, — его можно назвать «партизанским» — он берет фигуру и, не отпуская руки, поставит ее то на одном фланге, то на другом — ищет способ нанести неожиданный удар, как в боях.

А с самим президентом Кубы мы впервые встретились в необычной обстановке. Это не был правительственный прием или беседа в рабочем кабинете. Фидель не любит официальных раутов. Встреча состоялась на зеленом поле стадиона.

В красно-желтой форме одной из гаванских команд Кастро с увлечением играл в популярный на Кубе бейсбол. Нетрудно догадаться, на чьей стороне были симпатии многочисленных болельщиков, но промахи в игре здесь не прощают даже своему кумиру. «Ты чуть не испортил такой красивый матч, — сказал капитан команды отдыхающему между таймами Фиделю, — смазал два раза!» Но Фидель воспринял критику без обид. Разгоряченный борьбой, довольный и оживленный, пришел Кастро в ложу, где находились шахматисты. Дружески поздоровался с каждым и приветливо обратился: «Очень рад встрече с вами, сам я играю только на любительском уровне. Не хватало времени заниматься шахматами всерьез, но очень ценю их». — «А что это за партизанский стиль, о котором мы слышали?» — полюбопытствовал кто-то. «А-а, вероятно, говорят о партиях, которые я играл в самолете на пути в Москву с одним из ваших журналистов. Я тогда много проиграл, но в одной мне удалась идея атаки, и партнер сразу же придумал звонкий термин для газет», — ответил Кастро смеясь.

Он был моложав, мужествен, беседовал увлеченно, остро реагировал на каждую реплику. «Как вам у нас, не жарко? — поинтересовался Фидель. — Работает в турнирном зале кондиционер? Не очень хорошо? О! Это трюки

организаторов. Они стараются для кубинцев! А если серьезно, — добавил Кастро, — то нужно вас свозить покупаться в океане. Хотите поехать в выходной день в Баро-деро? Там прекрасный пляж, получите удовольствие». Фидель оказался прав, это была чудная прогулка...

Кастро уже тогда считался замечательным оратором. Как-то я был приглашен на трибуну, с которой Фидель обращался к многотысячной аудитории. Он говорил без написанных тезисов, свободно импровизируя; речь его становилась все более эмоциональной, доходя порой до экстаза. Тогда он останавливался, выпивал стакан «Боржоми» (Кастро отдавал предпочтение именно этому напитку), и выступление продолжалось. Внимали ему часами.

А через пару лет я встретился с Фиделем Кастро уже за шахматной доской. В рамках очередного фестиваля в Гаване на громадной городской площади был организован массовый сеанс одновременной игры — двадцать гроссмейстеров вступили в сражение чуть ли не с тысячью (!) любителей шахмат.

Для придания этому событию особого значения и популяризации игры на Кубе в одном из сеансов принял участие сам Фидель. И именно в моем. Признаюсь, ситуация, при которой нужно скрестить шахматные мечи с главой государства, порождает деликатные проблемы: а как с ним играть? Выиграть, значит, словно бы в чем-то подорвать авторитет, а то и обидеть; проиграть — это уж слишком демонстративное подхалимство; предложить дипломатичную ничью — тоже акция неоднозначная, да и как это срежиссировать?

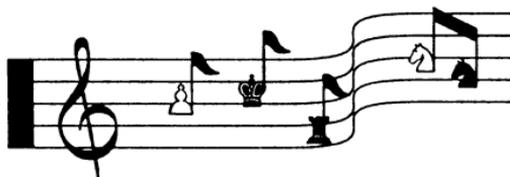
Незадолго до того я выступал с сеансом одновременной игры в Джакарте. Предстояло трудное состязание: противников было около сорока, среди них даже члены национальной сборной команды Индонезии, да и жара под

сорок градусов... Перед началом встречи мне представили наиболее важную персону вечера — крупнейшего шахматного мецената, владельца островов, кофейных и каучуковых плантаций (как в детской книжке: «владелец заводов, газет, пароходов») мистера Хассана — кстати, мастера по шахматам. Чтобы доставить ему удовольствие, организаторы, разумеется, по секрету от Хасана попросили сделать с ним ничью. «Конечно, — согласился я, — с большим удовольствием». Вначале я, как обычно, обмениваюсь с каждым партнером рукопожатием, а затем, вовлекаясь в ритм игры, уже вижу перед собой только шахматные фигуры. Прошло минут сорок, и объявляется первый результат — мой противник сдается и поздравляет с победой. Поднимаю глаза на поверженного и... о, ужас! — узнаю мистера Хассана... Каковы же были мое смущение и стыд перед организаторами, которых я надежил. Я начал лепетать что-то комплиментарное: дескать, Вы прекрасно играли, предложил на завтра предоставить возможность реванша... Но ощущение конфуза запало в память.

Так вот с Кастро я уже поборол искушение любого компромисса. Играл как с обычным участником сеанса, выиграл и заслужил теплое, дружеское рукопожатие. Революционеры умеют проигрывать, не теряя достоинства!

Избранники Евтерпы

В отношениях с коллегами-музыкантами — композиторами, исполнителями, артистами — мне выпала особая привилегия. Помимо объединяющего нас профессионального мира искусства, я, как гроссмейстер, представлял и другой, знакомый многим лишь понаслышке, а потому интригующий мир шахмат. И здесь я становился источником интересной информации и бесспорным авторитетом. Круг дружеских знакомств неизменно расширялся...

СОВЕСТЬ ЭПОХИ

Хочу, чтобы людям не было плохо...

Д. Д. Шостакович

О великом композиторе XX века, воплотившем в бессмертных творениях и трагедию своего времени, и радость жизни, написаны тома исследований, горы книг и мемуаров, и, казалось бы, ореол имени мог затмить живые черты замечательной личности. Но у тех, кому посчастливилось знать его ближе, Дмитрий Дмитриевич остался в памяти не только творцом, но и удивительно мягким, душевным, искренне страдающим за обездоленных людей, скромным, по-петербургски интеллигентным человеком.

Из множества впечатлений от общения с Шостаковичем глубже всего запали в душу три эпизода.

Первый имеет точную дату — 22 июня 1942 года. В годовщину начала войны в Ташкентском театре оперы и балета в исполнении музыкантов нашей эвакуированной консерватории с дирижером И. Мусиным за пультом я впервые услышал потрясшую до глубины души Седьмую симфонию Шостаковича. Эмоции так захлестнули зал, что в финале вся духовая группа заканчивала симфонию стоя, а слушатели в едином порыве поднялись с мест. Такое не забывается!..

Другой эпизод коснулся меня лично. Зимой 1971 года после злосчастного матча с Фишером я испытал тяжелые удары судьбы, не пощадившие ни шахматной карьеры, ни концертной. Отвернулись власти, стали покидать друзья...

И поистине, лучом света пришла телеграмма от Дмитрия Дмитриевича. Будучи уже тяжело больным, перенесшим два инфаркта, он нашел и время и желание поддержать меня в беде словами, исполненными сердечной теплоты, и добрыми пожеланиями. Низкий поклон!

И еще один, казалось бы, незначительный эпизод. Незадолго до того, как Дмитрия Дмитриевича не стало, я навестил его в коттедже Дома композиторов, что в Репино. Взял с собой приемную дочь, чтобы ребенок взглянул на великого Маэстро. Был теплый летний день, и радушная жена Шостаковича Ирина Антоновна гостеприимно поила чаем на веранде, а маленькая Наташа побежала играть на улицу.

Дмитрий Дмитриевич, несмотря на прогрессирующую болезнь, живо интересовался шахматными событиями, делился своими планами. Время пролетело незаметно, и настал момент расставания. Дмитрий Дмитриевич тепло пожал мне руку и вдруг, прихрамывая, медленно направился

к лестнице. «Митя! Ты куда? — забеспокоилась Ирина Антоновна. — Будь осторожен!» — «Я еще не простился с Наташей», — серьезно ответил Шостакович...

Но это лишь акценты в многочастной партитуре наших встреч. Отношения же складывались годами. Я безмерно почитал Дмитрия Дмитриевича и благоговел перед ним. Он, как я чувствовал, испытывал ко мне добрую, уважительную симпатию. Нас сблизила музыка. В 50-е годы Шостакович сочинил искрометно-напористую по ритму и богатую напевными темами пьесу для двух роялей — «Концертино». Это была счастливая находка для нашего фортепианного дуэта. С большой увлеченностью мы разучили партитуру и договорились с автором о встрече. Дмитрий Дмитриевич сразу же согласился, высказав несколько ценных рекомендаций, к нашей радости, похвалил и поблагодарил за исполнение. С тех пор на долгие годы в репертуаре Л. Брук и М. Тайманова неизменно значилось: «Д. Д. Шостакович. Концертино для 2-х фортепиано». Эта пьеса была записана на пластинку фирмой «Мелодия» и обошла весь мир.

Тогда же Дмитрий Дмитриевич с женой Ириной Антоновной впервые посетили наш дом. Это было большой честью для молодых музыкантов, и дорогим гостям готовился достойный прием. Но вся торжественность события была сразу же растоплена непосредственностью Дмитрия Дмитриевича. Едва зайдя в квартиру и заметив хлопоты хозяйки, он, словно испугавшись роли «свадебного генерала», тут же определил дружескую тональность встречи — характерной шостаковичевской скороговоркой с нервным почесыванием щеки предложил: «Давайте я помогу вам почистить картошечку, картошечку почистить — я умею, умею. А потом попьем водчонки, водчонки попьем!»

К слову, Дмитрий Дмитриевич не был пьющим человеком, но в компании друзей мог охотно пропустить рюмку-другую...

Шостакович любил рассказывать, как однажды в Елисеевском магазине стоявший перед ним в очереди ханыга, видимо алкавший общения, обернувшись, спросил: «Третьим будешь?» На что Дмитрий Дмитриевич обескуражил его ответом: «Нет, только первым, только первым!» Ханыга не возражал: «Ладно, будешь первым...»

Шостакович поведал мне как-то одну шахматную историю из своей биографии. Где-то году в 1920-м, когда юный Шостакович подрабатывал в питерском кинотеатре «Баррикада» тапером, сопровождая немые фильмы, в антракте он заметил в фойе высокого статного блондина, увлеченно разбиравшего какую-то позицию на шахматной доске. Дмитрий Дмитриевич (вероятно, тогда еще Митя) заинтересовался и подошел к столику. И услышал: «Молодой человек! Вы играете в шахматы? До начала сеанса еще есть время». «Я, конечно, растерялся — игроком был слабым, — с улыбкой рассказывал Шостакович, — но любопытство взяло свое, и я принял вызов. Видимо, мои ответы несколько смущали партнера, он порой с удивлением посматривал на меня — уж очень плохие, наверное, делал я ходы, но партия дошла до закономерного конца, и я получил мат!» «Не огорчайтесь, — обратился галантный господин, — вы проиграли Александру Алехину...»

Неожиданным подтверждением шахматных увлечений Дмитрия Дмитриевича стали прочитанные мною много лет спустя воспоминания великой балерины Галины Улановой. Рассказывая о своем друге композиторе Сергее Прокофьеве, по заслугам слывшим сильным шахматистом, она писала: «С величайшим удовольствием участвовал он в шахматных баталиях с композиторской молодежью, расклады-

вая их, что называется, на обе лопатки. Достойное сопротивление оказывал ему лишь один человек — великий композитор, тоже замечательный шахматист Дмитрий Дмитриевич Шостакович».

Помню, как в один из приездов в Ленинград Дмитрий Дмитриевич снова посетил наш дом. Вечер удался на славу, гости были довольны, и Дмитрий Дмитриевич, поблагодарив хозяйку, обратился озабоченно к жене: «Иринушка! Как же мы ответим Таймановым? Знаешь что, пригласим их в гости и сделаем... тысячу пельменей. Тысячу пельменей!»

Поводом для такой встречи снова стала музыка. Один из любимых студентов Шостаковича (хотя, как говорят, любил он их всех) Владислав Успенский — ныне известный композитор, народный артист России (и «по совместительству» родственник — муж моей сестры) — специально для дуэта Брук—Тайманов сочинил «Концерт для 2-х фортепиано с оркестром». Произведение одобрил сам мэтр, и возникла идея исполнения Концерта в Москве в Большом зале консерватории с оркестром под управлением сына Дмитрия Дмитриевича Максима, тогда еще лишь многообещающего, а ныне уже знаменитого дирижера. Шостакович, нежно любивший сына и ревниво следивший за его успехами, горячо поддержал наши намерения и не только дал добро, но и содействовал в организации концерта. Дмитрий Дмитриевич присутствовал на всех репетициях, и музыканты старались от души.

Шостаковича и самого не раз пытались вытащить к дирижерскому пульту.

Израиль Борисович Гусман — образованнейший музыкант, страстный пропагандист советской музыки, несколько десятилетий возглавлявший симфонический оркестр Горьковской филармонии, с которым мне довелось сыграть множество концертов, как-то признался: «Задумал орга-

низовать фестиваль Шостаковича, где прозвучали бы все его симфонии, и мечтаю пригласить маэстро продирижировать хотя бы одной из них. Даже обратился к нему с предложением». ДД — так часто называли Шостаковича в среде музыкантов — и слушать не хотел: «Я почти никогда не становлюсь за пульт. Очень волнуюсь, очень волнуюсь». Но Гусман уговорил. Пообещал, что сам отрепетирует с оркестром все до мелочей и у Шостаковича не будет никаких проблем. И придумал совершенно уникальный способ — сначала тщательно поработать с каждой оркестровой группой, затем проиграть симфонию несколько раз, как обычно, по нотам. Следующий этап — исполнить наизусть и без дирижера. «А в заключение, — с улыбкой пошутил Гусман, — я стану дирижировать 4-й симфонией Чайковского, а оркестр как ни в чем не бывало должен сыграть 4-ю Шостаковича».

Концерт прошел великолепно, исполнителями великий автор остался доволен.

Кстати, к тому же времени относится и удивительно трогательный эпизод, добавляющий к образу Шостаковича особые штрихи внимательности и заботливости.

Дмитрий Дмитриевич находился на даче под Москвой, когда Успенский, написав новое произведение, обратился к Учителю с просьбой прослушать его и высказать свое суждение. Мэтр охотно согласился и отправил своему студенту письмо примерно следующего содержания: «Дорогой Владислав Александрович! (Шостакович, как и Ботвинник, называл учеников по имени-отчеству.) Буду рад встретиться с Вами и помочь. Приезжайте. Но я сейчас живу под Москвой и, к сожалению, не смогу Вас встретить. Правда, добраться до меня несложно. Вы сядете на один из пригородных поездов, доедете до такой-то станции, а уж туда я подойду...»

И далее на нескольких страницах убористо-нервным почерком великого композитора — расписание электричек с указанием времени отправления и прибытия, начинающая с нуля часов ночи и до вечера следующего дня...

...А премьера Концерта Успенского в Большом зале прошла превосходно! Слушатели горячо аплодировали солистам, оркестру, дирижеру, а особенно вызванному на сцену автору.

Вот тут-то и наступило время «тысячи пельменей». Главные виновники торжества вместе с известными музыкантами и критиками были приглашены Дмитрием Дмитриевичем в гости. Ирина Антоновна отлично справилась с трудным заданием...

А потом в кабинете композитора я обратил внимание на странное сочетание портретов, украшавших стену. У рояля рядом с великим классиком Людвигом ван Бетховеном висела фотография... популярного советского композитора-песенника Матвея Блантера. «Дмитрий Дмитриевич! А чем объяснить такой Ваш выбор?» — «Да Бетховена я очень люблю, — ответил Шостакович, — а этот Мотя принес и повесил. Ну и хорошо, пусть висит, пусть висит...»

Гости расходились счастливыми. Шостакович щедро одарил их вниманием и сердечностью.

ИСКУСНЫЙ ДВОЕБОРЕЦ

Если дать волю фантазии и организовать виртуальное соревнование по «творческому двоеборью» — музыка — шахматы — с участием великих служителей двух муз от Франсуа Андре Даникана Филидора до наших дней, то в числе несомненных лидеров можно было бы смело назвать Давида Федоровича Ойстраха. Выдающийся скрипач и ди-

рижер, он относился к тем немногим знаменитым музыкантам, кто не только любил, но по-настоящему хорошо, почти профессионально играл в шахматы.

В анналах истории искусств остался уникальный шахматный матч Давида Ойстраха с Сергеем Прокофьевым. Великий композитор, достойный соперник Ойстраха, был страстным поклонником шахмат — «это мое второе „я“, особый мир, мир борьбы, планов, страстей». Счастливая идея свести друзей и постоянных «домашних» партнеров в публичном поединке со всеми атрибутами официального состязания оказалась поистине превосходной. Матч, проходивший на сцене Центрального Дома работников искусств в 1937 году, вызвал исключительный интерес и привлек всеобщее внимание. За ходом борьбы в переполненном зале наблюдали и шахматные авторитеты, и видные деятели искусства. Даже судейская коллегия была представлена на паритетных началах — шахматные мастера И. Кан и В. Алаторцев и знаменитые актеры Б. Добронравов и М. Астангов. И хотя каждый вечер игралась всего одна партия, состязание сверх всяких ожиданий держало аудиторию в напряжении: коллизии сражения таили в себе острый сюжет.

Ботвинник вспоминал: «Это была борьба характеров: порывистый Прокофьев, воспитанный в духе дореволюционных русских шахмат и безрассудно стремившийся только к атаке, и осторожный, хладнокровный Ойстрах, современный шахматист, с достаточно высокой техникой и не склонный к риску».

Сохранились бланки с записями сыгранных партий, по которым легко восстановить шахматное содержание поединка. Ботвинник оказался прав: Прокофьев темпераментно рвался к инициативе, но порой терял чувство меры и ошибался; Ойстрах умело пресекал азартные идеи и про-

являл изобретательную изворотливость и упрямство в защите. «Броня» оказалась сильнее «меча».

Хотя в матче по каким-то уже забытым причинам не было сыграно предусмотренных десяти партий, лидировал в нем Ойстрах.

Потом он вспоминал: «У меня до сих пор хранится пригласительный билет на наш матч. Борьба шла по всем правилам — с точно регламентированным временем, с судейской коллегией и, разумеется, при публике. За партиями следовали бессонные ночи, каждый волновался так, как будто речь шла о завоевании первенства мира».

Один из пунктов регламента гласил, что проигравший обязуется выступить с концертом для мастеров искусств. Случилось иначе. В торжественном концерте участвовали и Прокофьев, и Ойстрах. А спустя два года великий композитор на титуле партитуры своего Первого скрипичного концерта написал: «Замечательному артисту, грозному противнику и очень милому человеку Давиду Федоровичу Ойстраху от автора».

Наши творческие пути с Давидом Федоровичем за долгие годы пересекались в самых разных уголках земного шара. А впервые — в далеком Буэнос-Айресе почти полвека назад. В дни шахматного матча сборных СССР и Аргентины Давид Федорович регулярно болел за нас в зале театра «Сервантес», и мы, шутя, предложили Ойстраху стать запасным членом нашей команды. А гроссмейстеры — поклонники искусства замечательного скрипача — были рады возможности в свободный день послушать его концерт в крупнейшем амфитеатре. Помню, как после блистательного выступления Давид Федорович направился в шахматный клуб и за историческим столиком, на котором в борьбе за первенство мира в 1927 году сражались А. Алехин с Р. Капабланкой, сыграл несколь-

ко блиц-партий с самим Мигелем Найдорфом, и не без успеха.

Кстати, об этом эпизоде я, спустя некоторое время, рассказал в книге «Зарубежные встречи» и с дарственной надписью преподнес ее Давиду Федоровичу. Ответом было письмо с откликом на мой первый литературный опус! Публикую его с благоговением.

Дорогой Марк!

Я очень сожалею о том, что не застал Вас в Ленинграде и не смог Вам лично выразить мою сердечную благодарность за Вашу весьма интересную книгу. Я с удовольствием прочитал ее и был польщен и тронут Вашим вниманием ко мне.

Как хорошо, что Вы записываете Ваши наблюдения и впечатления и благодаря этому имеете возможность поделиться с многими людьми, лишенными возможности лично познакомиться со всем тем, что мы с Вами видим и наблюдаем!

В Вашей книге с большим тактом и вкусом показаны явления зарубежной действительности, как созидательные, так и негативные.

Я очень рад Вашему блестящему успеху в полуфинале СССР и с интересом ожидаю Ваших дальнейших выступлений.

Еще раз благодарю

Искренне Ваш

Давид Федорович.

Вспоминаю и нашу встречу в Лондоне. У Ойстраха блистательно прошли гастроли, и посол Советского Союза дал прием в честь замечательного музыканта. Было много именитых гостей из сфер политики и искусства. Звучали благодарственные слова в адрес героя торжества, когда к Да-

виду Федоровичу подошел молодой человек — атташе по культуре — и, рассыпаясь в комплиментах, обратился с вопросом: «Дорогой Давид Федорович! Мы так обязаны Вашему приезду, Вы даже не представляете, как много значит Ваш успех для престижа нашей страны. Вы так хорошо играете на скрипке, но я давно хотел спросить, а кто Вы по профессии?» Ошарашенный Ойстрах только и сумел вымолвить: «Я — скрипач». — «Конечно, конечно, — смутился атташе по культуре, — а кто Ваш тренер?» Потом мы долго смеялись.

С большим удовольствием навещал я Давида Федоровича в его гостеприимном доме на улице Чкалова в Москве. Там довелось послушать репетицию трио Оборин—Ойстрах—Кнушевицкий, музицировать с пианистами Яковом Флиером и Яковом Заком. Много беседовали о музыке... Заметил, что на пюпитре у Ойстраха рядом с нотами неизменно лежали и карманные шахматы. Давид Федорович не упускал случая сразиться со мною в блиц-партиях. Разумеется, ему приходилось нелегко, но порой удавалось сделать почетную ничью. Когда же однажды Ойстрах, к великой его радости, сумел победить, он обратился ко мне со словами: «Все, Марк, больше играть не будем. Хочу, чтобы эта партия осталась символичной и самой памятной...»

Недавно натолкнулся на очаровательное письмо Ойстраха своему другу и постоянному партнеру по шахматным баталиям Николаю Ивановичу Краковскому, хирургу, профессору, члену-корреспонденту Академии медицинских наук. Письмо, раскрывающее в неожиданном ракурсе обаятельную натуру музыкально-шахматного «двоеборца». Приглашая партнера на очередной матч, Ойстрах пишет: «Экстрагонорары в виде дружеских объятий обеспечиваются. Доигрывание происходит у выходных дверей (как в нашей последней партии). Шахи в расчет не принима-

ются: угрожать высшей власти — неблагородно. Кровь, которой жаждет шахматная чернь, будет проливаться — голубая. Самое главное правило: при любом счете матч будет считаться окончившимся миром — вничью. Представляете себе, какой при этом необыкновенный стимул для смелых жертв, сказочных комбинаций и т. д. Старик Морфи будет нам завидовать!»

Давид Федорович на склоне блистательной скрипичной карьеры увлекся дирижированием. Нетрудно представить, как воспринимали каждое указание великого музыканта оркестранты, когда он становился за пульт. Разумеется, его дирижерская техника уступала виртуозной скрипичной, но концерты вызывали неизменный интерес. А главное, Ойстрах очень любил эту форму самовыражения. Как-то он признался: «Знаете, Маркуша! Поймал себя на неожиданном ощущении. Обычно в день выступления я после обеда отдыхаю и часок сплю, затем беру скрипку и начинаю понемногу разыгрываться. А вчера, поднявшись, потянулся было за инструментом и вдруг вспомнил. Ба! Да я же сегодня дирижирую. И так хорошо стало на душе...»

У замечательного «двоеборца» появилась еще одна страсть...

ПАРТИТУРА ШАХМАТНЫХ МЕЛОДИЙ

Народный артист Советского Союза, лауреат государственных премий, профессор, выдающийся дирижер, музыкант яркого таланта и высочайшей культуры, друг Маяковского и Мейерхольда Борис Эммануилович Хайкин покорял прежде всего удивительной интеллигентностью, душевностью, блистательным остроумием. За Хайкиным числилась лишь одна неискоренимая слабость — шахма-

ты. Он как-то признался: «Маркуша! Если бы я играл как Вы, неужто я бы тратил время на музыку?»

Мне посчастливилось концерттировать с замечательным музыкантом. С оркестром под его управлением я как солист исполнял 2-й концерт Чайковского, «Фантазию на темы Рябинина» Аренского и Концерт Ляпунова.

Борис Эммануилович относился ко мне как старший по возрасту, дружески-покровительственно, часто с похвалой отзываясь как о пианисте, но гроссмейстера Тайманова считал непререкаемым авторитетом.

Однажды Борис Эммануилович позвонил мне домой:

— Маркуша! Я тут играю со своим московским приятелем по телефону, обмениваемся ходами раз в день. Не посмотрите ли нашу партию; мне самому трудно найти хороший ответ.

— Охотно, Борис Эммануилович, диктуйте позицию. Попробую помочь.

Проанализировав создавшееся у них на доске положение, которое выглядело вполне грамотно, я отзвонил и дал совет. Через пару дней снова Борис Эммануилович с вопросом: «А теперь как мне сыграть?» Ответ партнера оказался действительно очень сильным, и я даже позволил себе поинтересоваться — кто же противник Бориса Эммануиловича.

— Да такой же любитель, как и я. Старый приятель — генерал.

— Что-то непохоже, — усомнился я, — очень хорошо играет..

Как нетрудно догадаться, мне пришлось вести этот междугородно-телефонный поединок, не покидая Бориса Эммануиловича ни на ход. Признаюсь, не без труда и к радости моего подопечного удалось свести сложную партию вничью. «Ничего не скажешь, силен Ваш партнер-генерал», — польстил я Хайкину.

Спустя несколько месяцев команда СССР в преддверии международных встреч собралась, как это было принято, под Москвой. Под руководством нашего тренера мудрого Исаака Болеславского мы анализировали дебютные варианты, обменивались мнениями. Неожиданно одна из позиций на доске показалась мне знакомой — ба! да это из партии Хайкин—Генерал! — и я стал с интересом следить за анализом, как вдруг заметил, что особое внимание ей уделяет и... Смыслов... Мы пожали друг другу руки, — оказалось, что московский генерал дружил со Смысловым.

Но необычный творческий контакт Смылова с Хайкиным получил и музыкальное развитие.

Василий Васильевич тогда особенно рьяно и увлеченно занимался вокалом. Владелец приятного баритона, весьма музыкальный по натуре — отцовские гены, — Смыслов беззаветно служил сразу двум музам — Евтерпе, покровительнице пения, и Каиссе, покровительнице шахмат. Его мечтой стала карьера оперного солиста. Думаю, что тогда даже шахматы отошли на второй план. Он легко принял бы упрек в неудачном ходе, но мнение, что верхнее «до» у него звучит хуже, чем у Баттистини, показалось бы ему очень обидным.

Василий Васильевич познакомился в Ленинграде с учителем пения, в которого свято поверил. Понятия «опора на диафрагму» или «открытый звук» стали для Смылова ближе, чем «опорный пункт в центре» или «открытые дебюты». Он стал часто навещать в наш город. Зная о заветных помыслах Василия Васильевича, я предложил попытать счастья в Кировском театре, где тогда в качестве дирижера и художественного руководителя главенствовал не кто иной, как заядлый поклонник гроссмейстера Смылова Борис Эммануилович Хайкин.

Смыслов с радостью согласился, а Хайкин был просто в восторге: «Жду вас с Василием Васильевичем у меня дома. Не забудьте ноты».

Мы пришли в красиво обставленную квартиру на набережной Невы. Атмосфера воцарилась сердечная и непосредственная, и после приветственных фраз Борис Эммануилович пригласил нас в рабочий кабинет: «Я много слышал о Ваших вокальных достижениях. С удовольствием послушаю Вас, Василий Васильевич! Что будете петь?» Я сел за рояль. Репертуар Смылова, обкатанный нами во многих странах, знал почти наизусть — и проблем с аккомпанементом не возникало. Начали с «Эпиталамы» Рубинштейна. Затем Вася спел «Сомнения» Глинки, а распевшись, позволил себе даже сложный Пролог из оперы «Паяцы» Леонкавалло. Солист исполнил программу с вдохновением и... надеждой. Наступил момент вердикта.

«Дорогой Василий Васильевич! — обратился к певцу главный дирижер Кировского театра. — Я с большим интересом прослушал Вас. Честно скажу — мне очень понравилось (и Хайкин не покривил душой!). Дела в театре идут сейчас неважно, сборы падают, и я с удовольствием принял бы Вас в нашу труппу. Но при одном условии, — тут Хайкин хитро улыбнулся, — Вы не станете возражать, если в афише будет написано, скажем, „в роли Елецкого — гроссмейстер Смыслов...“?»

Сватовство не состоялось...

В бытность Бориса Эммануиловича главным дирижером Кировского театра должность эта считалась не только престижной, но в определенных кругах и номенклатурной. А потому во времена злых антисемитских веяний «ответственные товарищи» с партийной прямоотой предложили ему сменить фамилию. «Фамилию менять не стану, — отпарировал Хайкин, — но готов на компромисс — согласен заменить вторую букву. Получится совсем по-русски».

ПРЕЛЮДИЯ СЛАВЫ

В первые послевоенные годы на экраны возрождающегося Ленинграда вышел фильм французского режиссера Жоржа Лакомба «Прелюдия славы». В немудреной форме в нем рассказывалось о судьбе одаренного музыкального мальчика, игравшего на аккордеоне и рояле и нашедшего призвание и славу в дирижировании. Главную роль исполнял одиннадцатилетний вундеркинд очаровательный Роберто Бенци. Картина имела успех и у многих ассоциативно всколыхнула воспоминания о популярном в недавнем прошлом советском фильме «Концерт Бетховена», где роль героя — талантливого скрипача Янки — играл я. Схожесть сюжета, музыкальные интересы, забавы юных персонажей невольно вызвали сравнения, хотя история вундеркинда-пионера была, конечно, оптимистичней. Французам ведь не приходило в голову петь «Эх, хорошо в стране французской жить».

Мы с Роберто по фильмам были одногодками, внешне похожи, и многие даже считали, что обе роли играл я. Приходилось отшучиваться: «Шахматист? Да. Пианист? Да. Скрипач? Кое-как. Но дирижер?! Это уж слишком!»

Но наивные сюжеты фильмов подхватила сама жизнь. Музыкальная карьера героев, вернее, исполнителей главных ролей сложилась счастливо. Роберто Бенци вырос в знаменитого на весь мир дирижера, руководителя парижской Гранд-опера. Марк Тайманов в дуэте с Любовью Брук обрел всеобщее признание как пианист.

Казалось, в этой благополучной музыкально-кинематографической истории наступил момент поставить точку. Но неожиданный телефонный звонок определил новый виток событий: «Марк Евгеньевич! Говорит Афанасий Васильевич, директор филармонии. Приезжает Роберто Бен-

ци. У него два концерта с нашим оркестром. Предлагаем вам исполнить „Карнавал животных“ Сен-Санса».

Вот это сюрприз! Героям нашумевших фильмов, разделенным временем и расстоянием, знакомым друг с другом лишь по кинокадрам забытых лент, фортуна подарила невероятный случай встретиться на прославленной сцене бывшего Дворянского собрания для совместного музицирования!

Первая же репетиция произвела огромное впечатление. И не столько благодаря своеобразию трактовки популярного классического произведения — Роберто Бенци исполнял его весьма традиционно. Поразило дирижерское мастерство и невероятное знание партитуры. Мне приходилось выступать со многими известными музыкантами, но впервые выпало встретить дирижера, ведущего репетицию наизусть и владеющего поистине фотографическим видением всех деталей нотного текста. Бенци мог обратиться к оркестру: «Флейты! У Вас в цифре 5 в унисон идет выразительный пассаж. Сыграйте, пожалуйста, чуть-чуть громче. Примерно так...» И он, безупречно сольфеджируя, демонстрировал, как это должно прозвучать. Роберто помнил все партии, выписанные в партитуре! К тому же невероятный слух: «Марк! У Вас в ми-бемольном аккорде недостаточно яркости в басовой терции; нужно сыграть немножко активнее вторым пальцем». Порой такие замечания казались своеобразным позерством. Но нет! Бенци был взыскательнейшим художником. А вот артистических, эмоциональных качеств ему не хватало. На концерте был столь же строг и сдержан, как на репетиции. Говорили, «ни одна люстра в зале не засветила ярче, и ни у одного оркестранта пульс не участился». Все было безупречно, но... без вдохновения.

Вспоминаю не самый подкупающий девиз Евгения Александровича Мравинского, бессменного главного дирижера ленинградского филармонического коллектива: «Все нужно сделать на репетиции. Вечером только повторить». Это было характерно и для Бенци.

И тем не менее Роберто Бенци принимали восторженно. Оценили высочайший профессионализм, отточенное мастерство, изысканный вкус и, конечно же, личное обаяние. Роберто был молод, элегантен, хорош собой, общителен, остроумен — душа общества.

Мы быстро подружались и проводили вместе много времени. Знаменитый дирижер гастролировал в Советском Союзе впервые, и многое казалось ему непонятным, а то и обескураживающим. Но на выпадавшие проблемы он неизменно реагировал с присущим французам юмором.

Роберто поделился своими разочарованиями. Именитый гастролер приехал в Москву по контракту с нашим Госконцертом, ведавшим зарубежными артистическими связями, и программа его пребывания — переезды, концерты, репетиции, встречи — была оговорена в деталях. Но, как известно, «добрыми намерениями вымощена дорога в ад», и с самого начала Роберто оказался затянутым в омут присущей нам неразберихи.

По расписанию первые два дня отводились для полных репетиций, затем днем короткая, а вечером концерт — это традиция, по которой обычно проводятся гастролы дирижеров. Но, увы, случилось так, что по каким-то причинам оркестр в назначенное время собраться не мог. Зато в день концерта назначили сразу... три репетиции! Что-то подобное происходило и дальше. Роберто Бенци, разумеется, не хотел соглашаться с таким произволом и пытался отстаивать свои права, но безуспешно. Перед ним веж-

ливо извинялись, приводили доводы, объяснения, но по существу все оставалось без изменений. И Бенци, отчаявшись, смирился: «Что поделать?! Госконцерт!..» И это слово стало для него синонимом любых неурядиц.

Я пригласил Роберто пообедать в ресторане Европейской гостиницы. Гостю понравился роскошный интерьер, и он уверенно сделал заказ уважаемому метрдотелю: «Пожалуйста, свежий салат под оливковым маслом, бифштекс с кровью и бургундское красное вино».

Признаться, уже тогда с продуктами были очередные «временные трудности», отличавшиеся постоянством, и на лице официанта выразилось недоумение. «Могу посоветовать борщ и пожарские котлеты», — внес он встречное предложение.

Наступил момент удивляться французу. Обратившись ко мне, он спросил: «Скажи, мы пришли в хороший ресторан?» — «Да, — ответил я, — один из лучших в городе». — «А вы разве с кем-нибудь сейчас воюете?» Настроение исправил лишь грузинское «Мукузани».

На следующий день мы сговорились вновь пообедать вместе. Чтобы улажить дорогого гостя и загладить вчерашний конфуз, я отправился на рынок, купил свежих овощей и, когда мы встретились в ресторане, сразу же выложил их на стол. Мой друг заметно оживился, попросил официанта принести салатницу и стал увлеченно нарезать зелень, огурчики, помидорчики, перемешивать, добавлять специи, приправы. Словом, почувствовал себя как дома. А завершив творческий процесс, довольный обратился ко мне: «Марк! Спасибо тебе за внимание, но где ты взял эти продукты?» — «На рынке», — признался я. «А почему в хорошем ресторане в меню нет салата? Они что, не знают, что в городе есть рынки?» И тут же нашел убедительное разъяснение: «Госконцерт!»

Через несколько дней я провожал Роберто Бенци в Париж. «Какие ближайшие планы?» — поинтересовался я перед расставанием. «Устал от этих гастролей, не просто все у вас. Поеду отдохну на море. Запасусь партитурами, улягусь под зонт и погружусь в мир новой музыки. Она придает силы...»

Мы обнялись, и он направился в таможенный отсек. Вижу, багаж нашего гостя стали с пристрастием досматривать чиновники.

— Роберто! Проблемы? — хотел я помочь.

— Нет. Опять Госконцерт, — с безнадежностью резюмировал знаменитый гастролер...

ПОДСОЛНУХ

Когда яркая многогранная личность на протяжении десятилетий щедро дарит миру высокое искусство и покоряет смелой гражданственностью, каждый штрих к знакомому портрету становится важным и интересным.

О Мстиславе Леопольдовиче Ростроповиче — истинном герое нашего времени — известно, кажется, все: он на виду, он востребован и оценен в самых элитарных кругах общества. А потому возьму на себя узкую задачу поделиться воспоминаниями лишь о забавных эпизодах, характеризующих тонкое чувство юмора и находчивость замечательного музыканта.

Слава смолоду слыл веселым выдумщиком. Однажды на гастролях по дальним уголкам России он оказался в небольшом городке. Свободного времени было много, занять себя нечем, и, когда увидел на стенде музыкального училища объявление: «Производится набор студентов на струнное отделение...», решение пришло само собой —

он подал заявление. Потом рассказывал: «На прослушивании старался играть как можно хуже, но, видимо, получилось недостаточно плохо. Оценили на четыре с плюсом и... зачислили в виолончельный класс».

Вспоминаю и другие байки давних лет.

Влетаю в артистическую Ростроповича после замечательного концерта в Риге:

— Слава! Ты просто очаровал всех! Как это было прекрасно! — И обняв разгоряченного музыканта: — А что это за парфюм у тебя?

— Мой друг, я так потею...

— Слава! — пошутил кто-то из друзей. — Ты играешь на очень эротичном инструменте — зажимаешь его между ног, водишь туда-сюда смычком.

— Что ты! — перебил его Ростропович. — Самый эротичный инструмент — это кларнет.

Мы познакомились со Славой в далекие студенческие годы, когда в консерватории за яркость и лучезарность натуры его называли Подсолнухом. И время над ним не властно. Все так же жизнелюбив, энергичен, весел, задирист и остроумен.

Одна из его шуток вошла и в шахматные хрестоматии. После моего злополучного матча с Фишером, когда власти искали повода придрататься, мотивом для санкций стало «таможенное нарушение».

При досмотре в московском аэропорту по возвращении из Канады в моем багаже был обнаружен роман Александра Солженицына «В круге первом». Вот это находка! И хотя в ту пору Александр Исаевич, будучи опальным писателем, оставался советским гражданином, власти решили обвинить меня во ввозе в страну «запрещенной литературы». И это совпало со временем, когда, проявляя подлинно гражданское мужество, Ростропович дал кров

писателю-диссиденту у себя на даче под Москвой, где тот сочинял знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ».

Реакцией Ростроповича на всю эту драматическую ситуацию стала его горькая, но такая меткая шутка, обошедшая всю Москву: «Вы слышали, какие неприятности у Солженицына? У него нашли книгу Тайманова „Защита Нимцовича“». В тот беспросветный для меня период Славина ирония оказалась одним из лучиков оптимизма.

Вспоминаю, как много лет назад в достопамятные советские времена, когда, по точному определению Ростроповича, все мы были «посыльными» — на гастроли за рубеж артисты не выезжали, как это принято в цивилизованных странах, а их посылали «компетентные органы», — ему и выдающемуся пианисту Эмилю Гилельсу пришло приглашение от крупного американского импресарио на длительное концертное турне по городам США. Министерство культуры СССР отнеслось к этому предложению благожелательно: оно сулило не только пропагандистские дивиденды, но и значительные финансовые выгоды — тогда из гонораров концертантов взималась львиная доля в доход государства, а потому было решено «послать» Гилельса и Ростроповича в Америку на два с половиной месяца. Но, разумеется, без жен, лишь в сопровождении представителя Министерства. Мириться с этим не хотелось, и выдающиеся гастролеры обратились к министру культуры Екатерине Алексеевне Фурцевой. Она благосклонно выслушала. «Вы люди уважаемые, — подчеркнула министр, — и, хотя это выходит за рамки наших норм, для вас сделаем исключение и постараемся решить вопрос о женах положительно. Вам нужно написать официальное заявление на мое имя с обоснованием вашей просьбы».

И Гилельс подготовил соответствующий документ — он выглядел, по стандартной форме, примерно так:

*Министру культуры Фурцевой Е. А.
От народного артиста СССР,
профессора, пианиста Гилельса Э. Г.*

Заявление

Поскольку я страдаю заболеванием печени и нуждаюсь в специальном уходе, а гастролы в США намечены на два с половиной месяца, прошу направить со мной мою жену.

Подпись, число

А чуть ниже Ростропович добавил:

Поскольку я абсолютно здоров и еду в Америку на два с половиной месяца, прошу разрешить выезд с женой.

Подпись, число

Думаю, довод Ростроповича оказался более убедительным. Просьба великих музыкантов была уважена.

Но министерское благоволение длилось недолго. Крайне недовольная мужественной поддержкой опального Солженицына, Фурцева вызвала Ростроповича «на ковер»: «Мстислав Леопольдович! Ваша акция идет вразрез с политикой государства, и мы вынуждены соответственно отреагировать. За границу посылать не будем, можете гастролить по стране». — «А что, концерты на Родине Вы считаете наказанием?» — изумился музыкант.

ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ ГЕНИЙ

Его имя, возможно, не слишком знаменито и знакомо лишь элитарному кругу почитателей, поскольку композитор Олег Каравайчук замечателен, главным образом, уни-

кальностью ниспосланной ему Богом музыкальной одаренности, реализованной, увы, далеко не в полной мере. Но все же на композиторскую невострребованность сетовать Каравайчук не может — достаточно вспомнить, что он написал музыку более чем к двумстам фильмам и многочисленным спектаклям. И музыку интересную! Впрочем, «написал» — неточное слово. Одной из странностей гениального музыканта как раз и является его неприятие изложения своих сочинений на традиционном нотном стане. У Каравайчука особый метод фиксации музыки, а потому он сам ее интерпретирует и сам ее исполняет; а наиболее дорогие его сердцу главные произведения — мотеты, духовные кантаты и симфонии — звучат лишь в его душе. «Кость поет», — ударяя себя в грудь, поясняет он.

Олег Каравайчук — личность яркая, неординарная, эксцентричная — в чем-то сродни великому Роберту Фишеру. И это определяет и его исключительность в мире искусства, и нередко выпадающие жизненные сложности. Как тут не вспомнить историю сорокалетней давности, связанную с постановкой балета «Клоп» в Кировском театре.

Выдающийся хореограф Леонид Якобсон задумал двухактный спектакль по мотивам пьесы В. В. Маяковского и пригласил Каравайчука как композитора, славящегося острым восприятием времени и яркой характеристичностью музыкальных образов. Каравайчук вскоре появился в театре и ошеломил балетмейстера точностью воплощения задуманного Якобсоном плана. Композитор сел за рояль и блестяще сыграл сочиненную им музыку первого акта балета! «Это великолепно! — вдохновился Якобсон. — Буду с нетерпением ждать партитуру!» Увы... ожидания были тщетными...

Когда Каравайчук в следующий раз пришел на творческую встречу (конечно, без нот), он снова сел за рояль

и снова сыграл прекрасную музыку для первого акта, но... уже совершенно другую...

Олег — потрясающий импровизатор и может часами «фонтанировать» музыкальной фантазией. Но не этого хотел Яacobсон — для постановочного процесса ему нужна была точно выверенная партитура. И опытный театрал нашел своеобразный, хотя, быть может, и не слишком корректный выход. Незаметно для Каравайчука записав его исполнение на магнитофон, Яacobсон пригласил подключиться к работе в качестве соавтора талантливого композитора Георгия Фиртича, а заодно и «расшифровать» сделанную фонограмму. План Яacobсона удался, и спектакль получился отличным. Узнав об обмане, Каравайчук был взбешен, протестовал, а отчаявшись, потребовал снять свою фамилию с афиши. Так «Клоп» в постановке Леонида Яacobсона вошел в репертуар Кировского театра с музыкой... Отказова и Фиртича.

Олега — тогда еще Леку — я впервые увидел в доме профессора Савшинского. Он, как и я, был его учеником с раннего детства и слыл вундеркиндом. Говорили, что на Московском конкурсе юных музыкантов на Каравайчука обратил внимание сам Сталин и даже приглашал в гости. Лека был очаровательным, непосредственным мальчиком, жизнерадостным и бойким, как его сверстники, но заносчивым. После лауреатского успеха на конкурсе, где особенно ярко прозвучал его дуэт с виолончелистом Даней Шафраном, ставшим впоследствии одним из величайших инструменталистов века, Лека в филармонии гордо проходил мимо контролеров, считая достаточным назвать свое имя.

И все же в юные годы музыкальный талант Каравайчука не обрел еще черт исключительности. Он начал поражать всех позже. Необыкновенная музыкальная память,

невероятно острый слух, необъяснимая способность транспонировать музыкальные произведения, наконец, безграничная импровизационная фантазия определяли его гениально одаренную натуру. Услышав однажды какое-либо симфоническое сочинение, Олег мог свободно воспроизвести его на рояле, сложнейшую фугу Баха исполнить в любой тональности, стилизовать импровизацию под творческую манеру самых выдающихся композиторов. Ему доставляло удовольствие мистифицировать слушателей-профессионалов, выдавая подобного рода опусы за оригинальные творения классиков.

Накануне госэкзамена в консерватории Олег в последний момент вспомнил, что в программу должно быть непременно включено какое-либо новое произведение советского композитора.

— Самарий Ильич! — обратился он к профессору. — Посоветуйте что-нибудь на скорую руку.

— За день до экзамена? — ужаснулся Савшинский. — Нет уж, выпутывайся сам.

К счастью, Олег знал, что в Кировском театре репетируется балет «Золушка» Прокофьева. На следующее утро Каравайчук пришел на спектакль, а уже через три часа в Малом зале консерватории с успехом исполнил перед государственной авторитетной комиссией фортепианную транскрипцию нескольких танцев из «Золушки». Правда, дело чуть не кончилось скандалом. В какой-то момент, обернувшись в зал, он обвел глазами экзаменаторов и недовольно воскликнул: «А, собственно, для кого я играю?»

Музыка все сильнее поглощала молодого композитора, становилась жизненной доминантой, вытеснила все остальные интересы. «Музыка — это стихия, в которой человек должен чувствовать себя как рыба в воде или как

саксаул в пустыне», — обозначил свое кредо Каравайчук. И она начала постепенно отнимать его у окружающего мира. Олег замкнулся, отошел от друзей, стал нелюдим, индифферентен к коллегам; изменился даже его внешний облик, появились странности...

Кинорежиссер Савва Кулиш рассказывал, что Каравайчук, сочинявший музыку к нескольким его фильмам, нередко жил у них дома неделями и спал на ковре в столовой, поскольку не хотел останавливаться в гостинице «Мосфильма», где, как считал, «живут одни большевики». А однажды для записи музыки к одному из фильмов Кулиша решил использовать... гроб с костями... В другой раз раздал оркестрантам презервативы, велел надуть и тереть их для специального эффекта.

Нигилизм и диссидентство стали у Каравайчука главными принципами восприятия действительности... «Питерским чудиком» называли Олега соседи. Но облик экстравагантного гения во всей его противоречивости и исключительности лично для меня, знавшего Олега на протяжении десятилетий, во всей полноте раскрылся однажды на необыкновенном выступлении Каравайчука в Ленинграде.

Где-то, думаю, в середине 60-х годов афиши известили, что в концертном зале у Финляндского вокзала состоится вечер композитора и пианиста Олега Каравайчука. В первом отделении — произведения классиков, во втором — собственные сочинения и в третьем, что было необычно, — импровизации на заданные слушателями темы.

Анонс вызвал исключительный интерес. Имя Каравайчука всегда было окружено флером загадочности, публично выступал он чрезвычайно редко. Да и программа обещала впечатления особые. Билеты были раскуплены мгновенно.

Но в назначенный день по радио объявили, что концерт переносится. Звоню директору зала — симпатичнейшему Александру Семеновичу Карасику: «Что случилось?» — «Каравайчук ужасно нервничает и просит несколько дней отсрочки, но концерт обязательно состоится. Я Вам сообщу». И действительно, вскоре звонок: «Приходите».

Зал был переполнен — собралась вся художественная элита города — такое событие! Наступает время начала — 19. 30, на сцене никого. 19. 40, 19. 50... Всеобщее недоумение. Наконец появляется ведущий и, извинившись за задержку, обнадеживает, что концерт через несколько минут начнется. Вскоре на сцене появляется концертант. Олег во фраке, что довелось мне увидеть впервые, бледный, скованный в движениях, не кланяясь, медленно подходит к роялю, садится. Приветственные аплодисменты не прекращаются, и Каравайчук резко ударяет ладонью по крышке рояля. Ошарашенная публика вмиг смолкает.

— Бах, Прелюдия и fuga с-moll, — объявляет ведущий.

И, словно из глубины веков, возникает чарующая музыка, исполняемая не на современном Стейнвее, а словно бы на древней лютне. Это было какое-то волшебство... Доиграв прелюдию, но не приступив к фуге, Каравайчук неожиданно поднялся и покинул сцену.

— Антракт на 20 минут, — объявил ведущий.

Оказалось, пианист очень неловко чувствовал себя во фраке и попросил маму привезти ему из дома привычную мягкую фуфайку...

Наконец, концерт возобновился. В комфортной, хотя и не вполне парадной одежде солист явно приободрился и продолжил программу. Каравайчук снова и так же замечательно, как в первый выход, сыграл Баха (на этот раз с фугой), а затем, чувствуя, что время поджигает, и опустив несколько пьес, исполнил (божественно!) «Девушку с во-

лосами цвета льна» Дебюсси, но, чем-то недовольный собой, тут же ее повторил. На этом первое отделение закончилось...

Во втором Каравайчук почувствовал себя уже совершенно раскованно, тем более что исполнял свои сочинения. Он увлеченно играл отрывки из «Клопа», своих кинофильмов; использовал шумовые эффекты — бил по струнам, крышке, отдаваясь эмоциям.

Но главным событием стало, конечно, третье — уникальное — отделение. Слушатели предлагали Каравайчуку цитаты из известных произведений, написанные на клочках нотной бумаги, литературные образы и даже коротенькие сюжеты.

Первой, к радости Каравайчука, пришла цитата из «Весны священной» Стравинского. Он поблагодарил за выбор и тут же выступил с панегириком в адрес великого композитора, чьим почитателем является и чье творчество знает наизусть. Подметив, что в цитате допущена неточность (что-то вроде бемоля вместо диеза), Каравайчук сел за рояль и с необыкновенной фантазией, стилистической безупречностью симпровизировал музыку, которую можно было без всякой редакции записать, напечатать и издавать. Это произвело неизгладимое впечатление. Зал взорвался. «Шаманство!» — воскликнул кто-то. Но, увы, ни этому опусу, ни многим другим не суждено было остаться на нотной бумаге. Сочинение, вдохновенно родившись, тут же закончило свое существование.

Потом были «Зубрилка», из которой Каравайчук сделал остроумное скерцо, фантазия на темы оперы «Золотой петушок» Римского-Корсакова и еще многое-многое... Композитор был «в ударе», слушатели в восторге, концерт затянулся до двух часов ночи! Это стало одним из самых ярких впечатлений моей музыкальной жизни!

И все же, делясь воспоминаниями о встречах с уникальной личностью, не могу сдержать какого-то щемящего чувства — Олег не реализовал данного ему провидением феноменального таланта в полной мере. Да, он сочинил музыку к фильмам таких замечательных режиссеров, как Сергей Параджанов, Петр Тодоровский, Илья Авербах, Савва Кулиш, Кира Муратова, и это была хорошая, высокопрофессиональная музыка. Но она, увы, никогда не выплескивалась за рамки экрана.

Каравайчук прекрасно владеет фортепиано, исполнительский вкус его безупречен, но и этот талант не вывел пианиста на престижные филармонические подмостки, его мог оценить лишь узкий круг слушателей. А главные сочинения Каравайчука, заполнившие его душу, вообще никогда не исполнялись публично...

Давно не встречался с Олегом, мало что о нем теперь слышно, но неожиданно прочел в одном журнале коротенькую заметку журналиста, навестившего уже пожилого эксцентричного гения: «Каравайчук невысок, тощ, похож на эмансипированную старушку. Он ходит всюду один, к окружению, похоже, индифферентен. Смотрит внутрь себя...» Грустно...

РУССКИЙ ПЬЕРО

Признаюсь, прежде чем взяться за перо и поделиться воспоминаниями об Александре Николаевиче Вертинском, я вновь, в который уж раз, завел старую потертую пластинку и погрузился в удивительный мир нежности, сентиментальной ностальгии и добра, звучавший в песнях великого «русского Пьеро»: «Доченьки», «Прощальный ужин», «Мадам, уже падают листья»... Какая душевность,

«Мадонна с младенцем», 1926 г.

Мама, папа, я — вся моя семья, 1931 г.
Лето в Гурзуфе, 1932 г.

Семья пополнилась. Брату Алику уже 2 года.
Петергоф, 1936 г.

Кадры из фильма «Концерт Бетховена», 1937 г.

В классе профессора С. И. Савшинского.
За роялем будущий композитор Олег Каравайчук, 1938 г.

Так зарождался фортепианный дуэт
Любовь Брук — Марк Тайманов, 1938 г.

Знаменитые гости в шахматном клубе Ленинградского Дворца пионеров. За доской гроссмейстеры Пауль Керес и Михаил Ботвинник. В центре — «душа» шахматного клуба Самуил Осипович Вайнштейн, 1940 г.

Матч с Учителем за звание чемпиона СССР, 1952 г.

Еще на правах мэтра. С юным Борисом Спасским
в стенах Дворца пионеров, 1954 г.

Для мамы мы по-прежнему дети, 1976 г.

Пианистическая династия Таймановых: внучка Кирочка,
глава династии и сын Игорь, 2001 г.

Советские и аргентинские гроссмейстеры на приеме президента Хуана Перона. Буэнос-Айрес, 1954 г.

Советско-американский «саммит на высшем уровне». Прием у американского посла в Москве по случаю Дня независимости 4 июля 1955 года. Среди гостей политики — М. Г. Первухин, Г. М. Маленков, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и шахматисты Л. Эванс, Г. Стейнер, С. Решевский (США), А. Котов (СССР) и др.

За партией А. Белицкий — М. Тайманов внимательно наблюдает легендарный Че Гевара.

На обороте его дарственный автограф. Гавана, 1964 г.

В перерыве бейсбольного матча. Фидель и участники турнира памяти Капабланки: (слева направо) Ф. Кастро, гроссмейстеры В. Смыслов, Л. Пахман (Чехословакия), М. Тайманов, А. О'Келли (Бельгия), К. Дарга (Германия).

В центре — президент шахматной федерации Кубы Ф. Баррерас, 1964 г.

Ф. Кастро в атаке, 1964 г.

Коктейль по окончании турнира памяти Каабланки.
Справа налево: посол СССР на Кубе А. Алексеев, сын великого кубинского гроссмейстера Каабланки, я, В. Смыслов и один из организаторов турнира. Гавана, 1964 г.

КЛУБ МАСТЕРОВ ИСКУССТВ

9
НОЯБРЯ

ШАХМАТНЫЙ МАТЧ
ДАВИД ОЙСТРАХ-ПРОКОФЬЕВ

УСЛОВИЯ МАТЧА:

1. Матч состоится 9 ноября в 9 часов вечера в клубе мастеров искусств. Организаторы: М. В. Гурвич и С. В. Прокофьев.

2. Матч состоится в 9 часов вечера в клубе мастеров искусств. Организаторы: М. В. Гурвич и С. В. Прокофьев.

3. Матч состоится в 9 часов вечера в клубе мастеров искусств. Организаторы: М. В. Гурвич и С. В. Прокофьев.

4. Матч состоится в 9 часов вечера в клубе мастеров искусств. Организаторы: М. В. Гурвич и С. В. Прокофьев.

5. Матч состоится в 9 часов вечера в клубе мастеров искусств. Организаторы: М. В. Гурвич и С. В. Прокофьев.

Открытие матча 9 ноября 1937 года в 9 часов вечера

Билеты на матч в Центральном клубе мастеров искусств

Афиша шахматного матча великих музыкантов, 1937 г.

С. Прокофьев и Д. Ойстрах. Москва, 1937 г.

Концерт с Роберто Бенци
в Ленинградской филармонии, 1962 г.

Вечер фортепианного дуэта в Берлинской филармонии, 1959 г.

Фото на память о совместном концерте в Нью-Йорке, 1954 г.

To All the family Krimanov -
With most affectionate
regard - Isaac Stern ^{May 26} 1965

Мой друг великий скрипач Исаак Стерн, 1965 г.

Д. Шостакович и И. Тайманова.
Слева — композитор Б. Клюзнер. Репино, 1969 г.
На юбилее М. Ростроповича. Петербург, 2002 г.

сердечность! Как красив его русский язык! Как богат интонациями! Я слышал песни Вертинского еще в юности — они были редкостью в нашей стране. И когда в начале 50-х на Рижском взморье волею судеб пересеклись наши пути и меня представили Александру Николаевичу как концертирующего пианиста, это стало событием и удивительным, и радостным.

Я познакомился с живой легендой — знаменитым шансонье, человеком из другого мира, другого поколения, иного менталитета, артистом, эмигрировавшим из России, а спустя почти четверть века, в суровые годы войны, возвратившимся в Советский Союз.

Мы подружились. Нередко он приглашал меня посидеть вечером в «приморском ресторане», потянуть коньячок, выпить кофе — до которого был охоч, а уютное «Лидо» в Дзинтари располагало к душевным разговорам. Александр Николаевич рассказывал о своих встречах с Шалапиным, Буниным, Алехиным, интересовался музыкальными событиями в Ленинграде. Словом, чувствовал себя комфортно.

Но однажды, в такой же тихий и уютный вечер, из-за соседнего столика поднялся молодой энтузиаст и, обращаясь к залу, произнес: «Дорогие друзья! Среди нас присутствует великий русский актер Александр Николаевич Вертинский. Попросим Александра Николаевича спеть!»

Шокированный такой бесцеремонностью, Вертинский озлился, поднялся и с присущим ему мягким грассированием и чуть растягивая слова сказал: «Дорогие друзья! Среди нас, вероятно, присутствуют и зубные врачи. Но никому не приходит в голову попросить поставить пломбу или мост. Почему же я должен петь?!» Справедливая отповедь вызвала аплодисменты.

В тот год, кажется 1953-й, Вертинский снимался в роли князя в фильме «Анна на шее», где героиню играла очаро-

вательная Алла Ларионова. Не секрет, что Александр Николаевич слыл истинным ценителем женской красоты, и по Москве поползли слухи о его новом увлечении. Видимо, Вертинского это несколько смущало, поскольку однажды во время прогулки на взморье он обратился ко мне: «Маркуша! Пойдемте на переговорный пункт. Нужно позвонить Лиле. Она так ревнует...» Оправдания прозвучали трогательно: «Лилечка, дорогая! Я тебя очень люблю. Не верь этим сплетням. Хочешь, приезжай, и мы будем при всех целоваться...»

К счастью, Лилечка умела прощать его «дежурные влюбленности», и слова замечательной песни «о жене» нашли тому новое подтверждение...

Мы нередко встречались и в Ленинграде. Концерты Вертинского неизменно имели успех, а я не упускал возможности насладиться удивительной аурой, определявшей интимность атмосферы и словно объединявшей слушателей на его выступлениях.

Неизменно сопровождал Вертинскому друг и пианист Михаил Брехес (кстати, ученик Савшинского), который так вжился в образ русского шансонье и так искусно его имитировал, что порой выигрывал пари, исполняя за занавесом знакомый поклонникам репертуар.

Но, кроме обаяния голоса, исполнительской манеры, изысканного имиджа артиста, многие приходили на концерты еще и полюбоваться удивительной пластичностью и выразительностью рук Вертинского.

Вспоминаю, как выдающийся актер Александринского, тогда Пушкинского, театра Николай Симонов, готовя какую-то роль, не пропускал ни одного выступления Вертинского только для того, чтобы «постичь магию рук».

А последняя наша встреча случилась 21 мая 1957 года — увы, могу назвать точную дату. Днем, гуляя по Нев-

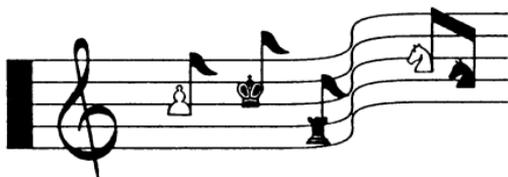

скому, увидел обаятельного Александра Николаевича: «Маркуша! Рад встрече. У меня сегодня вечером концерт в Театре эстрады. Приходите. Кто знает, когда свидимся вновь. Я оставлю билеты на Ваше имя». — «Спасибо, дорогой, Александр Николаевич, непременно приду Вас послушать. Я ведь Ваш верный поклонник!»

Это были последние слова, которыми мы обменялись. Через два часа позвонил директор Театра эстрады и сказал, что концерт не состоится.

Александр Николаевич Вертинский умер незадолго до поднятия занавеса...

Концерты с необычным сюжетом

Бернард Шоу как-то мудро подметил: «Слава — это непрерывное усилие». И действительно, успех художника — музыканта, артиста, шахматиста — в полной мере определяется интенсивностью его творческого труда. Каждое выступление — это событие и подвиг. И пусть время сглаживает остроту переживаний, самые яркие эпизоды карьеры надолго остаются в памяти. В первую очередь это концерты на крупнейших сценах мира, совместное музицирование с выдающимися дирижерами и... необычные «околоконцертные» сюжеты.

ПОЭМА О КОЛОКОЛАХ

Этот концерт запомнился не по тому, как играли, насколько удался или каким был успех, — сюрпризом стал финал.

Как-то в 60-е годы, по окончании выступления в Малом зале Московской консерватории, где «на бис» мы исполнили знаменитый «Светлый праздник» — «Колокола» из Первой сюиты Рахманинова, в артистическую поздравить зашел незнакомый молодой человек. Чувствовалось, что он взволнован. Сказав несколько добрых слов, передал два исписанных листка и быстро удалился. Уже дома мы увиде-

ли посвященные нам стихи, вдохновленные музыкой Рахманинова. Имя автора, признаюсь, ничего не говорило, хотя сама эмоциональная поэма произвела сильное впечатление.

Листки нашли место в архиве среди рецензий, программ, и лишь спустя годы стало ясно, какой необычный манускрипт попал нам в руки. Имя Игоря Губермана узнал мир, и настал момент, когда раритетный опус может стать всеобщим достоянием.

К счастью, рукописи не горят...

Игорь Губерман

ФОРТЕПЬЯННЫЙ ДУЭТ

Бьет звонарь, кидая тело, как на плаху;
Коронован, чтобы звонницей владеть.
Переломанный, слепой, рванув рубаху,
В гнев и муку перезванивает медь.
Он изведal все дороги божьей кары;
Он веками с колокольни не слезал;
Полудикие Чингизовы татары
Хоронили его древние глаза —
За бойцов, которых поднял не однажды...
Только — слышите — недавно, а не встарь,
Бредил колокол пожарами.
И так же
Верил звукам обезумевший звонарь.
Это — слышите? — пылают стены дома.
— Бог велик — поют удары — Бог простит!
И не голуби, испуганные громом, —
Стая воронов со звонницы летит.
— Поднимайся, не щадя и не жалея!
На закате будет черная заря!
... А на сцене
У роялей два еврея
С фанатизмом, с фанатизмом звонаря.

Они видят.
Они зрячи.
Они слепы.
Светом рампы высекаются, горя,
Два лица — не остывающие слепки
Озаренного безглазья звонаря.
...Эта тема, возникая, крепнет где-то,
Нарастает в ошалелых звонарях;
Эти звуки поднимали трупы — в гетто,
И бросали на охрану — в лагерях.
Загораются не знающие страха —
У стены — им больше некуда назад —
Чьи-то яростные, русского размаха,
Первобытные семитские глаза.
По Могучей,
По Оборванной, Крылатой,
Ветер памяти, звучание неси;
Бьются струны — напрягаются канаты,
Пляшут руки звонарей Всея Руси.
По исчезнувшим, сгоревшим, по нетленным
— Вьется пепел, завивается зола —
По неверным, по невинно убиенным
Православные звонят колокола.
Дни уходят,
Боль живет, не холодея.
Море ливнями рыдает о реке.
Плач Израиля играют иудеи
На славянском колокольном языке.

«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ...»

Уже почти полвека назад — как незаметно летит время — по окончании дружеского матча сборных команд шахматистов СССР и США в Нью-Йорке наш посол С. С. Царпакин давал прием в честь победителей. Было много знат-

ных гостей — политиков, журналистов, артистов. В компании с сыном, тоже Подем, явился и легендарный Поль Робсон — необыкновенный певец, страстный борец за мир и частый гость нашей страны.

В разгар приема Робсона обступили поклонники:

— Спойте, пожалуйста, нам так хочется послушать Вас!

— Но я пришел без аккомпаниатора, — отражал натиск маэстро.

— Это не проблема. У нас есть свой, — обрадовались гости, — ведь гроссмейстер Тайманов — известный пианист.

— Что ж, попробуем...

Обрадованный такой необычайной возможностью, хотя и не без естественного волнения, я сел за рояль, откуда-то принесли ноты песен из репертуара Робсона, и импровизированный концерт состоялся. Его кульминацией стала коронная в исполнении великого певца-трибуна песня «Широка страна моя родная...», которую Робсон пел по-русски.

А на память об этой встрече остался портрет Робсона с автографом: «*To Mr. Taimanov. So glad to meet you*»*, и дальше уже по-русски: «*Всего хорошего*». И подпись: «*Paul Robson, June 54*».

В моем рабочем кабинете он и по сей день не скрывает доброй улыбки.

DAß SPIELT KEINE ROLLE**

В один из приездов в Голландию в качестве корреспондента ленинградских газет на турнире претендентов я оказался в обществе музыкантов. Мы мило беседовали о том

* Рад встрече с Вами (англ.).

** Это не играет роли (нем.).

о сем, когда один из них, как оказалось, куратор крупной филармонической фирмы на севере страны неожиданно обратился с предложением: «Господин Тайманов! Мы знаем Ваш великолепный дуэт с Любовью Брук, но только по пластинкам. Вы ведь здесь с женой. Почему бы Вам не сыграть концерт? Я охотно организую это у нас в Леевардене». Идея показалась заманчивой, и, выговорив неделю на подготовку, мы согласились. Через несколько дней вновь встретились с продюсером чтобы обсудить программу, время репетиций в зале и т. д., и т. п. Наступил черед и немаловажной проблемы гонорара. Здесь неизбежно возникало немало щекотливых деталей. Во-первых, наш концерт не был заранее анонсирован, что на Западе не принято, а потому не вписывался в обычные условия контракта. Во-вторых, носил словно бы дружеский характер. Неизвестны были и параметры намеченного выступления — количество мест в зале, стоимость билетов. Словом, любая названная сумма гонорара оказалась бы случайной. А потому я решил довериться судьбе и переложить задачу на организаторов в полной уверенности, что солидная фирма на вознаграждение не посяхнет. Не будучи искушенным в тонкостях немецкого языка, на котором мы изъяснялись с продюсером, я не стал затрудняться в поисках точного выражения мысли, типа «на Ваше усмотрение» или «как Вы сочтете целесообразным», и ограничился лаконичной нейтральной фразой «Dass spielt für uns keine Rolle», имея в виду, что гонорар — не самое главное в нашем концерте. На том и расстались.

В условленное время к нашему отелю подкатил роскошный лимузин, и мы отправились в путь. Живописная дорога проходила вдоль моря по насыпи. Не случайно говорят: землю создал Бог, а Голландию — голландцы.

В пути словоохотливый водитель без усталости рассказывал о достопримечательностях края, куда мы ехали, об ин-

тересе к нашему концерту и вдруг разоткровенничался: «А знаете, какое впечатление произвело Ваше джентльменство. Вы так красиво отказались от гонорара! Все оценили. Об этом дружеском жесте даже написали в газетах!»

Чего душой кривить, от неожиданности мы скисли. Надежды на пополнение скудных командировочных рухнули безвозвратно. Наверное, организаторы по наивности подумали, что Тайманов — знаменитый шахматист, их дуэт с Брук много концертирует — богатые люди!.. А не заметивший нашего разочарования водитель продолжал: «Вечер будет великолепным — настоящий гала-концерт. Приглашены самые знатные граждане Леевардена и ближайших городов. Бургомистр для гостей дает по окончании банкет. А Вас ожидает красивый подарок».

«Хоть что-то», — утешились мы...

Шофер не обманул. Вечер удался. Мы играли с подъемом, публика в роскошных вечерних туалетах неистово аплодировала. Мы охотно выходили на поклоны, играли «на бис». Наконец на сцену вышел сам бургомистр. Сердечно поблагодарив, произнес заветное: «А теперь, дорогие гости, примите в знак почтения к вашему искусству подарок от нашего города». Мы напряглись — сейчас вынесут та-а-кое...

Вновь восторженные аплодисменты, мы обернулись и увидели... Нет, не шикарный автомобиль и даже не роскошную вазу дельфтского фарфора, которым славится Голландия. Общее ликование вызвала... изразцовая плитка с хрестоматийным сельским пейзажем, какие голландцы используют для отделки каминов.

Кислыми улыбками и наигранной благодарностью разочарование все же удалось скрыть, и мы дружески обняли бургомистра. А банкет оказался действительно великолепным.

«За наш счет», — подумалось нам...

Уже в лимузине по дороге в Амстердам водитель обратился к пассажирам: «Еще раз спасибо. Концерт запомнится надолго. А как вам сувенир? Кстати, пока не забыл: продюсер попросил передать извинения — он не знал, что у вас есть сын, и не купил подарка. Сделайте, пожалуйста, это сами», — и вручил конверт с пятьюстами гюльденами — по тем временам немалую сумму. Не уверен, что она полностью досталась адресату...

Потом мы еще не раз приезжали с концертами в Голландию. Но выступление в Леевардене особенно запомнилось. К тому же оно послужило поводом для совершенствования немецкого языка.

КОНЦЕРТ ПОДШОФЕ

Из сотен концертов, которые я сыграл за годы артистической деятельности, разумеется, не все прошли одинаково удачно. Бывали выступления, приносившие успех и творческое удовлетворение, но случались, увы, неизбежные разочарования.

И все же только один-единственный концерт я вспоминаю с ужасом и содроганием. И даже не из-за самого исполнения, которое оказалось ниже всякой критики: провалы — бич любого художника, сколько из-за пережитого тогда кошмара.

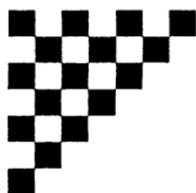
Это случилось в один из официальных праздников — в День Советской Армии. Как обычно, по такому торжественному поводу в ленинградском Доме офицеров устраивали праздничный концерт мастеров искусств. Программа составлялась на все вкусы: от классической музыки до эстрады. Фортепианный дуэт Любовь Брук — Марк Тайманов должен был исполнить несколько популярных пьес извест-

ных композиторов. Выступление намечалось короткое и не требовало особой подготовки. Беда заключалась лишь в том, что праздники у нас отмечаются не только на официальных форумах, их охотно справляют и дома, в дружеском кругу.

Так случилось и в тот злосчастный день. К обеду собрались близкие, и хотя, естественно, пили не только лимонад, я ограничился бокалом сухого вина, что по тем молодым временам даже не рассматривалось как какое-то излишество. В отличном расположении духа мы отправились на концерт. Объявляется наш номер, выходим на эстраду, где, как обычно, один напротив другого стоят два рояля. Подхожу к своему, сажусь на банкетку и ощущаю какое-то неудобство, дискомфорт, словно передо мной не рояль с клавиатурой, а что-то совсем незнакомое. Состояние ужасное. Ничего не подозревающая партнерша играет вступление, моя очередь включиться в дуэт, а я беспомощно перебираю совершенно не те клавиши. Снова реплика и снова не по тем...

Не знаю, как удалось до конца доиграть «Фантазию на темы оперы „Риголетто“» Верди, но убежден, что моей затуманенной фантазии там оказалось сверх меры. Хорошо еще, что партнерша не потеряла самообладания и старалась возместить мои огрехи, а не слишком взыскательная публика, кажется, вообще не заметила катастрофы, более того, шумно аплодировала. Поразительно, но когда мы вышли на поклон, мучительное состояние беспомощности бесследно исчезло. Как ни в чем не бывало мы сыграли несколько пьес на бис безупречно. Но ужас, пережитый на сцене, сохранился в памяти на всю жизнь.

С тех пор в день концерта я пью вино только после выступления...

Жрецы Каиссы

Шахматное искусство является одной из художественных форм отображения логической стороны мышления человека.

М. Ботвинник

Если великое творение мировой культуры, именуемое шахматами, является своеобразным синтезом спорта, науки и искусства, то каждый, кто отдает им свой досуг или посвящает себя полностью, находит в них ту ипостась, что ближе всего душе. Для меня главной привлекательностью шахмат стало их творческое содержание. Подобно музыке, они дарят вдохновение, учат образному мышлению, воспитывают художественную фантазию, эстетические принципы. Не случайно лучшие партии крупных состязаний отмечаются специальными призами «за красоту».

Своими шахматными «духовниками» могу считать великих апологетов художественного понимания сути шахмат Пола Морфи, Михаила Чигорина, Александра Алехина, Михаила Таля, Гарри Каспарова.

Но не менее значима и научная сторона древней и мудрой игры. И хотя Готгольд Лессинг как-то сказал: «Шахматы — слишком игра для науки и слишком наука для игры», — многие элементы шахматного творчества содержат неколебимые принципы точных знаний. Это и строгость стратегических законов, и внутренняя логика развития событий, и математическая четкость тактических расчетов, и аналитическая сущность шахматной теории, и специфическая форма исследовательского труда. Ряды сторонников

такого взгляда на суть шахмат представлены не менее значительными личностями. Это и Вильгельм Стейниц, и Макс Эйве, и Михаил Ботвинник. Видимо, не случайно М. Эйве и М. Ботвинник, будучи чемпионами мира, имели еще и научные степени докторов наук.

И наконец, о спортивной привлекательности шахмат. Еще Алишер Навои пять веков назад подметил: «Шахматы — благородная вражда». Если состязательный принцип свойствен многим видам деятельности, здесь он имеет особенно глубокий фундамент. В шахматном единоборстве сталкиваются характеры, возникают межличностные конфликты, сопоставляются интеллекты и мировоззрения. Апологетов такого понимания шахмат было, пожалуй, не так уж и много. Это, в первую очередь, Эммануил Ласкер, провозгласивший свое кредо предельно четко: «Шахматы — это прежде всего борьба», и неутомимый Виктор Корчной.

Но, разумеется, когда речь идет о великих шахматистах, однозначные, пусть и яркие, характеристики весьма условны. Каждый из чемпионов владел самым широким арсеналом шахматных умений и лишь эмоционально акцентировал ту или иную специфическую грань творческих пристрастий.

Для полноты галереи великих следует назвать имена и тех, кто постигал глубину шахмат не только в русле осознанных предпочтений, а, скорее, чисто интуитивно — по подсказке природы. Подобное «моцартианство» отличало игру Хозе Рауля Капабланки, Василия Смыслова, Тиграна Петросяна, Анатолия Карпова. Врожденное чувство гармонии взаимодействия фигур на шахматной доске, предвидения «грозовых очагов», требующих повышенного внимания, безошибочная тактическая «зоркость» позволяли им принимать лучшие решения даже без особых затрат времени и напряжения.

Недавно Василий Васильевич Смыслов пожаловался: «Марик! Старею. Трудно стало рассчитывать длинные варианты». — «Вася! Вам это совершенно ни к чему. У Вас есть правая рука, которой можно смело довериться. Куда она поставит фигуру, там и будет для нее лучшее поле». И это не шутка...

В узкие рамки обозначенных схем не вместились еще двое великих чемпионов — Борис Спасский и Роберт Фишер. Для них характерны многогранность таланта и масштабность замыслов.

Подобно любому виду творчества, шахматы имели разные исторические периоды развития — романтизм, классицизм, неоромантизм, модернизм. И на каждом этапе выдвигались свои исследователи, свои лидеры — законодатели шахматных мод. По-разному складывалось и отношение к шахматам. Они знали периоды преследования — когда на Руси в XVI веке за игру в шахматы отлучали от церкви; периоды равнодушия, периоды локальных вспышек энтузиазма и времена нарастающего интереса. Но думаю, что Золотой век шахмат пал на 20—80-е годы прошлого столетия. Именно тогда увлечение шахматами, уважение к ним как к фактору общечеловеческой культуры, признание их воспитательной и социальной значимости достигли своего расцвета. И здесь огромную роль сыграла наша страна. Измученная гражданской войной, многострадальная и бедная, она уже в 1924 году устами руководителя Всесоюзной шахматной секции — Председателя Верховного трибунала России Н. В. Крыленко — провозгласила лозунг: «Шахматы — орудие интеллектуальной культуры» и призвала сделать шахматное искусство достоянием трудящихся.

Уже через год был организован 1-й международный турнир в Москве, где играли Х. Р. Капабланка, Э. Ласкер

и другие гроссмейстеры. Он вызвал вспышку глобального интереса к шахматам и нашел художественное отражение в нашумевшем фильме Всеволода Пудовкина, метко названном «Шахматная горячка».

А в 30-е годы на широкую шахматную арену выплеснулась целая плеяда молодых советских мастеров во главе с Михаилом Ботвинником, и шахматы стали в Советском Союзе подлинно народной игрой. Собственно, с того времени и начался Золотой век, в котором мне посчастливилось прожить насыщенные десятилетия.

Только в те времена даже в единоборствах суровых и значимых возможны были благородные порывы, выходящие за рамки жестокого соперничества. Поразительный пример. 1941 год, матч-турнир на звание абсолютного чемпиона СССР в Ленинграде. Играют могучие конкуренты Пауль Керес и Исаак Болеславский. У Болеславского огромное преимущество, но вдруг на демонстрационной доске появляется табличка: «ничья». Крайне удивленный и по молодости несдержанный, подбегаю с вопросом: «Исаак Ефремович! Почему ничья? Вы что, не заметили, что могли в два хода выиграть?» — «Конечно, заметил, — ответил мудрый гроссмейстер. — Но ведь и Пауль, конечно же, видел эту возможность. И все-таки предложил ничью. Значит, пол-очка для него были очень важны. Как ему отказать?»

Сегодня, оглядываясь на пройденный мной и моими коллегами путь, с гордостью вспоминаю, как высоко ценились шахматы прежде, когда каждый крупный турнир становился значительным общественным событием, о котором ежедневно подробно сообщали не СМИ, а просто газеты и радио; когда турнирные залы были переполнены хорошо понимающими шахматы зрителями; когда имена гроссмейстеров произносились с уважением, а на улице

с ними почтительно здоровались незнакомые люди; когда каждый выезд сборной команды Советского Союза расценивался как крупная государственная акция, и успехами наших шахматистов гордилась вся страна; когда гроссмейстеры глубоко исследовали проблемы шахматной теории, и их именами назывались важнейшие дебютные системы; когда государство поддерживало шахматы и материально, и морально — и не только обеспечивало условиями для совершенствования таланта, но накануне отъезда в зарубежные командировки в прямом смысле одевало и обувало их; когда вопросам шахматного престижа страны уделялось огромное внимание, а выступление под флагом Родины считалось высокой честью. Да, многое можно вспомнить из того, что ушло на удивление быстро и, увы, по-видимому, уже навсегда...

Лишь один эпизод тех лет.

1970 год, Белград, «Матч века». Поистине грандиозное шахматное событие, где сборная команда нашей страны противостояла сильнейшим шахматистам мира, взбудоражило любителей шахмат во всех уголках земного шара. Газеты писали: «Такого соревнования еще не было. Встретились крупнейшие шахматные мыслители. Даже 50 лет спустя будут говорить об этом матче: никогда в истории на сцене не собиралось 20 столь сильных гроссмейстеров, среди которых чемпион мира и пять экс-чемпионов!»

Игра проходила в зале Дома профсоюзов, рассчитанном на две тысячи мест. Надо ли говорить, что он был переполнен! Но более того, на фасаде здания были выставлены десять больших демонстрационных досок, и тысячи болельщиков, заполнивших площадь Маркса—Энгельса, в дождь под зонтами часами следили за ходом борьбы, которую специально для них комментировал через мегафон международный мастер Марио Берток.

Как в это поверить теперь, когда самые крупные турниры в любой стране мира не собирают и сотни зрителей, а газеты не устаивают шахматы и строчкой?!

В чем причина? В компьютеризации шахмат? Их излишней коммерциализации? Утрате социальной значимости? А может быть, в дефиците поистине незаурядных, ярких личностей, способных привлечь к себе внимание, как это было последний раз в годы глобального соперничества Г. Каспарова с А. Карповым?

Эта тема уже для другого поколения. А я обращаюсь к воспоминаниям о героях Золотого века.

ВЕЛИКИЙ ОТШЕЛЬНИК

Шахматы для него — чудесный мир, которому он посвятил всю жизнь. Одни называли его гением и величайшим чемпионом всех времен, другие эгоцентриком, непредсказуемым одиночкой...

Мне выпала привилегия встречаться со всеми без исключения виднейшими шахматистами Золотого века, единоборствовать с десятью чемпионами мира, начиная с Макса Эйве и заканчивая Александром Халифманом, и потому имею все основания считать, что более своеобразной, загадочной, эксцентричной и в чем-то трагической фигуры, чем Фишер, новейшая история шахмат не знала. Ему в воспоминаниях — особое место.

Мое знакомство с Робертом, тогда еще Бобби Фишером, состоялось на заре блистательной карьеры американского чемпиона — во время грандиозного международного турнира в Буэнос-Айресе. Это был 1960 год. Фишеру едва исполнилось семнадцать, но он уже успел зарекомендовать себя одним из сильнейших шахматистов мира. Его ус-

пехи были головокружительны — истинно шахматный вундеркинд, Бобби уже в четырнадцать лет стал чемпионом Америки, в пятнадцать — международным гроссмейстером, в шестнадцать — претендентом на первенство мира!

В Буэнос-Айрес Бобби приехал побеждать. На первой же пресс-конференции он без обиняков и ложной скромности заявил: «На этом турнире я самый молодой, но и самый сильный! Хочу занять первое место». Вспоминаю, что гроссмейстер Сэмюэл Решевский, весьма ревниво относившийся к успехам юного соотечественника, тут же съехидничал: «Согласен на девятнадцатое, лишь бы Фишер был двадцатым»...

Бобби производил впечатление несколько замкнутого, самоуверенного юноши. Он был высок, строен, размашист и резок в движениях, внешне привлекателен.

О Фишере тогда очень много писали. Наряду с признанием его огромного таланта — тут уж ничего не поделать, шахматных достижений — и они были очевидны, целенаправленного трудолюбия — о котором уже слагались легенды, журналисты всячески иронизировали над знаменитым гроссмейстером, приписывая ему Бог знает сколько недостатков. Правда, Бобби давал для этого немало поводов: он был инфантилен, простодушен, наивен, раскован, а потому и уязвим. Фишер и впрямь куда лучше играл в шахматы, чем проводил пресс-конференции, и зачастую предстал в невыгодном ракурсе. Бобби упрекали за излишнюю меркантильность, ссылаясь на его обычные требования к организаторам не только платить за выступления, но и преподносить подарки, которые (это обговаривалось уже с детских лет) ни в коем случае не могли быть цветами или книгами. Фишера находили эксцентричным, поскольку он не скрывал, что хочет одеваться не хуже президента США, и коллекционировал костюмы; обвиня-

ли в необразованности, вспоминая, что еще в пятнадцать лет он ушел из школы, заявив на прощание: «Школу заканчивают одни олухи. Мне не нужен аттестат, чтобы играть в шахматы... К тому же учителя — просто ничтоже-ства». Фишеру любое «лыко ставилось в строку».

Конечно же, Бобби не получил изысканного воспитания, да и откуда? С раннего детства он был лишен семейного благополучия, и заботилась о нем лишь сестра Джон, сама старше Бобби всего на четыре года... Фактически он был предоставлен самому себе, и ему можно было простить многое: и несдержанность, и не Бог весть какие манеры, и нелюдимость не по годам. У Бобби был свой мир — мир шахмат, где он чувствовал себя счастливым. Что же касается образования, то Фишер действительно пренебрег им и, возможно, оплатился за это, но когда много лет спустя его интеллект подвергся научному тестированию, показатели были очень высокими: при норме в 110—120 он имел 189!

Турнир в Буэнос-Айресе оказался самым неудачным в карьере Фишера, более того — единственным подлинным провалом. Но даже там он порой вызывал восхищение коллег шахматными доблестями.

Никогда не забуду впечатления от нашей первой встречи. Это было где-то в середине состязания. Бобби накануне проиграл, очень переживал, говорили — даже плакал, но старался держаться.

Вечером на приеме в посольстве он вдруг «вспетушился». «Все! — сказал Бобби. — О неудачах забыто. Завтра начинаю выигрывать! С кем играю? С Таймановым? Хорошо...» Если учесть, что я стоял рядом, его самоуверенное уведомление прозвучало не слишком деликатно. Признаться, лучшего допинга к нашей встрече трудно было бы придумать: «Ну, Бобби, погоди!»

Эту партию я играл с особым подъемом и старанием, но, как это нередко случается, когда хочешь не просто выиграть, а наказать соперника, нервы могут сдать. Я попал в цейтнот и перед контрольным ходом упустил верную победу. Но и в отложенном положении шансы на выигрыш сохранились — Фишеру предстояла трудная защита в окончании. Коллеги предлагали пари: «Бобби не найдет спасения, это невозможно, нужна такая точность...» И действительно, когда партия возобновилась, чувствовалось, что верные решения даются Фишеру нелегко, он балансировал на краю пропасти. Но вот возникла критическая, самая важная позиция и... Бобби вдруг заиграл быстро и безошибочно, как автомат, — чуть ли не пятнадцать единственных ходов отбарабанил за минуту. Ничья стала неизбежной, и, ошеломленный таким финалом, я спросил: «Бобби! Как тебе удалось найти этот путь к спасению, да еще так быстро?» — «А мне ничего не надо было искать, — с улыбкой отвечал довольный Фишер, — лет семь назад у вас в журнале „Шахматы в СССР“ был опубликован подробный анализ этого эндшпиля — его проделал Авербах, — и все варианты я прекрасно знал».

Его мозг, словно сконструированный специально на шахматный лад, вмещал поистине энциклопедическую информацию. Как отмечал потом Ботвинник, «Фишер знал все, что написано о шахматах и проверялось за шахматной доской».

Вспоминаю и другой поразительный пример. Это было в 1971 году в канадском городе Ванкувере. На официальном закрытии многострадального матча мы с Фишером и коллегами сидели за торжественным банкетным столом и после всего пережитого мирно беседовали. Любопытно, что мы общались на сербском языке — единственном знакомом обоим. Темы были в основном связаны с матчем. Но

неожиданно мой секундант Евгений Васюков обратился к Фишеру:

— Бобби, а помнишь, как много лет назад, еще в дни нашей юности, ты несколько дней гостил в Москве и сыграл немало блиц-партий с нашими шахматистами? Среди партнеров был и я.

— Конечно, помню, — ответил Фишер.

— А результат? — полюбопытствовал Васюков.

— Почему только результат? — удивился Фишер. — Я помню сами партии. С тобой была французская защита. — И быстро воспроизвел наизусть все ходы...

Наступили годы расцвета таланта Роберта Фишера. После фиаско в Буэнос-Айресе он уже не знал неудач. Одна победа следовала за другой. В девятнадцати крупных турнирах (не считая Олимпиад и матчей) сыграл Роберт Фишер до неожиданно трагического завершения своей блистательной карьеры и в пятнадцати (!) из них занял первые места! В чемпионате США 1963 года вообще победил всех!

Шахматы поглощали Фишера целиком, он с ними не расставался ни днем, ни ночью, испытывал вечную жажду анализа партий, дебютных вариантов, зачитывался шахматной литературой.

Бобби даже специально занялся русским языком, чтобы читать наши книги и журналы в подлиннике, — говорил, что переводам не доверяет.

Мне довелось встречаться с Фишером на протяжении десятилетий на состязаниях, в быту, на официальных приемах и пикниках, на прогулках — и могу присягнуть, что никогда не видел его без шахмат.

Мигель Найдорф как-то сказал: «Хотите добиться успеха, ставьте шахматы на первое место в жизни, но этого еще недостаточно, — ставьте и на второе, и на третье. Так поступил Фишер».

И Роберт Фишер стал играть как никто в мире. Его стиль поражал отточенностью, капабланковской ясностью, широтой стратегических идей, подавляющей напористостью. Анатолий Карпов, который тщательно изучил творчество Фишера в период подготовки к матчу с ним и был самым строгим экспертом, писал потом: «Партии Фишера — партии высочайшего боевого накала — отражают его универсальный шахматный стиль. В них можно найти все — острейшие дебютные схемы, искрометные атаки, тонкое маневрирование, упорную защиту трудных позиций, умение изыскивать малейшие шансы для контрнаступления, глубокие многоходовые эндшпили». А Ефим Геллер дополнил: «Действия Фишера на шахматной доске напоминают превосходно запрограммированную машину».

Годы становления Фишера как шахматиста были, разумеется, и годами становления его личности. Увы, здесь не скажешь, что «стиль — это человек». Во всяком случае, шахматный стиль.

Насколько он был содержательнее и ярче у гроссмейстера Фишера, чем его жизненные интересы и устремления. Вот несколько фрагментов из интервью того времени:

- Что Вас интересует помимо шахмат?
- Телевидение, радио, спорт, прогулки, путешествия.
- А кто Ваши любимые писатели?
- Я не знаю.
- Вы как-то упоминали Шекспира?
- Я люблю читать газеты и журналы.
- А музыка?
- Я люблю популярную музыку, а также негритянскую.
- Ваши планы на будущее?
- Приходится решать теперь: либо жениться, либо иметь машину. Иметь жену — это даже лучше, чем машину.

— Почему?

— Конечно, если это не американка. С иностранкой было бы намного лучше. Во-первых, не нужно считаться с законами ее страны. Во-вторых, если она не понравится, можно отослать ее назад домой. Машина стоит дороже.

Конечно, можно и не принять всерьез это интервью, но югославский журналист Димитрий Белица, тогда друживший с Фишером, уверял, что это все чистая правда. Хотя как-то, критикуя коллег, Белица, быть может, невольно выдал сам себя: «Журналисты иногда слышат от Фишера то, что им хотелось услышать...» Есть и другая версия — Фишер терпеть не мог журналистов и попросту мистифицировал их...

Но, бесспорно, эволюция Фишера, увы, не улучшила его характера. Он становился все более замкнутым, капризным, раздражительным, требовательным, заносчивым. Каждое участие в турнирах обуславливал множеством претензий, порой субъективного свойства, — известен случай, когда их оказалось сорок три! Он не любил играть в больших залах, требовал освободить первые ряды от публики: «Они кашляют, и место им в больнице, а не на шахматном турнире»; придирчиво проверял освещение, иногда даже настаивал на переоборудовании сцены; выговаривал экстрагонорары и заказывал спецрейсы самолетов для себя лично. Но, главное, его стали одолевать комплексы, ранее никогда о себе не заявлявшие. В манере поведения, поступках Фишера появились признаки внутренней неуверенности, тревоги, подозрительности. И хотя он по-прежнему говорил (как, например, в Лос-Анджелесе в 1970 году): «Не хотел бы показаться нескромным, но глупо не сказать истину — сильнейшим шахматистом мира является Бобби Фишер», но при этом порой выискивал благовидные поводы, чтобы уклониться от какого-либо тур-

нира, личной встречи. Можно вспомнить его длительные перерывы в выступлениях, трудные, болезненные возвращения в шахматный мир.

В те же годы у Фишера возник и «русский комплекс». Потерпев неудачу на турнире претендентов в Кюрасао в 1962 году, он всерьез стал говорить о «кознях Москвы», «русском сговоре», «таинственных акциях» против него; и «русский комплекс» постепенно стал принимать болезненные формы. Чего стоит такое его откровение: «Признаться, не люблю самолетов. А вдруг русские испортят мотор или сотворят что-нибудь в этом роде. Они придают шахматам большое значение и готовы на все, чтобы от меня избавиться...» Гроссмейстер О'Келли сказал как-то: «Поведение Фишера напоминает поведение дикаря — все, что происходит вокруг, он воспринимает как угрозу».

Быть может, такие беспокойные состояния, время от времени по разным причинам одолевавшие Фишера, и привели его к неожиданному, никак не вяжущемуся со всей жизненной программой решению вступить в религиозную секту? Но такой оборот событий еще больше склонял Бобби на стезю отшельничества. Настроение Фишера было подавленным, и шахматная общественность Америки забила тревогу — не окажется ли Фишер новым Полом Морфи, не удалится ли от мира в зените славы? К счастью, тогда этого не произошло. Талант Фишера и его любовь к шахматам превозмогли зарождавшийся кризис. Мрак и уныние 1969 года сменились для американского гроссмейстера солнечным светом 1970-го. Стимулом стал «Матч века» — историческое состязание сборных команд СССР и «остального мира».

Фишер прибыл в Белград в мрачном состоянии духа. Он прилетел тайно, уединился от всех, несколько раз менял апартаменты в роскошном отеле, в очередной раз вы-

двинул бесчисленные претензии организаторам и держал всех в состоянии беспокойства и неуверенности. Никто не знал, как поведет он себя к открытию состязания. Сведения о нем по белградскому радио поступали краткие и порой напоминали оперативные сводки: «Фишер вышел из своего номера», «Фишер заказал себе обед в ресторане», «Фишер садится в такси»... Волнения организаторов усилились, когда внезапно Бент Ларсен заявил о своих притязаниях на первую доску в сборной мира. Это был открытый вызов Фишеру, и, казалось, конфликт неизбежен. Разве согласится амбициозный гроссмейстер поступиться своим престижем? Но случилось невероятное. Когда доктор Макс Эйве, капитан команды, зашел к Фишеру и приступил к сложной дипломатической миссии, Бобби, лежавший уткнувшись в подушку на диване, даже не поворачиваясь к уважаемому коллеге, буркнул: «Не возражаю», а потом объяснил: «Хотя я знаю, что играю лучше Ларсена, но за последние полтора года, пока я отсутствовал на шахматной арене, он выступал с большим успехом и имеет моральное право на первую доску». Правда, разгадка таилась не в деликатной объективности Фишера, а в его внутренней неуверенности, обостренной долгим отрывом от шахмат. Он попросту побаивался нашего лидера Бориса Спасского, с которым имел плохой счет, и был рад возможности уступить его Ларсену...

Вспоминаю, как перед началом игры уже не со Спасским, а на второй доске с Петросяном Фишер был совершенно растерян. Он появился на сцене с опозданием на полчаса, белый как мел, долго не решался сделать первый ход, и, лишь когда шахматный бой властно затянул его в увлекательное русло, Фишер обрел уверенность и присущую ему энергию. Это был решительный психологический перелом, и, быть может, именно та партия стала счастли-

ливой стартовой вехой на пути Фишера к вершинам шахматного Олимпа.

Кстати, тогда же в Белграде он дал любопытное интервью, исполненное искренности, наивности и вместе с тем чувства собственного достоинства. Оно, пожалуй, раскрывает Фишера больше, чем десятки журнальных статей о нем и уж во всяком случае содержит много неожиданных признаний...

Вопрос: «Чем являются для Вас шахматы, что Вас больше всего привлекает в этой игре?»

Фишер: «В шахматах меня больше всего привлекает возможность путешествовать, деньги, шахматная атмосфера. Шахматы, несомненно, искусство, но над этим я не задумывался. Я очень люблю шахматы, но меня интересует и многое другое — музыка, спорт, политика. Шахматные профессионалы могут жить. Ни в одной другой области я бы не добился того, чего достиг в шахматах. Я не окончил школу и не уверен, что это нужно было. Продолжительное время я не играл в турнирах, но шахматы мне дают средства на жизнь. За книгу „Фишер учит вас шахматам“ я получил 10 тысяч долларов, за сборник „60 партий Фишера“ — около половины этой суммы. Кроме того, у меня ежемесячный доход в размере 300 долларов в одном молодежном журнале. (И это все?! А ведь журналисты не упускали случая съязвить по поводу меркантильности Фишера!) Обо мне распространяют слухи, что сам я не могу писать, требую гонорар за интервью, ненавижу фоторепортеров, выдвигаю невыполнимые условия. Это не так. Я постоянно работаю, стараюсь быть обходительным, я не делаю все за деньги, но живу от шахмат...»

И дальше: «Я снова собираюсь возвратиться к турнирной деятельности, хотя знаю, что многие против меня. Надеюсь скоро стать чемпионом мира, так как в матче снова уверовал, что играю лучше всех».

Вскоре он это доказал. Фишер беспощадно сокрушил претендентов на шахматную корону: в четвертьфинальном матче меня (об этом речь впереди), а в полуфинальном — Б. Ларсена. В обоих случаях с сенсационным результатом 6:0! И пусть у каждого из соперников Фишера находились свои резоны в объяснении неудач, сам по себе факт такого разгрома свидетельствовал о бесспорном превосходстве победителя. Фишер резюмировал скромно: «Я просто играл более точно, чем Тайманов и Ларсен. Они делали ошибки, и я ими пользовался». Но на самом деле он играл бесподобно!

Более упорным оказался поединок Фишера с Тиграном Петросяном, во всяком случае поначалу, когда Бобби, одержавший до этого восемнадцать побед кряду, словно благодушествовал. Но и здесь невероятным финишем — четырьмя выигрышами у самого «непробиваемого» Тиграна — Фишер вырвал желанную победу.

Путь к долгожданному матчу на первенство мира с Борисом Спасским был открыт. Казалось бы, вперед без колебаний и сомнений! Такого счастливого периода еще никогда не выпадало Фишеру. Но все сложилось отнюдь не гладко. Матч чуть не сорвался. И причиной вновь, в который уже раз, стала внутренняя неуверенность Бобби, болезнь неудачи, поражения, крушения надежд.

Известно, что Наполеон, говоря об одном из полководцев, отметил, что тот не умел собираться перед сражением и проявлял качества, присущие крупному военачальнику, лишь тогда, когда начинали стрелять пушки. По общему мнению, такая слабость была свойственна и Фишеру. Тем более если ему предстояло состязаться с «трудным» противником. А Борис Спасский был единственным в мире, кому Фишер проиграл все три сыгранные партии.

И началось. Опять дополнительные требования, условия, протесты — весь набор его «буферных» средств. Матч

назначен, установлено место проведения, дата, чемпион мира Спасский со своей делегацией уже прибыл в Рейкьявик, а о претенденте никаких вестей. Смятение было всеобщим. Правда, в газетах появилось сообщение, что Фишер приехал в нью-йоркский аэропорт, где для него и сопровождающих было зарезервировано четырнадцать мест, погрузил багаж в самолет, но, узнав, что его не будет охранять полиция, неожиданно ретировался. Ждали час. Затем выгрузили багаж. Сам же Фишер бесследно исчез и к назначенному сроку в Рейкьявик не прибыл...

Таких ситуаций история шахмат не знала, и, пожалуй, никому бы это безнаказанно не прошло. Только Фишеру прощали всё и все. Так и на этот раз его простил президент страны, простили министры, послы, президент ФИДЕ, чемпион мира — их Фишер не удостоил своим обществом на торжественной церемонии открытия матча. Ради Фишера была перенесена официальная жеребьевка, отложено более чем на неделю (!) начало матча. И хотя потом Фишер нашел мужество признать свою бестактность, официально обратившись: «Дорогой Борис, прошу Вас, примите мои искренние извинения по поводу моего неделikatного поведения, выразившегося в отсутствии на открытии матча. Я обидел Вас и Вашу страну, где шахматы высоко ценят», матч с первых же дней был обречен на нервный фон. Уже начавшись, поединок вновь прервался — на вторую партию Фишер просто не пришел, что стоило ему целого очка, а организаторам — новых волнений и забот. Третью партию американский чемпион потребовал играть уже не в главном зале, а в закрытом помещении, выдвигал другие претензии, ультимативно грозил уехать. И... добивался всего, чего хотел!

Но если можно объяснить, почему потакали Фишеру руководители ФИДЕ и организаторы — он был не только

выдающийся шахматист, но и единственный на Западе оппонент «шахматной гегемонии русских», — то смирение Б. Спасского вызывало удивление. Он сам потом признавал, что, уступив психологическую инициативу сопернику, по существу, predetermined и свою капитуляцию. Спасский, видимо, забыл или недооценил высказанный как-то Фишером постулат коварной стратегии: «Я вижу свою главную задачу в том, чтобы подавить „эго“ соперника». И это определило в конечном счете исход драматической борьбы. Матч закончился досрочно. Необходимые 12, 5 очков Фишер завоевал уже после 21-й партии.

1 сентября 1972 года стало днем рождения одиннадцатого чемпиона мира! Для Роберта Фишера наступил звездный час. Америка ликовала: впервые в истории шахматный трон принадлежал американцу. Его популярность стала столь огромна, что говорили, выстави Фишер свою кандидатуру на пост президента США, он имел бы все шансы на успех. В Рейкьявик началось паломничество его поклонников, посыпались приглашения на выступления, турне, киносъемки. Но, как это ни удивительно, Фишера это нисколько не волновало. Шахматы и только шахматы определяли все его интересы. Очевидцы рассказывали, что даже в самый торжественный момент карьеры, когда Макс Эйве короновал Фишера лавровым венком и двухтысячный зал бурно рукоплескал чемпиону мира, он улыбался, но, казалось, с нетерпением ждал момента, когда эти процедуры закончатся, чтобы вернуться к столу и... продолжить анализ последней партии, которая была уже историей для всех, но только не для него.

В те дни Фишер получил поздравления от Ричарда Никсона с приглашением на чествование в Белый Дом. Мэр Нью-Йорка мистер Линдсей объявил пятницу 22 сентября «Днем Фишера» и готовился провести манифестацию во

славу чемпиона. Но Фишер, ознакомившись с лестными предложениями и программами этих встреч, отказал и Никсону и Линдсею: «Там предусмотрено слишком много речей, и я не успею достаточно позаниматься шахматами». Кто еще, кроме Фишера, мог так поступить или даже подумать?!

В шахматном мире наступила «эра Фишера». Старшее поколение было уже не в силах соперничать с ним, из молодых никто еще серьезно не заявлял о своих претензиях. Да и сам Фишер был убежден в незыблемости трона. Когда Макс Эйве выразил предположение, что Фишер сохранит титул чемпиона мира три цикла — лет девять, самоуверенный Бобби даже обиделся: «Неужели Эйве думает, что я так скоро умру?»

У Фишера были самые широкие планы. Он заявил, что хочет и готов играть матчи не раз в три года, а каждый год и с любым шахматистом, кто, разумеется, обеспечит достойные финансовые условия. Он пообещал Б. Спасскому матч-реванш. «С Вами было очень интересно играть, — сказал Фишер, — спасибо за великую битву». Он многое хотел изменить в шахматном мире. Но судьбе было угодно распорядиться по-своему... 21-я партия матча со Спасским, игранная Фишером 31 августа 1972 года, оказалась последней официальной партией в его карьере...

Поначалу ничто не предвещало драмы, хотя и удивляло полное равнодушие Фишера к своему новому гордому статусу. В его жизни словно бы ничего не изменилось. Бобби уединился в тихой Пасадене? Это часто случалось и раньше. Он углубился в религию? Тоже не вновь. Затеял судебную тяжбу с обидчиками-финансистами? Закономерно. При всех обстоятельствах он все равно жил только шахматами.

Даже когда чемпион стал уклоняться от выступлений и на турниры в Сан-Антонио, а затем и в Манилу прибывал

лишь как высокопоставленная государственная персона в качестве гостя, и это еще не вызывало беспокойств шахматного мира — длительные перерывы в игре сопутствовали всей карьере Фишера. Первым озадачивающим симптомом стал отказ от участия в Олимпиаде. Американцы жаждали увидеть своего кумира во главе национальной команды. Зная его капризы, сулили любые блага. Но наткнулись на упрямое противодействие. Фишер играть не хотел. Это насторожило. Но шахматный мир взбудоражился не на шутку, когда незадолго до очередного официального матча на первенство мира, где Фишеру надлежало отстаивать свой почетный титул, американский гроссмейстер неожиданно выступил с требованием... коренного пересмотра правил соревнований, апробированных и выдержавших испытания десятилетиями. Причем среди почти шестидесяти пунктов фишеровского ультиматума главным было нереалистичное требование, чтобы новый матч игрался бы без ограничения числа партий до десяти побед, а при счете 9:9 прерывался с сохранением за чемпионом мира его титула и всех привилегий. Стало быть, чтобы свергнуть чемпиона, следовало не только сыграть астрономическое число партий, но и одержать над ним минимум на две победы больше... Это уж чересчур. Все, кто знал Фишера, поняли, что он просто загодя ищет удобный способ, не роняя достоинства, уклониться от прямых чемпионских обязанностей, так или иначе избежать матча.

Известно, что длительное затворничество всегда будило в Фишере комплекс неуверенности, беспокойство, но на этот раз сомнения приняли особенно болезненные формы. Бывшие тренеры чемпиона мира Роберт Бирн и Ларри Эванс откровенно признали: «С тех пор как Бобби приблизился к шахматному Олимпу, в его душу вселился ранее не

свойственный ему страх перед поражением, и если в Рейкьявике он сумел преодолеть этот страх после того, как почувствовал, что вывел Спасского из душевного равновесия, то теперь перед ним возникли значительно более сложные в психологическом отношении задачи». Их природа заключалась в том, что право на матч с Фишером к тому времени завоевал юный Анатолий Карпов — совершенно не знакомый ему как человек и еще не понятный как шахматист, и Бобби это очень нервировало...

Новый конфликт Фишера с ФИДЕ принял острые формы. Здравый смысл протестовал против требований чемпиона, а чемпион упрямо стоял на своем. Поняв безуспешность попыток и руководствуясь правилами борьбы за первенство мира, 3 апреля 1975 года Макс Эйве объявил, что новым, двенадцатым чемпионом мира стал советский гроссмейстер Анатолий Карпов.

Так необычно, бесславно и трагично завершилась «эра Фишера». Всерьез играть он уже попросту не мог... Его имя стало погружаться в Лету...

...Но свершилось чудо, в которое не верил никто. Презрев логику предшествующей жизни, разрушив легенду, не объясняя ни причин, ни целей, Роберт Фишер воскрес из забвения и громогласно заявил о своих шахматных амбициях. Его решение после двадцатилетнего перерыва сыграть матч-реванш с повергнутым Борисом Спасским всколыхнуло весь шахматный мир.

Увы, на смену эйфории пришел черед горестных разочарований.

Фишер предстал не тем, каким помнился, каким восторгались, какому готовы были поклоняться.

Долгие годы отшельничества наложили отпечаток и на облик, и, главное, на творческий потенциал великого шахматиста. Вместо непобедимого шахматного гения, в рас-

цвете сил добровольно ушедшего с шахматного Олимпа, мир увидел постаревшего, отставшего в шахматных взглядах, заметно ослабевшего гроссмейстера, которого за двадцать лет бездействия обошла целая когорта молодых талантов. От прежнего Фишера остались лишь тень да необоснованные теперь амбиции.

И хотя Фишеру удалось выиграть матч у своего закадычного друга и исторического соперника, желанных лавров эта победа ему не принесла, а дальнейшие драматические события — резкая реакция американского Госдепартамента, обвинившего Фишера в нарушении эмбарго на контакты с Югославией, где проходил матч, — увы, лишили Фишера родной обители. Видимо, решение вернуться к шахматам Фишеру пришло в недобрый час...

Наступил еще один период отшельничества. На этот раз будапештский. Как и прежде в Пасадене, так и здесь Фишер жил уединенно, чурался общества, встреч, лишь изредка навещая обаятельного шахматного корифея — гроссмейстера Андрэ Лилиенталя, к которому даже он, будучи антисемитом, не мог не испытывать дружеских чувств.

Ходили слухи, будто Фишера увлекают размышления о возможных преобразованиях в традиционных формах шахматных состязаний, будто он придумал новый вид шахматных часов, где добавление на каждый сделанный ход условленного количества секунд предотвращает бессмысленные, с точки зрения логики, цейтнотные результаты, будто его одолела реформаторская идея варьировать по воле специальной компьютерной программы начальную расстановку фигур на шахматной доске, что исключает возможность дебютной подготовки, столь иссушающей творческую мысль. Но, самое интересное, эти словно бы парадоксально эксцентричные идеи нашли отзвуки в мировом шахматном сообществе.

ФИДЕ взяло на вооружение «фишеровские» часы, и большинство крупнейших турниров проходят теперь с их использованием. А фишеровские шахматы мало-помалу заинтересовывают даже гроссмейстеров мирового класса. Может быть, за ними будущее, и великий практик Фишер займет место в истории и как глубокий реформатор?

А потом появились слухи и вовсе сенсационные. Якобы Фишер, презрев репутацию схимника, стал уделять внимание не только шахматам, но и шахматисткам — у него появилась венгерская подруга...

В 90-е годы Фишер вновь неожиданно вошел в мою жизнь. Правда, не как соперник и партнер по шахматным баталиям, а как главный герой задуманной о нем книги. Случилось так, что наш драматической поединок не оставил следа в шахматной литературе. Сначала его заслонили события, приведшие к смене чемпионов, затем уход Фишера из шахматной жизни, а потом бесчисленные соревнования быстротекущего времени. Для нового поколения, вышедшего на широкую шахматную арену, наш матч с Фишером, да и сама фигура великого гроссмейстера оказались размытыми неудержимым потоком актуальной информации, заполнившей периодические издания.

Драматическая «эра Фишера» могла забыться, и я, как один из активных персонажей тех захватывающих событий, решил по мере возможностей приостановить хоть на время этот процесс забвения — вернуть интерес к ярчайшей фигуре в истории шахмат, поделиться воспоминаниями о гении. Так родилась исповедальная книга «Я был жертвой Фишера», которая вызвала широкие отклики читателей. Разумеется, первый экземпляр был направлен в Будапешт герою повествования. И реакция последовала незамедлительная — Фишер передал свою благодарность, сказал, что книга ему понравилась, и просил прислать еще несколько экземпляров.

Но случай едва не свел нас вновь.

В 1996 году на 85-летний юбилей Андрэ Лилиенталя в Будапешт съехались гости со второй Родины замечательного гроссмейстера — из России. Были и мы с женой. В дни торжеств на фоне официальной программы намечался и камерный прием в гостеприимном доме виновника празднеств. Признаюсь, с интересом ожидал я новой встречи с Бобби. Он обещал быть, но точность не входила в число его достоинств. Состав приглашенных показался ему не мил, и, даже не смущаясь огорчением юбиляра, Роберт Фишер в визите отказал.

И все же, хоть и не в задуманной форме, а, скорее, парадоксальной, встреча с Фишером тогда состоялась. Правда, не у меня, а... у моей жены.

Накануне нашего отъезда из Будапешта в отеле при Русском центре, в шутку названном «Нехилтон», где жили гости Лилиенталя, вечером раздался телефонный звонок: «Говорит Роберт Фишер. Попросите, пожалуйста к телефону Полину». Полина — привлекательная девушка, наша землячка, еще раньше была знакома с Фишером и вызывала его несомненный интерес. Она взяла трубку, но, не понимая по-английски, поспешила привлечь на помощь мою жену: «Надя! Отвечай от моего имени». Бобби подмену заметил и насторожился: «Кто со мной говорит?» — «Это подруга Полины. Что передать?» — «Я бы хотел завтра днем с ней встретиться. Не сможете помочь нам в беседе?» — «Охотно», — обрадовалась неожиданному предложению Надя и, рассказав мне об этом, призналась: «Если бы я даже ни одного слова не знала по-английски, все равно бы согласилась...»

На следующий день в назначенный час на бульваре возле Русского центра Надя ждала Фишера. Полина опаздывала и попросила занять Роберта до ее прихода.

Наконец появился огромного роста бородатый немолодой человек, одетый, несмотря на летнюю жару, в толстую фланелевую рубашу, кожаный жилет, потертые джинсы, кепку и сандалии. В руках — две огромные сумки. Неужели это Фишер?!

— Ты — Надя? — обратился Бобби по-английски: — А где Полина? Скоро придет?

Неподалеку в тени увидели скамейку, нужно было лишь пересечь бульвар.

— Но здесь нет перехода, — возразил он.

— Улица пуста, движения нет, — пыталась договориться Надя.

— Так нельзя, — отрезал Бобби, и они пошли далеко к светофору. — Ты играешь в шахматы? — спросил он и достал из сумки доску с фигурами.

Ответ разочаровал великого шахматиста, но темы для беседы еще себя не исчерпали. Вытащив из другой сумки переносной телевизор, Фишер предложил:

— Хочешь что-нибудь посмотреть? Это — новая модель, можно даже Россию ловить.

Это заняло несколько минут. Мимо пробежала собака.

— Не знаешь, какой породы пес?

— Дог, — уверенно ответила Надя.

— Но я спрашиваю о породе...

— Дог, — повторила Надя, уже понимая, что по-английски дог — это собака, а по-русски порода, и от такого совпадения никуда не деться. Но тут выручило появление Полины, и разговор принял более светский характер.

В дальнейшем, когда Фишер звонил в Петербург, он заранее предупреждал Полину по-русски: «Завтра Нада», что означало, завтра нужно пригласить Надю на помощь.

Через несколько дней, когда мы вернулись домой в Питер, раздался звонок из Будапешта: «Говорит Бобби.

Марк! Я очень жалею, что не удалось встретиться в Будапеште. Может быть, в другой раз... — и добавил: — А я только теперь узнал, что Надя — твоя жена. Поздравляю!»

С тех пор мне о Бобби ничего не известно. Слышал лишь, что он перебрался в Японию.

P. S. Книга была готова, когда появилось новое сенсационное сообщение о Роберте Фишере. 21 января 2002 года он дал интервью на радиостанции Рейкьявика.

Говорил Фишер о политике, о нарушении его гражданских прав в Америке, но в основном, конечно, о шахматах. На вопрос репортера о возможности сыграть матч с чемпионом Исландии Фишер немедленно ответил согласием, оговорив, впрочем, что это должны быть фишеровские шахматы, так как в классические он больше не играет. «А за 10 миллионов долларов?» — «В классические — ни за какие деньги!»

А на вопрос, что он находит хорошего в Японии, ответ был краток: «Мне там лучше, чем в американской тюрьме».

МНОГОСТРАДАЛЬНОЕ ЕДИНОБОРСТВО

Сыграв за полувековую шахматную карьеру тысячи партий в сотнях состязаний, изведав радостные творческие взлеты и неизбежные разочарования, словом, пройдя огонь, воду и медные трубы, как самое главное событие всей шахматной жизни без колебаний могу назвать четвертьфинальный матч на первенство мира с Робертом Фишером. И не только потому, что мне одному из последних выпала честь сразиться с поистине легендарным и самым загадочным шахматистом современности и сыграть с ним шесть увлекательных партий, насыщенных подлинно твор-

ческим содержанием, но и потому, что не объяснимые логикой итоги этого поединка вызвали цепь непредсказуемых событий, определивших драматические изменения в моей шахматной и даже личной жизни.

К матчу с Фишером я пришел на склоне карьеры, когда мне перевалило за сорок, и богатый опыт позволял оценить значение этого события и его неповторимость. Я узнал имя соперника сразу по окончании грандиозного межзонального турнира 1970 года на острове Пальма-де-Майорка, где Роберт Фишер достиг одной из самых впечатляющих побед в своей блистательной карьере, а мне досталось почетное призовое место, предоставлявшее право на дальнейшую борьбу за первенство мира. Друзья не могли скрыть сочувствия — более опасного соперника тогда и быть не могло. Я же, по правде сказать, никакого огорчения по этому поводу не испытывал.

Прежде всего потому, что по натуре оптимист и верю в счастливую звезду, а тогда для этого были объективные основания: в мои сорок четыре года внезапно пришло «второе дыхание», и успехи следовали один за другим. Во-вторых, я резонно полагал, что, если замахнуться на высший титул, матча с Фишером все равно не миновать, и чем раньше он состоится, тем лучше. А кроме того, эмоции брали верх над расчетом, и как шахматист я искренне радовался счастливой и почетной возможности сыграть матч с сильнейшим гроссмейстером планеты. Что и говорить, мой оптимизм разделяли немногие, даже из близких, а уж мировая печать почти единодушно предрекала победу великому американцу. Впрочем, не безоговорочно. Сошлюсь на интересный и глубокий анализ шансов соперников, сделанный «шахматным кудесником» Михаилом Талем: «Хотя до начала матча Фишер—Тайманов большинство специалистов отдавали предпочтение американскому гроссмейсте-

ру, нашлись знатоки, сулившие определенные шансы и Тайманову. В частности, Ботвинник высказал мнение, что о гарантированной победе Фишера не может быть и речи. Должен сознаться, эту точку зрения разделял и я. Почему? Прежде всего я допускал, что, как показывала практика, в острой игре у Тайманова есть шансы противостоять Фишеру. А кроме того, независимо от взлетов и падений, Тайманов всегда творил и бился до конца, между тем Фишер, избалованный триумфами, может и не обладать достаточным иммунитетом к неудачам...»

Словом, взвешивая свои шансы и опираясь на оценки со стороны, я имел основания для сдержанного оптимизма.

До начала матча оставалось полгода, и я безотлагательно приступил к подготовке. Сыграв несколько тренировочных партий с Талем, обратился за советами к Ботвиннику и получил благожелательные, исчерпывающие, безукоризненно четкие и глубокие рекомендации, о которых рассказывал в главе «Патриарх».

В начале мая 1971 года наша маленькая сплоченная команда — Евгений Васюков, Юрий Балашов, руководитель делегации Александр Котов и я — вылетела в далекую Канаду, где в Ванкувере был назначен долгожданный поединок.

Мой могучий соперник был уже там. С секундантом он повздорил, и рядом с ним остался лишь верный друг и мудрый патрон полковник Эд. Эдмундсон, руководивший каждым шагом подопечного и не вмешивавшийся лишь в творческий процесс.

Мы встретились с Бобби как старые знакомые — с добрыми дружескими приветствиями, но сразу же оказались втянутыми в организационные неурядицы. Выяснилось, что гостеприимные хозяева, от души стремившиеся создать

наилучшие условия для игры, в силу своей неопытности не совсем четко представляли, как это сделать. То есть все, что касалось отеля, приема, было превосходно, но такая «мелочь», как помещение для игры, никак не соответствовала ни своему назначению, ни принятым стандартам. Прослышав, что Фишер не любит играть при зрителях, они присмотрели для матча на первенство мира... небольшую комнатку в библиотечном отсеке студенческого городка, где и дышать-то было нечем... Хотя я обычно готов к компромиссам, здесь пришлось решительно протестовать. К счастью, обошлось без конфликта — стороны проявили взаимопонимание, и в конце концов Фишер согласился даже на присутствие публики, правда, в ограниченном составе. Там же, у студентов, был найден небольшой уютный зал на двести мест, и, с непредвиденной задержкой на четыре дня, матч начался.

По нынешним меркам условия его были более чем скромны. Канада не имеет больших шахматных традиций, поклонников этого искусства совсем немного (во всяком случае, так было тридцать лет назад), да и пресса обычно не слишком внимательна к шахматам. Что же касается призового фонда, то по современным критериям в это и вовсе трудно поверить — он составлял... три тысячи долларов. Две победителю и одну проигравшему. Теперь за такую сумму чемпионы и скромный сеанс одновременной игры не проведут...

Спасибо Роберту Фишеру за то, что, подобно влиятельному и настойчивому профсоюзному боссу, он встал на защиту справедливых интересов своих коллег — миллионные призы и многотысячные гонорары, которые определяют современную шахматную жизнь, в первую очередь — его заслуга!

Но так или иначе, благодаря энергии заботливых организаторов — вице-президента ФИДЕ мистера Джона Прен-

гиса, приехавшего ему на помощь президента ФИДЕ Макса Эйве и главного судьи югослава Божидара Кажича — все трудности были преодолены и четвертьфинальный матч на первенство мира начался в атмосфере благожелательной и дружеской.

Не стану описывать перипетии сражения. Скажу лишь, что если спортивный результат до сих пор вызывает у меня дрожь, то за творческую сторону поединка никогда краснеть не приходилось. Я не выдержал психологического напряжения борьбы. Впервые в жизни столкнулся с соперником практически неуязвимым, который если порой и мог ошибиться, то никогда настолько, чтобы это привело партию к катастрофе.

Вспоминаю, что в третьем поединке, где удалось добиться явного преимущества, я мучительно — в течение семи-десяти двух минут (рекорд для меня!) — искал выигрывающее продолжение, но так и не нашел. Это было поразительно! Все мое понимание шахмат, весь опыт, чутье убеждали в наличии решающего хода, но в расчетах я каждый раз натыкался на глубоко завуалированный защитный ресурс, спасавший, казалось бы, безнадежную ситуацию. Безуспешно перебрав несколько заманчивых вариантов, я, помню, впал в отчаяние и попросту психологически сломался: «Что он, заколдованный какой-то?!» Истину удалось установить спустя... двадцать лет. Только после многолетних тщательных анализов правильное решение нашлось! Логика шахмат восторжествовала, но, увы, слишком поздно... За доской же при ограниченном времени на обдумывание это было практически нереально.

В том матче я впервые на собственном опыте испытал особое фишеровское свойство, о котором раньше слышал от коллег. Как только Бобби ощущал проявление хотя бы малейшего спада энергии у соперника, его утомленность

или внутреннюю деморализованность, подмечал неуверенность в игре партнера он мгновенно концентрировал все свои силы и начинал вести борьбу с утроенной волей к победе, извлекая максимум возможного из сложившейся на доске ситуации. Забавно, что эта невероятная фишеровская властность, илучаемое им «силовое поле» порой находили сверхъестественные объяснения. Легковесные журналисты пытались приписать Фишеру некие особые свойства, мистически: способы воздействия на психику соперника. Один немецкий корреспондент всерьез писал с матча на первенствомира: «Таинственные эманации, исходящие от Фишера, гостепенно обволакивают партнера, парализуют его мысли и волю. Он не может избавиться от такого чувства, словно какой-то невидимый вампир стаканами пьет его кровь». Ничего себе! И Бобби приходилось защищаться от таких нелепых нападков: «При чем здесь психологическое убийство? Просто надо находить сильнейший ход в любой позиции. Я действительно испытываю удовлетворение, когда над соперником удается одержать моральную победу, но достигаю этого не с помощью каких-то заклинаний, а гораздо проще: прихожу, сажусь за доску и... выигрываю!»

0:6... Даже сейчас спустя тридцать с лишним лет, физически ощущаю чувство горечи, несправедливость и жестокость судьбы, которые выпало тогда испытать. Матч, исполненный огромного внутреннего драматизма и масштабного творческого содержания, завершился, оставив много загадок. Я нигде не щадил себя и искренне делился переживаниями с шахматным миром. Но хочу сослаться и на оценки более объективные.

Прежде всего слово Роберту Фишеру: «Результат 6:0 слишком завышен. Борьба была значительно тяжелее, чем показывает итоговый счет. Тайманов имел выигранную

позицию в третьей партии, где его дебютная новинка оказалась очень удачной, и преимущество в первой и пятой. Легче быть джентльменом, когда победишь, чем если проиграешь...»

Борис Спасский: «Шансы Тайманова в матче заключались в хорошей дебютной подготовке, импонирует и его боевой дух. Но с Фишером играть очень тяжело, он ставит перед партнером сложные задачи. Нужно учесть и разницу в возрасте. Фишеру 28, Тайманову 45. Результат 6:0 страшен. Но борьба была на редкость содержательной».

Михаил Таль: «Матч закончился с „теннисным“ счетом 6:0. Что можно добавить к этому? Сказать, что Фишер вновь показал свою огромную силу — значит повторяться. Можно лишь отметить его практически безошибочную технику, быструю реакцию, четкую фиксацию погрешностей противника. И потрясающую дебютную эрудицию при игре белыми. Фишер избирает, казалось бы, не самые активные продолжения. Но каждый раз получает свои любимые позиции, которые разыгрывает практически виртуозно. Тайманова же просто подвели нервы и его пресловутый оптимизм, то есть то, что обычно было его союзниками. Многие осуждали предметные выступления ленинградца, в которых он воздавал хвалу судьбе, сведшей его с Фишером. Но оптимизм всегда служил Тайманову верой и правдой. И ленинградец не мог предположить, что он обернется бумерангом»...

Увы, вопреки законам физики, бумеранг, словно набрав силу, ударил меня с безжалостной жестокостью. Достаточно сказать, что если накануне матча я пользовался официальной и общественной репутацией «образцово-показательного» гражданина — известного шахматиста, пианиста и журналиста (что, конечно, всегда подчеркивалось прессой — ведь у нас как бы не было профессионалов-спорт-

сменов!), то после катастрофического поражения от Фишера я внезапно попал под огонь безжалостно уничтожающей критики властей всех уровней — от Центрального Комитета Коммунистической партии до партячейки. И здесь в ход пошло все: я был лишен почетного звания «Заслуженный мастер спорта», выведен из состава сборной СССР (что влекло глобальные финансовые потери), мне почти на два года был закрыт выезд за рубеж для участия в международных турнирах, я не смел печататься и даже концертировать. Словом, вершилась суровая «гражданская казнь»...

Причина же была в том, что кому-то из важных кремлевских персон взбрело в голову, что просто так советский гроссмейстер не мог проиграть американцу — идеология этого не допускала. И, стало быть, мой плачевный результат имел иную основу — преднамеренная акция в интересах «американского империализма».

Разумеется, для широкомасштабных санкций истинную причину нужно было закамouflировать — неловко ведь перед всем миром наказывать известного гроссмейстера только за то, что он проиграл, пусть даже американцу. А потому — какой «криминал» наспех придумать?! Формальным поводом для публичного осуждения послужило «таможенное нарушение».

О книге Солженицына, радостно обнаруженной в моем портфеле, читатель уже знает по ставшей хрестоматийной иронии Ростроповича. Вспоминаю трагикомичную ситуацию: начальник таможни, пожилой человек, знавший меня, сочувственно сказал: «Что же Вы, Марк Евгеньевич, так неосторожны. Сыграли бы с Фишером получше, я сам хоть полное собрание сочинений Солженицына донес бы Вам до такси...»

Но нашелся еще один повод для государственного возмущения.

По просьбе президента Международной шахматной федерации доктора Макса Эйве и, кстати, с разрешения руководителя нашей делегации А. Котова я вез письмо, которое должен был передать его старому другу гроссмейстеру Сало Флору вместе с гонораром в 1100 гульденов. Письмо было самое невинное: «Дорогой Сало, посылаю Вам деньги за статьи, опубликованные в голландском журнале...», и далее еще несколько дружеских слов, из которых следовало, что ни к письму, ни к деньгам я никакого отношения, кроме как почтальон, не имею. Но когда есть «высшая» задача, почему бы и его не использовать для скандала?!

Суд был скорый. Меня вызвали на заседание коллегии руководства спортивного министерства, где все уже сидели с копиями изъятого письма. И с такими лицами, будто там было написано, что я ограбил канадский банк, а миллионы привез в Советский Союз. Сергей Павлов — министр спорта — в ярости обвинял меня в контрабанде и в чтении книги, которую, по его словам, «и в руки взять противно». О «приговоре» и его последствиях я уже упоминал — меня лишили всего, чего могли. Павлов замахнулся было и на звание международного гроссмейстера, но вовремя осекся — «это мы не вправе, не мы давали».

Но и этого оказалось мало. Тогда же разъяренный министр, дабы окончательно добить провинившегося гроссмейстера, в качестве главного козыря бросил на стол для всеобщего обозрения бумагу, при взгляде на которую мне действительно стало дурно. Это было письмо земляков-ленинградцев, где они клеймили меня и за хвастовство, и за легкомысленное отношение к государственным интересам, и за многое-многое другое. А подписан этот обличительный документ был прославленными артистами Большого драматического театра имени Горького Ефимом

Копеляном, Сергеем Юрским и Владиславом Стржельчиком... Удар попал в цель. Это были мои близкие друзья.

Я позвонил в Ленинград и через несколько часов прилетел домой. Меня уже ждали все три «подписанта». Их возмущению фальшивкой не было предела, и Фима Копелян тут же выехал к Павлову в Москву. Провокация лопнула, но «делу» был дан ход. Санкции сыпались одна за другой даже без учета их законности. Чего стоит, к примеру, решение городских властей отобрать у меня ордер на небольшую однокомнатную квартиру, выданный в «порядке улучшения жилищных условий» как раз накануне матча. Не говоря уже о фактическом моратории на лекции, концерты, публикации в прессе.

Не знаю, как бы все сложилось дальше, не приди поддержка с совсем неожиданной стороны. Спасибо коллеге Бенту Ларсену, вслед за мной проигравшему Фишеру также 0:6. Это несколько отрезвило горячие головы в «высстоящих» инстанциях. Уж датского гроссмейстера даже они не могли заподозрить в тайном сговоре с капиталистами. Острота обвинений заметно спала, но еще долго — годы — пришлось ждать полной реабилитации. Да и ей предшествовала нервотрепка.

Подходило время моего участия в очередном межзональном турнире, проводимом Международной шахматной федерацией, от которого отлучить одного из видных гроссмейстеров ФИДЕ можно было лишь с нежелательным для властей скандалом. Это давало мне шанс и послужило мотивом для просьбы направить на какой-либо крупный турнир для необходимой практической тренировки. Ответ Спорткомитета, к удивлению, оказался положительным, и мне предложили сыграть во Врнячке Бане в Югославии. Но, оказалось, радоваться было рано. По приезде в Москву сообщили, что зарубежный паспорт еще не готов и яс-

ности пока нет. «Но турнир начинается завтра», — теряя вспыхнувшие было надежды, попытался я сопротивляться надвигавшейся беде. «Добавить ничего не можем», — холодно отпарировало начальство. Опыт подсказывал, что это уже конец. Оставалось надеяться лишь на влиятельных друзей, и я обратился к видному журналисту Анатолию Голубеву, в свое время сотрудничавшему с Павловым в ЦК комсомола. Не знаю, что произошло, но, когда я, уже отчаявшись, к концу дня вновь пришел в Спорткомитет, ситуацию как подменили. Меня уже разыскивали, сразу же усадили в машину и отвезли на Старую площадь, где я был удостоен аудиенции одного из секретарей ЦК партии. Разговор был недолгим, но врезался в память навсегда: «Марк Евгеньевич! Мы знаем о Ваших таможенных проступках и, естественно, на них отреагировали, но вся Ваша предыдущая деятельность характеризовала Вас с хорошей стороны. Скажу откровенно. Мы вновь вернулись к инциденту. Вопрос стоял так: либо вбить гвоздь еще глубже (как я понял, в крышку гроба), либо выдернуть его окончательно. Посоветовавшись, мы решили, что Вы сделаете правильные выводы из случившегося, а потому закроем эту проблему и не будем о ней больше вспоминать. Желаем успехов!»

Стоит ли говорить, что когда меня отвезли обратно в Спорткомитет, то и паспорт, и билет «на блюдечке с голубой каемочкой» уже ждали счастливого реабилитанта, и назавтра я сделал первые ходы на международном турнире. Гвоздь был выдернут...

Все было забыто. Жизнь шла своим чередом, когда много-много лет спустя известный комментатор ленинградского телевидения Кирилл Набутов, обращаясь ко мне с вопросом о Фишере, вдруг осекся: «Марк Евгеньевич! Кстати, а как обстоят дела с Вашим званием „Заслуженный мастер спорта“? Его восстановили?»

Копеляном, Сергеем Юрским и Владиславом Стржельчиком... Удар попал в цель. Это были мои близкие друзья.

Я позвонил в Ленинград и через несколько часов прилетел домой. Меня уже ждали все три «подписанта». Их возмущению фальшивкой не было предела, и Фима Копелян тут же выехал к Павлову в Москву. Провокация лопнула, но «делу» был дан ход. Санкции сыпались одна за другой даже без учета их законности. Чего стоит, к примеру, решение городских властей отобрать у меня ордер на небольшую однокомнатную квартиру, выданный в «порядке улучшения жилищных условий» как раз накануне матча. Не говоря уже о фактическом моратории на лекции, концерты, публикации в прессе.

Не знаю, как бы все сложилось дальше, не приди поддержка с совсем неожиданной стороны. Спасибо коллеге Бенту Ларсену, вслед за мной проигравшему Фишеру также 0:6. Это несколько отрезвило горячие головы в «высших» инстанциях. Уж датского гроссмейстера даже они не могли заподозрить в тайном сговоре с капиталистами. Острота обвинений заметно спала, но еще долго — годы — пришлось ждать полной реабилитации. Да и ей предшествовала нервотрепка.

Подходило время моего участия в очередном межзональном турнире, проводимом Международной шахматной федерацией, от которого отлучить одного из видных гроссмейстеров ФИДЕ можно было лишь с нежелательным для властей скандалом. Это давало мне шанс и послужило мотивом для просьбы направить на какой-либо крупный турнир для необходимой практической тренировки. Ответ Спорткомитета, к удивлению, оказался положительным, и мне предложили сыграть во Врнячке Бане в Югославии. Но, оказалось, радоваться было рано. По приезде в Москву сообщили, что зарубежный паспорт еще не готов и яс-

ности пока нет. «Но турнир начинается завтра», — теряя вспыхнувшие было надежды, попытался я сопротивляться надвигавшейся беде. «Добавить ничего не можем», — холодно отпарировало начальство. Опыт подсказывал, что это уже конец. Оставалось надеяться лишь на влиятельных друзей, и я обратился к видному журналисту Анатолию Голубеву, в свое время сотрудничавшему с Павловым в ЦК комсомола. Не знаю, что произошло, но, когда я, уже отчаявшись, к концу дня вновь пришел в Спорткомитет, ситуацию как подменили. Меня уже разыскивали, сразу же усадили в машину и отвезли на Старую площадь, где я был удостоен аудиенции одного из секретарей ЦК партии. Разговор был недолгим, но врезался в память навсегда: «Марк Евгеньевич! Мы знаем о Ваших таможенных проступках и, естественно, на них отреагировали, но вся Ваша предыдущая деятельность характеризовала Вас с хорошей стороны. Скажу откровенно. Мы вновь вернулись к инциденту. Вопрос стоял так: либо вбить гвоздь еще глубже (как я понял, в крышку гроба), либо выдернуть его окончательно. Посоветовавшись, мы решили, что Вы сделаете правильные выводы из случившегося, а потому закроем эту проблему и не будем о ней больше вспоминать. Желаем успехов!»

Стоит ли говорить, что когда меня отвезли обратно в Спорткомитет, то и паспорт, и билет «на блюдечке с голубой каемочкой» уже ждали счастливого реабилитанта, и на завтра я сделал первые ходы на международном турнире. Гвоздь был выдернут...

Все было забыто. Жизнь шла своим чередом, когда много-много лет спустя известный комментатор ленинградского телевидения Кирилл Набутов, обращаясь ко мне с вопросом о Фишере, вдруг осекся: «Марк Евгеньевич! Кстати, а как обстоят дела с Вашим званием „Заслуженный мастер спорта“? Его восстановили?»

Признаться, я оказался застигнутым врасплох: позабыл об одной из своих регалий. Но журналистский азарт уже подсказал Набутову действенное решение. В конце нашего телеинтервью в прямом эфире он неожиданно обратился к спортивному руководству. Напомнив, что Солженицын не только удостоился Нобелевской премии, но и восторженно принят на Родине, задал вопрос: «Не настала ли пора восстановить справедливость и вернуть звание Тайманову?!»

На удивление, этот призыв не остался гласом вопиющего в пустыне.

Спустя почти двадцать лет мне вторично присвоили почетное звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

...Известно, что рукописи не горят. Оказалось, не горят и секретные архивы ЦК КПСС. В дни работы над этой книгой американский журналист, изучавший историю нашумевших спортивных соревнований и имевший доступ к секретным архивам, неожиданно прислал мне копии документов, связанных с горестными событиями матча с Фишером. Теперь знаю обо всем, что называется, из первоисточников.

«ГУСАР ИЗ РИГИ»

Шахматы — это мой мир. Не дом, не крепость, в которой я укрываюсь от жизненных интересов, а именно мир...

М. Таль

Мишу Таля я знал фактически всю его жизнь — с детских лет и до кончины. Разница в возрасте — десять лет — была существенна лишь поначалу, а с годами она нивелировалась и общению не мешала. Наши пути пересекались во многих странах. Мы сыграли двадцать турнирных партий и сотни партий блиц. Я знал его родителей, жен, детей,

близких друзей. Мы съели пуд соли и выпили бочку коньяка. Были добрыми друзьями, без единого конфликта. Мне есть что вспомнить о нем, что рассказать, чему улыбнуться и о чем погрустить. О Мише с благоговением...

Ему едва исполнилось полгода, когда жизнь малютки оказалась в опасности. Миша подхватил тяжелую инфекцию, приводшую к менингиальным явлениям, и врачи вынесли категорический приговор: дети таких заболеваний обычно не переносят — медицина бессильна. Но если случается чудо и они все же выживают, становятся великими.

Богу было угодно подарить миру шахматного гения.

В судьбе Миши Таля все сложилось романтично и загадочно. Он стал плодом любви нетривиального семейного треугольника: мать Ида, девичья фамилия которой была Таль, вышла замуж за своего двоюродного брата доктора Нехемия Таля, а сын Миша родился в стихии ее бурного романа с другом мужа Робертом. И эта коллизия не вызывала конфликтов. Как ни парадоксально, все жили в атмосфере понимания, взаимоуважения и доброжелательности. Миша любил обоих «пап» — отцом признавал Нехемия, которого боготворил и чье отчество носил; Роберта называл Джеком, был внешне его копией и чувствовал к нему душевную привязанность.

Когда Мише было одиннадцать лет, доктор Таль умер, а спустя долгие годы, уже в пожилом возрасте, в законный брак вступили истинные родители Миши. Так что заботой, вниманием и лаской Миша обойден не был.

Он рос вундеркиндом: в три года начал читать, в пять вызывал удивление тем, что мог перемножать трехзначные числа, обладал фантастической памятью, из первого класса школы сразу был переведен в третий, а когда загорелся шахматами, вся дальнейшая жизнь обрела цель и вдохновенную радость творчества.

Впервые я увидел Мишу в Рижском Доме пионеров во время сеанса одновременной игры. Ему было двенадцать, он занимался в кружке у добрейшего, влюбленного в своих учеников кандидата в мастера Яниса Крузкопса и заметно превосходил по силе старших товарищей. Миша играл увлеченно, не отрывая острого взгляда черных глаз от доски, полностью отдаваясь процессу борьбы. Кажется, он добился тогда позитивного результата. Но если я и проиграл ему, то, увы, не в последний раз...

А вскоре о Мише Тале мне подробно и, что называется, захлеб стал рассказывать старый друг — обаятельный человек и фанатик шахмат Александр Кобленц.

Их союз, длившийся десятилетия, был счастливым повелением судьбы. Совпали творческие интересы созданного для шахматного наставничества опытного мастера и жаждущего знаний, упивающегося прелестью шахматного искусства пылкого юноши.

Подобно пушкинскому Савельичу, души не чаявшему в начинающем самостоятельную жизнь Гриневе, Кобленц щедро посвятил себя Талю. Он стал для него сначала учителем и тренером, затем секундантом, психологом и на всю жизнь самым близким другом.

Мы познакомились в суровом военном 1943-м — пароходом из Красноводска по Каспию направлялись на полуфинальный турнир первенства СССР в Баку. Лишь недавно ставший советским гражданином латышский мастер Кобленц, в западных бриджах, итальянской шляпе «Борсалино», с паспортом буржуазной республики, тисненным фашистской свастикой, мало гармонировал с разномастной толпой беженцев, направлявшейся в относительно спокойный Азербайджан, и у него то и дело возникали проблемы с патрулями.

Потом уже с присущим ему юмором Саша вспоминал, как молоденький лейтенант при проверке документов дер-

жал в руках его паспорт, слышал иностранный акцент и мысленно примерял орден Красной Звезды к своей гимнастерке за поимку важного шпиона. Но тогда ему было не до шуток. Не помогло и мое заступничество. И только случайно оказавшаяся у него с собой газета «Советский спорт» с фотографией недавно обретшего советское гражданство мастера спасла Кобленца от непредсказуемых последствий.

Нас сдружили не только шахматы, но и музыка. У Кобленца был приятный тенор, он даже когда-то брал уроки бельканто в Италии, а в годы самаркандской эвакуации его певческий дар приносил материальное подспорье. Он подрабатывал, выступая на концертах в госпиталях, где его подкармливали, а то и платили какие-то деньги. Кобленц пел неаполитанские песни и, как с юмором рассказывал, имел особый успех у раненых солдат со знаменитой «Ах, зачем?». Сначала он не понимал природу такого бурного приема, но, когда однажды политрук пригрозил ему кулаком и хотел выгнать со сцены, догадался, что, слабо владея русским языком, вместо слов «Ах, зачем ты тогда зарделась?..» увлеченно пел «Ах, зачем ты тогда зарделась?..»

В дни бакинского турнира мы подружились, и я даже сопровождал тенору на заключительном вечере.

Вновь мы встретились уже после войны. Я тогда регулярно навещал Ригу — выступал с концертами, играл в турнирах, однажды даже выиграл открытый чемпионат Латвии, и особенно охотно отдыхал на взморье. Так что с Кобленцем мы проводили много времени. Саша интересовался не только шахматами и музыкой, но и политикой и часто спрашивал о последних событиях. Реагировал своеобразно, применительно к своему новому статусу: «А как это отразится на рижских евреях?»

С определенного времени значительную часть наших бесед стала занимать тема его тренировок с юным Мишей Талем. Кобленц с гордостью показывал его партии, советовался по шахматным проблемам. Талант мальчика действительно обращал на себя внимание. Миша не походил на ученика, слепо следующего советам. Его игра отличалась смелой фантазией, рискованными замыслами, какой-то юношеской удалью. Это и привлекало, и настораживало — азарт не лучший компас в шахматной стратегии. А Мише доставляло удовольствие затащить партнера на край пропасти и бороться с ним в экстремальной ситуации. Если к этому добавить присущие ему самоуверенность и честолюбие, получится образ яркий, привлекательный, хотя и уязвимый.

Кобленц чувствовал опасность такого взрывчатого материала, но, к счастью, не пытался его «усмирить». Более того, даже когда Миша проигрывал, неизменно взбадривал: «Миша! Ты играл гениально!» И Миша играл в свое удовольствие. Он вообще любил жизнь во всех ее проявлениях.

Миша был веселым, общительным, компанейским, увлекался футболом, много читал (и на удивление быстро — по диагонали, словно проглатывая книги), несмотря на врожденный дефект руки — у него была трехпалая кисть, — увлеченно играл на рояле, участвовал в самодеятельных кружках, и его мечтой, помимо шахмат, была еще и карьера... эстрадного конферансье. Когда окончил школу, подал заявление в университет на филфак, но тут случился конфуз — Мишу не приняли, не хватило нескольких месяцев до шестнадцати...

Впервые в турнире за доской я встретился с Талем на чемпионате СССР в Ленинграде. Он считался подающим надежды мастером, но особыми достижениями к тому вре-

мении не блистал. Звание мастера в восемнадцать лет по нынешним меркам вообще не показатель таланта... Но игра Таля привлекла всеобщее внимание своей свежестью, непосредственностью и смелостью. Особенность его дарования я ощутил за доской. Мише удалось поймать меня на тактический удар, выиграть фигуру, но когда нужно было технически «дожимать», ему стало скучно, он полез в азартную атаку и все упустил... Но острые коготки Таля я, что называется, почувствовал на собственной шкуре.

В том турнире Миша занял одно из призовых мест, что стало его первым крупным, хотя и не однозначно оцененным экспертами успехом. Так, Г. Левенфиш писал: «Самой колоритной фигурой чемпионата оказался 19-летний рижанин Таль. Он исключительно сильный тактик, считающий комбинации с поразительной быстротой. Таль с первых же туров завоевал симпатии публики своим стремлением к острой и сложной игре. Многие участники страдали от недостатка времени на обдумывание, Таль — от избытка: у него не хватало терпения дожидаться хода противника (все уже давно рассчитано!), и он изучал пока партии на соседних досках...»

Но звучали и скептические нотки: «Бросается в глаза ограниченность творческого кругозора Таля. Это смелые атаки, остроумные выдумки, ловушки. В игре Таля много риска, но часто необоснованного...»

И еще немало лет «шахматному кудеснику» приходилось отстаивать свои творческие взгляды, право на парадоксальность замыслов. «Секрет» же Таля заключался в том, что он ставил перед своими соперниками проблемы, на которые нужно давать ответ сегодня, завтра будет уже поздно.

Турнир в Ленинграде стал трамплином фантастического взлета — прошло всего три с половиной года, и Таль

был увенчан лавровым венком чемпиона мира! А на пути к пьедесталу одна за другой — золотые медали чемпиона СССР, победы на межзональном турнире, турнире претендентов, Всемирной Олимпиаде в Мюнхене, крупном международном состязании в Цюрихе... Это был фейерверк головокружительных побед, которых другому гроссмейстеру хватило бы на целую жизнь.

Как только не называли тогда Талья — «экспериментатор», «счастливчик», «пират шахматной доски», «демон 64-х полей», «гусар из Риги»... И в подтексте — бунтарь, ниспровергатель, везунчик, которому слепо потакает фортуна. Объясняя порой неожиданные результаты, когда у очень сильных соперников Таль выигрывал весьма сомнительные позиции, ему приписывали даже гипнотические свойства. Известно, что американец Пал Бенко на турнире в Загребе сел за столик в черных защитных очках, что, впрочем, не помогло. Смущало и то, что за игрой Таль, как коршун, кружил у столика, впиваясь глазами в доску с фигурами. Он действительно источал невероятную энергию, но это лишь свойство одержимости гения, его поглощенности творческим процессом.

Таль омолодил древнюю игру. Сам он говорил: «Слишком многие сейчас хорошо знают не только шахматную таблицу умножения, но и шахматное логарифмирование, а потому, чтобы добиться успеха, приходится доказывать, что дважды два равняется не четырем, а пяти...» И добавлял: «Каждый — сам кузнец собственного счастья».

А Давид Бронштейн раскрывал секрет по-своему: «Хотите знать, как побеждает Таль? Он располагает фигуры в центре, а затем их где-нибудь жертвует...»

Это был насыщенный, трудный, но счастливый период жизни Миши. Он блестяще защитил диплом в университете на тему «Сатира в романе Ильфа и Петрова „12 стуль-

ев”». На зарубежных турнирах испытывал радость не только от побед, но и от новых впечатлений, атмосферы восхищения, которая ему всегда была по душе. Миша купался в славе, веселился в шумных компаниях, балагурил... Настал черед и влюбиться. Его часто можно было увидеть в обществе очаровательной, эффектной рыжеволосой сексапильной подружки, что, естественно, давало рижанам хороший повод посудачить.

Салли Ландау не могла не обратить на себя внимание. Была хороша собой, слыла талантливой актрисой, неотразимой покорительницей мужских сердец, а к тому же обаятельной, непосредственной и веселой избранницей самого Таля. Роман развивался бурно и нашел свое естественное формальное завершение.

Вспоминаю, как, находясь в ту пору в Москве, я встретился с добрым старым другом Матвеем Исааковичем Блантером, замечательным композитором (помните «Катюшу», «В лесу прифронтовом»?), обаятельным человеком, душой общества. Он слыл ярым болельщиком спорта, особенно шахмат и, в частности, гениального Миши Таля. А потому не упускал случая расспросить о своем любимце. Так и в тот раз — в самом начале 60-х, зайдяв меня около своего дома, что на проспекте Горького (ныне вновь Тверская), он, пригласив на бокал хорошего коньяка, до которого был охоч, сразу же перешел к главному:

— Ну как там Миша? Как его дела?

— Миша женился, — ошаршил я Матвея Исааковича.

— Bravo! Кто же его избранница?

— Очаровательная Салли Ландау — рыжеволосая, зеленоглазая красавица, да еще и актриса. Правда, — тут я замялся, — у нее не слишком безупречная репутация. Иво Ней — эстонский друг Миши — даже считает ее женщиной «облегченного поведения», но чего не скажут завистники?!

— А Миша что об этом думает?

— Во-первых, Таль сам не ангел, во-вторых, он безумно влюблен, а кроме того, наделен достаточным чувством юмора, чтобы парировать слухи неопровержимым доводом — лучше иметь 50 % в хорошем деле, чем 80 % в сомнительном...

Матвей Исаакович на мгновение задумался, а потом неожиданно спросил:

— Маркуша! А когда Вы приезжаете в Москву, какие театры посещаете?

Не подозревая подвоха я ответил:

— Люблю «Современник», Вахтанговский...

— А самодеятельные?

— Ну что Вы, Матвей Исаакович?!

И тут он, подловив меня, резюмировал:

— Тогда я Вас, Маркуша, не понимаю. Где Ваша шахматная логика? В вопросах искусства Вы ратуете за профессионализм, а в таких важных проблемах, как секс и эротика, словно бы призываете к любительству.

Как и все в судьбе Миши Таля, так и этот брак оказался изменчивым. Супруги были рождены под знаком Скорпиона, а это сочетание, по мнению всезнающих астрологов, не для безмятежной жизни. Увы, а может быть, к счастью, у этой пары верность не была обозначена на семейном гербе. Увлекались, влюблялись, изменяли, ссорились, мирились, расходились, сходились; оба побывали и во втором браке, и в третьем... Но могу с уверенностью сказать, как свидетель, а порой и душеприказчик, что, при множестве женщин у Миши, единственной оставалась Салли, а при множестве мужчин у Салли, единственным оставался Миша. И они, как это ни покажется парадоксальным, были необходимы друг другу и незаменимы всю жизнь...

Беда подкралась исподволь, но неотвратимо... В разгар удач, радостей, надежд Мишу свалила болезнь — отозвала почка. Сначала посчитали это незначительным эпизодом — полежит, полечим, все пройдет; но оказалось, увы, совсем иначе... Мишу периодически стали мучить ужасные приступы, страшные боли; врачи не могли определить ни точный диагноз, ни меры помощи. Он неделями находился в больничных палатах, его много раз пытались спасти операциями. Все было тщетно.

Вспоминаю, как на турнире в Кисловодске Мише внезапно стало плохо. Вызвали «скорую»; конечно же, предложили освободить от игры, но Таль, проявляя мужество и терпение, попросил лишь о том, чтобы партия состоялась в гостиничном номере. Ему разрешили, партнер согласился (Мише вообще ни в чем нельзя было отказать). Он лег в теплую ванную — единственное, что успокаивало боль, — и, не глядя на доску, диктовал ходы. Если б не видел сам, не поверил бы... А партию эту Миша выиграл.

Злой рок преследовал Талья всю жизнь. Аварии, несчастные случаи, он перенес двенадцать операций! Его романтическая натура словно притягивала к себе удары судьбы. Если в газете я читал, что где-то в районе Сочи в овраг свалилась машина с пассажирами, первая мысль — там, наверное, был Миша. А когда в ночном баре Гаваны кто-то из ревности бросил бутылку в одного из посетителей, бутылка, необъяснимо изменив траекторию, угодила в голову Миши. Так случилось во время Олимпиады. Ни в чем не повинного Талья увезли в госпиталь, наложили множество швов, а наутро он, бледный, с перевязанной головой, сражался за нашу команду.

Сколько таких переживаний выпало «счастливчику» Мише! Стоит ли удивляться, что в его жизнь прочно вошли транквилизаторы. Это были и уколы врачей, и вечерний коньяк,

и бесчисленные сигареты. Горько шутили: «Зажигалка нужна Мише только для первой сигареты, потом он прикуривает одну от другой». Пошли и недобрые слухи о наркозависимости. Было неприятно, но Мише с его невозмутимой ироничностью удалось остроумно отпарировать навет. На бестактный вопрос журналиста: «Гроссмейстер! Говорят, Вы морфинист?» — он лаконично ответил: «Нет, чигоринец».

Но все это случилось потом, за жизненным перевалом. А им стал поистине звездный час — победа над Ботвинником в 1960 году. Миша жаждал этого поединка и не сомневался в победе. Замечательная пианистка Бэлла Давидович, дружившая в те годы с Мишей, вспоминает, как в самом начале матча Талья с Ботвинником он неожиданно обратился к ней с вопросом:

— Белиссимо! (Так Миша называл Бэllu.) Вы не играете Элегию Рахманинова?

— Нет, Мишенька, а почему Вас это интересует?

— Я знаю, что у Вас один Шопен на уме, но так люблю это сочинение, что хотел бы услышать его в день моей шахматной коронации.

— Ради такого случая готова поступиться даже Шопеном, — отшутилась Бэлла и... забыла об этом разговоре. Через некоторое время — телефонный звонок:

— Белиссимо! Вы уже выучили Элегию?

— Миша! Но матч еще не закончен...

— Торопитесь, я уверен, что сдержать слово Вам придется...

С тех пор в репертуаре Бэллы Давидович Элегия Рахманинова неизменно звучит по-талевски вдохновенно...

«Солнцем полна голова» — вот поистине счастливое состояние, которое испытал Таль, взойдя на шахматный трон. Ему удалось невероятное: в двадцать четыре года он — чемпион мира, самый молодой за всю историю. Им

сокрушен идеолог классических шахмат, признанный лидер той научной школы, где черпал знания сам победитель. И сокрушен бескомпромиссно. Таль одолел Ботвинника, не поступаясь ни одним из своих творческих постулатов, где дважды два — все-таки пять!

Шахматный мир взорвался от восторга! Пресса захлебывалась: «Таль завоевал популярность, какой, может быть, не имел ни один шахматист за всю историю». А хроника бесстрастно фиксировала: «Тысячные толпы пришли на вокзал в Риге встречать Таля, а наиболее фанатичные болельщики вынесли его из поезда на привокзальную площадь, где состоялся митинг...»

Увы, эйфория длилась недолго. Неожиданно для всех, включая Таля, Ботвинник решил воспользоваться правом на матч-реванш. За этим стоял скрупулезный анализ случившегося и полное «самоперепрограммирование».

Зная Патриарха, я предупреждал Мишу: «Внимание! Опасность!» Но оптимизм и самоуверенность диктовали свои оценки: Ботвинник стал еще старше, да и новых идей у него быть не может. Миша продолжал беспечную жизнь, не отказывая себе в удовольствиях. Когда накануне нового испытания его пригвоздил к постели приступ и врачи предложили отложить матч, Таль не внял голосу рассудка: «Буду играть и добыю...» Вновь верх взяли эмоции.

Он недооценил опасность и оказался разгромленным. В том поединке Таль, быть может, впервые попал под жернова сильной личности, хладнокровной, неумолимой, оснащенной оружием безупречной психологической и аналитической подготовки. У Ботвинника была «тяжелая рука» — ему удавалось не только выигрывать решающие поединки, но и подавлять личность партнера. Так были сломлены Давид Бронштейн, Василий Смыслов, на этот раз судьба не пощадила Михаила Таля.

Мама Ида Григорьевна, собравшись с мужеством, направила Ботвиннику замечательную телеграмму: «Вы остались верны себе. Восхищена, но не удивлена. Буду счастлива, если мой Миша-маленький пойдет по стопам Миши-большого».

Таль был чемпионом мира всего один год. И его разочарование от поражения оказалось драматичным. В Тале пропал присущий ему всевыручающий оптимизм, будто лопнула какая-то важная пружинка. И хотя он не оставил попыток возобновить восхождение к шахматному Олимпу, ресурсов для этого уже явно не хватало.

А тут вновь атака недуга — новая операция, и, как следствие, — последнее место на турнире в Кюрасао... Спасало лишь чувство юмора.

— Миша! Как дела?

— Отлично! Одной почки нет, турнир завалил, деньги потерял. Остальное — ужасно...

Но он не предавался унынию. Несмотря на все хвори, молодость брала свое, и стоило выбраться с больничной койки, Миша пускался в привычное бурное плавание. Снова турниры, поездки, влюбленности, застолья. Да и надежды вернуть лавры он не терял. Если, увы, не затягивались раны плоти, то честолюбие Талья не покидало. Ему предстояло еще играть и матчи претендентов, и четырежды побеждать в чемпионатах СССР, и выигрывать множество международных турниров.

Правда, с годами стал меняться стиль игры Талья. Он уже не «гусарил», не «колдовал», а обретал гармоничные черты универсализма. На смену дерзкому оптимизму шел современный прагматизм. Быть может, Таль заиграл даже сильнее, чем раньше, — он глубже постиг законы стратегии и как-то даже сказал, что того, юного Талья теперь, бы наверняка обыграл, но для партнеров стал понятнее, доступнее, и его перестали бояться...

Накануне матча с Фишером я обратился к Мише с просьбой помочь в практической подготовке — Таль оставался для меня кумиром. Он охотно согласился. И не только ради наших добрых отношений — просто шахматам Таль готов был служить в любой форме.

Я неделю гостил у него в Риге, мы много работали. Огромное удовольствие доставлял процесс анализа позиций намеченного дебютного репертуара. В сложных вариантах во всей полноте раскрывалась талевская фантазия — он любил «похулиганить» и часто пускался в запутаннейшие шахматные дебри, из которых мог найти выход только сам. Миша наделял шахматные фигуры какими-то особенными динамичными свойствами, казалось, в его руках они обретают утроенный «коэффициент полезного действия» (в наши дни таким даром обладает Гарри Каспаров). Увы, научиться этому не дано.

Мы сыграли несколько серьезных тренировочных партий на заданную тему, но особенно много гоняли блиц. Миша очень любил такую азартно-темпераментную форму соперничества — в пятиминутки был готов сражаться с кем угодно, когда угодно и сколько угодно. Он стремился и в этих мини-сражениях пощекотать нервы фантазии, проводить парадоксальные идеи. Признаюсь, я тоже всегда охотно блицевал и Талья считал самым заманчивым партнером.

Результатами тренировки были довольны оба, и я заручился Мишиным согласием стать моим секундантом на матче с Фишером. Увы, это не осуществилось. Ботвинник был против. Зачем я послушал тогда Михаила Моисеевича? Почему уступил? Не берусь утверждать, что итог оказался бы иным, но рядом находилась бы родственная душа...

С благодарностью добавлю, что Миша оказался одним из немногих, кто после матча в дни всеобщего официаль-

ного глумления не побоялся поддержать меня публично в прессе.

1971 год мог оказаться для Тая переломным и счастливым. В Тбилиси знаменитый хирург наконец сделал ему радикальную операцию, которая сразу заметно улучшила состояние. И там же Миша с грузинским размахом отгулял свою вторую свадьбу. Родители мечтали о тихой гавани для любимца, и мама сосватала грузинскую девушку из княжеского рода. Салли Таль вспоминала, как Ида Григорьевна уговаривала сына: «Представляешь, ее бабушка — бывшая грузинская княжна».

Реакция Миши была очаровательной. «Мурочка! — так называл он маму. — Княгиня не может быть „бывшей“, как не может быть „бывшим“ сенбернар. Это порода, Мурочка, а не должность».

Так или иначе, молодые вступили в законный брак, и через некоторое время Тали появились на командном первенстве СССР в Москве. Признаюсь, не мог поверить своим глазам. Миша — помолодевший, посвежевший, в непривычно элегантном костюме, источающий радость и приветливость, и она, юное создание, никак не совместимое с представлениями о Мишином вкусе. На фоне его шикарных, эффектных пассий новая избранница выглядела «гадким утенком».

Но главная сенсация грянула неделю спустя. «Гадкий утенок» упорхнул из семейного гнезда. У новобрачной была неодолимая любовь к известному грузинскому борцу — к нему-то она и сбежала. Это был страшный удар! Миша, который бросал всех, оказался сам брошенным... Он пережил период несвойственной ему депрессии...

...А потом возобновились боли, на этот раз легочные. Они мучили Мишу долго и неотступно.

Когда я последний раз играл с Талем в турнире, в 1984 году в Титограде, он выглядел, как сам себе дедушка.

Оставалось только поражаться, как он выдерживал те нагрузки.

В Югославии Миша был национальным любимцем. Гордым черногорцам он казался воплощением отваги, жизнерадостия, удалства, и они выражали свои эмоции самым непосредственным способом. Каждый вечер забирали Мишу на застолья в его честь, не задумываясь о последствиях. Он быстро пьянел, засыпал на праздничном столе, и его отвозили в отель в полубессознательном состоянии. Признаться, мне приходилось укладывать Мишу в постель, стягивать с него ботинки, пиджак и с болью думать о завтрашнем дне. Обычно он просыпался лишь к обеду, ограничивался несколькими чашками крепчайшего кофе, выкуривал множество сигарет и отправлялся на игру. И так каждый день! Как он дожил до конца турнира?!

А последняя встреча в Германии была особенно грустной. Помню, на улице с ним поздоровался прохожий.

— Спасибо, — поблагодарил Таль.

— За что?

— За то, что узнали...

Он действительно выглядел ужасно — исхудавший, изможденный, лишь блеск глаз выдавал в нем прежнего Таля. Зашли в гости к общему другу. Пара рюмок коньяка быстро сразила Мишу, и он уснул. Для меня уже навсегда...

Воспоминания о Тале закончу романтической новеллой, начавшейся в далеком 1970 году. В ее драматическом сюжете — странное переплетение судеб, лирических коллизий.

...В дни Олимпиады в немецком Зигене, где функции тренера нашей команды, состоящей из одних асов, меня особенно не обременяли и оставляли много досужего времени, я познакомился с очаровательной поклонницей шахмат. Габи — так звали девушку — не было и девятнадцати.

Она считалась перспективной шахматисткой и имела постоянный билет на посещение крупнейшего состязания. Мы быстро прониклись взаимной симпатией, и наши встречи стали частыми и приятными. Перед расставанием обменялись адресами, и завязалась милая переписка.

Однажды Габи сообщила, что выходит замуж, что избранника ее я знаю по Олимпиаде — это Эрнст Эймарт — один из немецких шахматных функционеров, что он с трудом разошелся с женой, и они предполагают жить в доме под Бонном, доставшемся Габи в наследство. Приглашала при случае навестить их. Я бывал тогда в Германии эпизодически — играл в турнирах, — однажды оказался неподалеку и приглашением воспользовался.

В семье Эймартов мы провели теплый, дружеский вечер и расстались с надеждой на новые встречи. Но судьбе было угодно иное.

Я переживал тогда тяжелые времена — неизлечимо болела жена. Габи, как могла, старалась помогать новыми лекарствами. Было не до поездок. Однажды мне позвонил из Москвы видный шахматный деятель Александр Бах, вернувшийся из Германии, и передал сердечный привет от Эймартов. У них случилось несчастье: Габи пострадала в автомобильной катастрофе, но все как будто обошлось. А через несколько дней вновь звонок Баха: «Марк! Грустная весть. Габи скоропостижно скончалась...» Ей не было и сорока...

Прошло полгода. И вдруг неожиданно получаю официальное письмо от президента известного шахматного клуба Эрнста Эймарта с предложением возглавить команду на весьма заманчивых условиях. Я стал бывать в Бонне довольно часто и, естественно, останавливался в гостеприимном, уютном, украшенном многочисленными портретами незабвенной хозяйки доме Эрнста.

Эймарт, почитавший шахматы превыше всего и польщенный присутствием знатного гостя, неизменно вывешивал рядом со своей табличкой на дверях и табличку с моим именем. Впрочем, порой приходилось довольствоваться гостиницей: Эрнст страдал сахарным диабетом и нередко отлеживался в клинике.

Однажды, чтобы доставить ему удовольствие, я пришел навестить его с приехавшим в Бонн Мишей Талем. Лучшего сюрприза и быть не могло. Они подружились, и на дверях дома Эймарта все чаще стала появляться табличка «М. Таль».

К тому времени у Миши сложилась дружная семья — жена Геля и дочь Жанночка. Жанна занималась на рояле, и Миша мечтал отдать ее учиться где-нибудь в Германии. «А почему бы жене с дочкой не поселиться у меня? — предложил однажды Эрнст. — Большой дом, от Кельнской консерватории, где есть хорошие педагоги, недалеко. Займут две комнаты, да и мне будет подмога — в доме хозяйка нужна».

Так состоялось переселение Талей к Эймарту. Геля оказывала внимание нуждавшемуся в уходе Эрнсту, для Жанны взяли напрокат пианино, а Миша по возможности наезжал погостить.

Там мы и встретились с ним тем памятным, ставшим прощальным вечером.

...Вскоре Миши не стало. Последняя операция в Москве оказалась фатальной...

...Когда Геля с Жанночкой после похорон вернулись в дом Эймарта, их ждало новое потрясение — Эрнст был в плохом состоянии. Болезнь прогрессировала стремительно, и надежд на благополучный исход, увы, почти не оставалось. Эрнст понимал свою обреченность, он еле говорил, но у него хватило духа, благородства и доброты

Она считалась перспективной шахматисткой и имела постоянный билет на посещение крупнейшего состязания. Мы быстро прониклись взаимной симпатией, и наши встречи стали частыми и приятными. Перед расставанием обменялись адресами, и завязалась милая переписка.

Однажды Габи сообщила, что выходит замуж, что избранника ее я знаю по Олимпиаде — это Эрнст Эймарт — один из немецких шахматных функционеров, что он с трудом разошелся с женой, и они предполагают жить в доме под Бонном, доставшемся Габи в наследство. Приглашала при случае навестить их. Я бывал тогда в Германии эпизодически — играл в турнирах, — однажды оказался неподалеку и приглашением воспользовался.

В семье Эймартов мы провели теплый, дружеский вечер и расстались с надеждой на новые встречи. Но судьбе было угодно иное.

Я переживал тогда тяжелые времена — неизлечимо болела жена. Габи, как могла, старалась помогать новыми лекарствами. Было не до поездок. Однажды мне позвонил из Москвы видный шахматный деятель Александр Бах, вернувшийся из Германии, и передал сердечный привет от Эймартов. У них случилось несчастье: Габи пострадала в автомобильной катастрофе, но все как будто обошлось. А через несколько дней вновь звонок Баха: «Марк! Грустная весть. Габи скоропостижно скончалась...» Ей не было и сорока...

Прошло полгода. И вдруг неожиданно получаю официальное письмо от президента известного шахматного клуба Эрнста Эймарта с предложением возглавить команду на весьма заманчивых условиях. Я стал бывать в Бонне довольно часто и, естественно, останавливался в гостеприимном, уютном, украшенном многочисленными портретами незабвенной хозяйки доме Эрнста.

Эймарт, почитавший шахматы превыше всего и польщенный присутствием знатного гостя, неизменно вывешивал рядом со своей табличкой на дверях и табличку с моим именем. Впрочем, порой приходилось довольствоваться гостиницей: Эрнст страдал сахарным диабетом и нередко отлеживался в клинике.

Однажды, чтобы доставить ему удовольствие, я пришел навестить его с приехавшим в Бонн Мишей Талем. Лучшего сюрприза и быть не могло. Они подружились, и на дверях дома Эймарта все чаще стала появляться табличка «М. Таль».

К тому времени у Миши сложилась дружная семья — жена Геля и дочь Жанночка. Жанна занималась на рояле, и Миша мечтал отдать ее учиться где-нибудь в Германии. «А почему бы жене с дочкой не поселиться у меня? — предложил однажды Эрнст. — Большой дом, от Кельнской консерватории, где есть хорошие педагоги, недалеко. Займут две комнаты, да и мне будет подмога — в доме хозяйка нужна».

Так состоялось переселение Талей к Эймарту. Геля оказывала внимание нуждавшемуся в уходе Эрнсту, для Жанны взяли напрокат пианино, а Миша по возможности наезжал погостить.

Там мы и встретились с ним тем памятным, ставшим прощальным вечером.

...Вскоре Миши не стало. Последняя операция в Москве оказалась фатальной...

...Когда Геля с Жанночкой после похорон вернулись в дом Эймарта, их ждало новое потрясение — Эрнст был в плохом состоянии. Болезнь прогрессировала стремительно, и надежд на благополучный исход, увы, почти не оставалось. Эрнст понимал свою обреченность, он еле говорил, но у него хватило духа, благородства и доброты

предложить Геле... заключить с ним брак. «Мои дни сочтены. Все, что я имею, завещать некому — сын живет обеспеченной жизнью. Пусть дом останется Вам с Жанночкой. Мишу я любил. Вы стали мне близкими людьми. Соглашайтесь...»

Вскоре не стало и Эрнста. А Геля с Жанной — уже взрослой и ставшей хорошей пианисткой — живут под Бонном в доме Эймартов...

...Имя великого шахматного кудесника увековечено его книгами, партиями, идеями. Ему поклоняются поколения...

МИРОЛЮБИВЫЙ ТИГР

Я глубоко убежден, что в шахматах, хотя они и остаются игрой, нет ничего случайного. Верю только в логичную, правильную игру...

Т. Петросян

Судьба непредсказуема. Когда полвека назад молодая когорта советских мастеров — Юрий Авербах, Ефим Геллер, Тигран Петросян и Марк Тайманов — смело штурмовала международные турнирные бастионы, мало кто отводил роль лидера Тиграну Петросяну. Но именно ему выпала честь достичь вершины шахматного Олимпа и стать чемпионом мира. Успехи каждого из нас за многие годы принесли всеобщее признание и славу, но только Тиграну Петросяну довелось ощутить подлинную любовь своего народа, стать национальной гордостью армян. И, увы, именно он, самый молодой в нашей плеяде, первым ушел из жизни. Но и недолгий путь Тиграна оставил заметный след в истории шахмат.

Петросян был на редкость самобытен. Есть великие мастера, на партиях которых можно учиться, стремиться

им подражать. Следовать примерам творчества девятого чемпиона мира невозможно. Во многом оно еще не расшифровано. Так играть мог только сам Петросян. Природа одарила его волшебной интуицией и феноменальным чутьем надвигающейся опасности. Он распознавал приближение бури, когда на горизонте появлялось первое облачко. В этом была сила Петросяна и вместе с тем слабость, ибо это удивительное свойство определило стиль, где лозунг «Безопасность прежде всего!» сковывал творческие порывы шахматного художника, каким Тигран был по своей сути. Конечно, и характер играл важную роль.

Родившись в простой бедной семье, испытав в детстве и юности нужду и лишения, Тигран дорожил любыми выпавшими ему жизненными благами. В чем-то добившись удачи, с трудом шагнув на новую ступеньку благополучия, он стремился закрепиться на достигнутом. Не потерять для Тиграна было важнее, чем приобрести. И эта осторожность, скромность запросов влияли на стиль игры. В его партиях чувствовались логика, последовательность, тонкое понимание позиции, безупречная техника, вместе с тем сдержанность, осмотрительность. Не хватало яркости замыслов, творческой дерзости, блеска. Но что любопытно, все эти словно подавленные свойства природы органично входили в арсенал его средств, оставаясь в глубоком резерве.

Мне доводилось много играть с Тиграном блиц — безответственные, развлекательные партии. Только в них он позволял себе расслабиться, отдаться увлеченности боем, не ограничивая себя ни в чем. Такой Петросян проявлял и фантазию, и тактическую зоркость, и азартную смелость. Это было его истинное «я».

Но приходил черед важным «судьбоносным» поединкам, и Петросян наступал на горло собственной песне, гасил любую искру, готовую разгореться в пламя, «сушил»

игру, становился неуязвимым, но и не столь опасным, каким мог быть. «Наследником Флора» — хрестоматийного короля ничьих — стали называть Петросяна. Практицизм тогда еще молодого гроссмейстера приводил даже к своеобразным рекордам. На XXII чемпионате СССР он из девятнадцати поединков в пятнадцать (!) довольствовался миром, а выиграл лишь у четверых слабейших. И Петросян попал под удары критики не только профессиональной, но и любительской. Над ним начали подтрунивать, обидно прозвав «Тигром в заячьей шкуре». Тигран болезненно переживал недоброжелательство «жаждавших крови» писак. Он решился вступить в публичную полемику с ними. Тогда и родилось исповедальное интервью, обошедшее всю шахматную прессу.

«Если верно, что стиль — это человек, то каждый играет как ему положено природой. Мне по натуре свойственна осмотрительность, я вообще не люблю ситуаций, связанных с риском. Я воспитывался на партиях Капабланки и Нимцовича, они вошли в мою шахматную плоть и кровь. Таким я буду всегда. Но я никогда не жаловался на комбинационное зрение. Если стратегия — это глыба мрамора, то тактика — это резец, которым действует мастер, создавая произведения шахматного искусства. Может быть, именно тактическое искусство удерживает меня от многих комбинаций, так как я нахожу за своих противников вознаграждения».

Поразительное признание! Петросян ограничивал свой боевой арсенал не из-за субъективных причин, а следуя объективности глубоких оценок! Он разъяснял: «Некоторые мои комбинации и жертвы остаются часто за кулисами, не известными широкой публике».

И впрямь — большинству любителей шахмат нужны не глубокие тайны позиций, а внешняя острота сюжета борь-

бы, ее зрелищность. Петросян не был понят. Независимо от все возрастающих успехов, имидж осторожного прагматика закрепился за ним прочно. Тигран тяжело нес свой крест. Порой драматично. У него даже возникла идея отказаться от шахмат: «Как это не понять? Да, я люблю защищаться больше, чем атаковать, но кто доказал, что защита — менее опасное и рискованное занятие, чем атака? Разве для такой игры не требуется мужество? Нет, нужно все это бросать!»

Кризис нарастал, когда на помощь пришел мудрый Ботвинник: «Тигран Вартанович! Вы не должны изменять себе. Отстаивайте свое кредо. Дам Вам лишь один совет: не принимайте поспешных миролюбивых решений. Стремитесь к длинным партиям — именно так Вы сумеете реализовать свой дар. Вы ведь почти не делаете ошибок — Ваше чутье уникально, так дайте же время ошибиться соперникам. Чем дольше борьба, тем для этого у них больше возможностей». Тигран всегда с благодарностью вспоминал ботвинниковское напутствие. Оно оказалось для него и путеводной звездой, и якорем спасения.

Думаю, что возрождению боевого духа Тиграна способствовали еще минимум два жизненных фактора — неиссякаемая вера в него армян, молившихся на своего национального героя (он часто говорил: «Я должен сделать все, чтобы принести им радость!»), и добрая умелая поддержка в трудные минуты жены Роны. Роль этой умной, энергичной, деловой и преданной женщины в карьере Тиграна трудно переоценить. Вспоминаю, как секундант Миши Талья Александр Кобленц говорил, что, помимо всех шахматных советов, тренер должен решить проблему творческого одиночества опекаемого гроссмейстера, стать его психологом и «душевным терапевтом». Это удавалось Роне в полной мере. Она находила способы и успокоить Тиграна, и разза-

дорить его: с кем нужно для дела — поссорить, с кем полезно — подружить. Не говоря уже о семейной заботе, уходе, внимании. Зная, что Тигран порой испытывал неловкость из-за отсутствия вузовского диплома, именно Рона убедила его уже в зрелые годы сдать экстерном экзамены, а потом и защитить диссертацию на тему шахматной психологии. И Тигран получил ученую степень кандидата философских наук. Имело ли это значение для шахматной карьеры гроссмейстера? Рона знала, что имело, причем очень важное: Тигран самоутвердился как личность.

Так или иначе, но в имидже Петросяна проступили новые черты. Он стал увереннее, настойчивее, целеустремленнее. А замечательный талант оставался при нем. Успехи неуклонно нарастали, и, наконец, грянул подлинный триумф. Триумф тем более знаменательный для Петросяна, что был достигнут на родине — в Тбилиси. Тигран впервые завоевал звание чемпиона Советского Союза. Я участвовал в этом турнире, стал одним из призеров и могу оценить его события словно бы изнутри.

XXVI чемпионат явился поистине грандиозным событием. Достаточно назвать имена его участников — М. Таль, П. Керес, Б. Спасский, В. Корчной, Е. Геллер, Д. Бронштейн — титанов не перечесать! И вот в такой конкуренции Петросян превзошел всех. Он не проиграл ни одной партии (к чему, впрочем, приучил), а выиграл как никогда много — восемь, причем не изменяя своему творческому кредо ни на йоту. Тигран был великолепен. Кажется, именно к тому времени относится пронизательно-образная характеристика игры Петросяна, принадлежащая такому авторитету, как экс-чемпион мира Макс Эйве: «Петросян не тигр, который прыгает на свою жертву, скорее он питон, который душит свою добычу, или крокодил, ждущий часа-ми удобного момента для нанесения решающего удара».

Вспоминаю праздничный Тбилиси тех дней. Авлабарский район ликует, и армяне в честь своего героя устраивают пышный банкет в популярном ресторане гостиницы «Тбилиси».

Во главе пиршественного стола у сцены восседает преуспевающий делец — «Господин 840», прозванный так после выхода на экраны индийского фильма «Господин 420» о крупном жулике. Многочисленные гости наперебой поднимают заздравные кубки за чемпиона, а хозяин стола, периодически доставая крупную купюру, на тарелочке передает ее в оркестр с неперенным заказом: «Арно Бабаджанян». Музыка замечательного армянского композитора звучала непрерывно, хотя в грузинском ресторане, видимо, не всем приходилась по вкусу. И завершился творческий вечер Бабаджаняна на драматической ноте. Один из гостей с соседнего стола, излишне возбужденный коктейлем из грузинского вина и армянских мелодий, решил проблему кардинально: подошел к оркестру, обнажил кинжал и... порезал барабан.

Началась потасовка, в которой национальная проблема обрела темпераментную остроту, и гости рассыпались кто куда. Природное чувство опасности, выручавшее Петросяна во многих шахматных поединках, и на этот раз подсказало чемпиону разумное решение — он незаметно через кухню улизнул в свой номер...

XXVI чемпионат стал для Петросяна трамплином к новым свершениям. Он созрел для борьбы за высший шахматный титул. И к заветной цели шел уверенно, по-петросяновски без риска, с запасом прочности, с убежденностью в правоте своих творческих воззрений.

На пути к «матчу жизни» с Ботвинником Петросян преодолел зональный, межзональный и кандидатский рубежи и из шестидесяти восьми сыгранных партий проиграл

лишь одну! Как остроумно заметил один из журналистов, «Петросян словно мстил себе за долгую диету и теперь, получив волю, бесшабашно пировал».

Попировать (в прямом смысле) накануне сложнейшего испытания Тигран отправился в Ереван. Думаю, подобно Антею, хотел ступить на родную землю и получить мощный импульс любви своего народа, проникнуться чувством благодарности за веру в него.

Впервые я столкнулся с проявлением восторженных эмоций в адрес Тиграна, когда он еще не успел завоевать признание шахматного мира, хотя и слыл талантливым, перспективным молодым гроссмейстером.

Это случилось в далеком Буэнос-Айресе почти полвека назад. Сборная команда советских шахматистов по приглашению президента Перона прилетела в Аргентину для дружеской встречи с южноамериканскими коллегами. Едва мы шагнули на трап, как раздался гул приветствий. Прорвав кордоны полиции, сотни людей бросились нам навстречу, и началось многоголосое скандирование: «Петро-сян! Пет-ро-сян!» Это местные армяне, которых там несколько десятков тысяч, пришли приветствовать своего кумира. Его подхватили и понесли на руках...

Вспоминаю трогательное проявление чувств и на обратном пути в Уругвае. В Монтевидео местные армяне в клубе имени Баграмяна давали банкет в честь нашей команды, но, конечно же, персонифицированной в лице Тиграна.

Было, как дома в Ереване, — красивое застолье, шашлыки на ребрышке, армянское красное вино и, конечно, здравицы. В разгар пиршества обратил на себя внимание один из гостеприимных хозяев, который отправился вдоль столов и, нагнувшись, стал обмерять обувь у наших гроссмейстеров. Итогом этой странной операции оказались

великолепные ботинки, щедро сшитые для каждого члена команды.

Но все это не шло в сравнение с приемом, который был оказан Тиграну и его гостям — я оказался в их числе — в Ереване осенью 1962 года.

Помню первый вечер. В оперном театре, где знаменитый румынский тенор исполнял партию Канио в «Паяцах» Леонкавалло. Зал полон, мы на почетных местах, под аплодисменты выходит дирижер, свет гаснет, и спектакль начинается. Сыграли вступление, занавес поднялся, как вдруг оркестр по взмаху дирижерской палочки замолкает, и в зале зажигаются все люстры. Что случилось? Ответ не заставил себя ждать. Смущенный непредвиденной задержкой, в дверях появился Тигран Петросян с женой. Зрители, как по команде, вскочили с мест, разразились приветственными овациями, и только после того, как Петросянов торжественно проводили в ложу, все пошло своим чередом. Зрители утихли, свет погас, дирижер дал знак оркестру, и опера зазвучала с самого начала.

А несколько дней спустя Тигран пригласил меня разделить праздничный вечер в родном ему доме школьной учительницы. Уже пожилая Мария Никитична Меликян — его добрая фея — жила в загородном домике, и добираться туда было довольно далеко. «Возьми такси, а там, чтобы не плутать, я выйду и встречу», — предложил Тигран. Подъезжаем, достаю кошелек, чтобы расплатиться, но таксист неожиданно отстраняет мою руку: «Я вижу, что Вас ожидает Тигран. С друзьями Петросяна я денег не беру...»

И самое трогательное воспоминание того визита. Както во время завтрака в гостинице, где мы все жили, запахнулись двери ресторана, и вошла живописная группа старцев в национальной одежде. Медленно прошествовав к столику Тиграна, почтительно к нему обратились. Я си-

дел довольно далеко и мог заметить лишь умиленную реакцию улыбающегося Тиграна. Он о чем-то поговорил с пришедшими, и довольные старцы, чопорно распрощавшись, покинули зал. Я поинтересовался у Тиграна о цели визита почтенной делегации. И он, не скрывая удовлетворения, объяснил: «Это старейшины небольшого селения. Там любят шахматы, и жители делегировали самых достойных граждан задать мне три важных для них вопроса. Первый — сколько ферзей может иметь один игрок? Второй — сколько нужно дать шахов, чтобы был „вечный шах“? И третий — получает ли король пешку, если доберется до последней линии?» Споры нет. Только авторитету Петросяна могли довериться любознательные поклонники из древнего поселка. Но подозреваю, посланцы гор имели более серьезное поручение: повидать Тиграна, побеседовать с ним и доложить односельчанам, как он там...

«Тигран! А ты не боишься такого поклонения? Не давит чувство ответственности перед почитателями, вознесшими тебя на пьедестал? Ты думал об их неизбежном разочаровании в случае неудачи?» — спросил я, искренне взволнованный проявлением столь глубоких чувств.

«Это так вдохновляет меня, что дает главную опору оптимизму, — ответил Тигран, — я не могу их подвести и сделаю все, на что способен».

Он сдержал трудное обещание. И если стершиеся, как медный пятак, слова «оправдать доверие» уже давно утратили свое значение, Тиграну удалось вернуть им изначальный благородный смысл.

Петросян выиграл матч на первенство мира у самого Михаила Ботвинника. Затем через три года с честью отстоял высокий титул в поединке с Борисом Спасским. Он вошел в историю шахмат десятым чемпионом, вписавшим яркую страницу в летопись шахматного искусства.

В Москве на Армянском кладбище у памятника Тиграну Петросяну всегда живые цветы...

ПАРАДОКСЫ ХИТРОГО ДЭВИКА

Шахматные чудеса, в отличие от прочих чудес, иногда все же происходят благодаря фантазии шахматиста и неисчерпаемым возможностям шахмат.

Д. Бронштейн

Если о гроссмейстере, сыгравшем матч на первенство мира вничью, говорят, что он не полностью реализовал свой природный дар, значит, его смело можно занести в реестр шахматистов великих. Что же служило Бронштейну препоной на пути к самым высшим достижениям? Бесспорно, художник в нем всегда брал верх над спортсменом. Наверное, такие качества, как воля и энергия, тоже не относились к числу его достоинств. Но может быть, еще существеннее порой дававшая себя знать нерешительность, а то и «лукавое мудрствование», проявляемое в шахматах и в жизни.

«Я знаю, как сегодня выиграть, — пойду так, — передвигал Давид на доске фигуры, — он ответит так, я нападу, он защитится, я поставлю ловушку, он попадетсЯ и сдастся. Но ведь скучно...» Скуки он действительно избегал. Вспоминаю, как в партии против Мигеля Найдорфа на матче СССР—Аргентина в Буэнос-Айресе Бронштейн, игравший белыми, сев за столик, задумался на... двадцать пять минут. Все кончилось благополучно, Давид выиграл, но все недоумевали.

«Как Вы не понимаете, — оправдывался он, — когда я вижу начальную позицию, разбегаются глаза — так много

заманчивых возможностей. Какую предпочесть? Ведь уже после первого хода приходится отказаться даже не от половины, а от большинства интересных идей. Как в жизни. У Вас выпадает свободный месяц, когда можно хорошо отдохнуть. Вы начинаете колебаться, куда поехать: на юг покататься, в деревню на рыбалку, а может быть, в горы? Прикидываете так и эдак. Решение приходит не сразу. Но когда определились, все происходит быстро — покупаете билет, собираетесь в дорогу, отправляетесь в путь. Вот если бы можно было сыграть с партнером сразу несколько партий...»

И что удивительно, фантазии Бронштейна реализовались, он нашел единомышленников. Однажды сыграл одновременно четыре партии с Рафиком Ваганяном, а потом еще восемь с самим Михаилом Талем — тому такие эксперименты были особенно по душе.

Ловлю себя на мысли, что пишу в прошедшем времени. Но это ведь воспоминания. А Давид Ионович Бронштейн, слава Богу, жив-здоров и по-прежнему радуется шахматный мир своим творчеством.

С Дэвиком Бронштейном мы, будучи почти ровесниками, познакомились в ранней юности, еще до войны. В те времена на подрастающее поколение денег не жалели, и под оптимистичным лозунгом «Дети — наше будущее» проводились и музыкальные конкурсы юных дарований, и различные школьные олимпиады, и многообразные спортивные состязания. Все это попадало на благодатную почву, и дети реагировали бодрым лозунгом «За детство счастливого наше спасибо, родная страна!».

Увлекательно протекала у ребят и шахматная жизнь. Во Дворцах пионеров занятия вели лучшие мастера, для сеансов одновременной игры приглашали прославленных гроссмейстеров, проводили командные состязания — по

радио и очные. Одним из таких памятных событий стал матч сборных команд Ленинградского и Киевского Дворцов пионеров в 1940 году. Во главе украинских юных шахматистов выступал Дэвик Бронштейн, на второй доске ленинградских — Марик Тайманов.

Так впервые в Киеве пересеклись пути будущих претендентов на первенство мира, так зародилась наша многолетняя дружба.

Дэвик был невысоким, подвижным, хрупким парнишкой с черной вьющейся шевелюрой (но недолго) и выразительно пытливым взглядом. Он занимался в кружке у добрейшего наставника с невероятно длинной «имя-отчество-фамилией» — Александра Марковича Константинопольского (я тогда подсчитал, получилось тридцать шесть букв, и это запомнилось) и признавался самым перспективным в группе. Дэвик первым добился победы и при анализе на удивление быстро стал сыпать вариантами, которые рассчитывал за игрой. Около него на столике лежали тетрадки. На одной надпись: «Защита Нимцовича 4.Фс2», на другой — «Защита Нимцовича 4.е3». Очевидно, это были записи с разработками вариантов модного дебюта. Я его тоже тогда изучал и потому с юношеской непосредственностью (сейчас бы такое и в голову не могло прийти) попросил разрешения взглянуть. Но меня ждало полное разочарование: страницы тетрадок были девственно чисты...

На недоуменный вопрос Дэвик без обиняков объяснил: «Тетрадки нужны, чтобы напомнить о дебюте, а все остальное я и так знаю наизусть». Сюрпризы уже тогда были его хобби.

Мы много сражались с Давидом в «пятиминутки». Он играл в блиц а-ля-Таль, во «вкусные» шахматы — с фантазией, увлеченно, азартно. Наши поединки проходили, ра-

зумеется, не во время турниров — не до того, — а на сборах, в зарубежных поездках, когда есть место досугу. И однажды установили рекорд, достойный внимания книги Гиннеса.

Приключилось это в Монтевидео. Возвращаясь из Аргентины с памятного матча сборных команд, мы оказались на две недели пленниками уругвайской авиакомпании по причине вынужденной посадки и необходимости ожидания ближайшего рейса в Европу, что в те времена требовало долготерпения. Впрочем, сетовать не приходилось — провинившаяся компания оплачивала и отель на берегу океана, и рестораны, и даже экскурсии. Мы проявили инициативу, — связавшись с местной федерацией, договорились сыграть дружеский матч, что было принято с восторгом, провести пресс-конференцию и выступить с сеансами одновременной игры. Разумеется, не отказывались и от протокольных банкетов. И вот однажды, когда поздно вечером, вернувшись с приема, мы с Юрой Авербахом — моим соратником и соседом по гостиничному номеру — настроились ложиться спать, раздался стук в дверь и появился одетый с иголочки Бронштейн с нетривиальным предложением: «Марк, поиграем блиц?» Мы уютно устроились за столиком. «Для интереса по паре песо?» — срифмовал Дэвик. «Готов!» И игра началась. Давид — абсолютный комильфо, в вечернем наряде, я в трусах и майке, босой. Юра поначалу следил за сражением, а затем, чувствуя, что матч затягивается, улегся спать. Потом он вспоминал: «Я проснулся утром и не поверил глазам — нарядный Давид и укутанный пледом Марк как ни в чем не бывало стучат фигурами; я позавтракал, позагорал на пляже, пообедал, они не меняют диспозиции и даже на мои обращения не реагируют».

А мы действительно сражались как очумелые. Матч был прерван лишь звонком руководителя делегации Вячесла-

ва Васильевича Рагозина: «Друзья! Я вас не видел за обедом и хочу напомнить, что через полчаса начинается блицтурнир с участием уругвайцев. Машина уже ждет внизу». Едва успев побриться, мы с Давидом отправились на новое сражение. Бодрил лишь крепкий бразильский кофе. Закончился суточный шахматный марафон где-то к полуночи. Что добавить?! Мы с Бронштейном дружно разделили в турнире первый приз... На досуге я подсчитал: если партии длились минут по восемь—десять, играли мы в общей сложности часов двадцать с лишним, то количество поединков перевалило за сотню. Такое возможно лишь в молодости.

Фантазия Давида неисчерпаема — удивлять собеседника парадоксами его и хлебом не корми. Он доверительно уводит «жертву» в сторону и тихим, почти без интонаций, голосом скороговоркой начинает излагать идеи, соображения, взгляды. Порой любопытные, порой забавные, порой нравоучительные, но всегда по-бронштейновски оригинальные и неожиданные. И если чувствует, что слушатель затянут в паутину замысловатых хитро-сплетений его монолога, испытывает истинное удовольствие. К примеру: «Вчера смотрел в Большом „Лебединое озеро“, — начинает готовить почву для эпатажа Давид и подробно, занудно-усыпляюще рассказывает о театральных впечатлениях. — Знаешь, как я люблю музыку Чайковского, но... — тут мина замедленного действия взрывается, — танец маленьких лебедей я бы сочинил иначе...»

Или: «Читаю отчеты о турнире и не могу понять, что надо этим горе-критикам. Они упрекают меня в миролюбии, недовольны компромиссом в партии со Смысловым. Неужели они думают, что я стану атаковать чемпиона мира за 2, 60?» (Столько тогда выдавали в день на питание.)

Давид словно окружает себя атмосферой парадоксов. Когда родился сын, он любовно нарек его Левушкой, и лишь спустя некоторое время, осознав, что полное имя Лев Давыдович Бронштейн не может благодушно восприниматься в стране, проклявшей Л. Д. Троцкого, судорожно переименовал сына в Лаврентия и вновь не угадал. Берия тоже оказался не в чести...

Нелепые казусы преследовали Бронштейна. Как-то разбогател на автомобиль. Правда, личная машина ему вряд ли была нужна, поскольку за руль Давид не садился, да и водительских прав не имел. Но такого рода приобретение считалось тогда необычным, эксклюзивным, а это уже рассматривалось Бронштейном как достойный мотив. Автомобиль занял свое место под балконом, и Давиду доставляло удовольствие любоваться им по утрам. Но однажды, выйдя на балкон, автовладелец не испытал привычных положительных эмоций — стоянка осиротела. Встрепенулась вся московская милиция: Бронштейн был не только знаменитой персоной, но и уважаемым членом спортивного общества «Динамо», курируемого Министерством внутренних дел. Однако прошла неделя, другая, а поиски машины успеха не приносили. Давид выходил на балкон уже без энтузиазма. И вдруг, словно по волшебству, автомобиль вновь привычно вписался в законное место стоянки. Радость хозяина была беспредельна. А на кресле водителя его ожидал сюрприз — букет цветов с трогательной запиской: «Благодарим за содействие нашему курортному отдыху и просим извинить за доставленное беспокойство».

Как подсказал всезнающий компьютер, с 1944 и до 1978 года — в самый динамичный творческий период — мы с Давидом встречались в турнирах двадцать пять раз!

Поначалу достижения Бронштейна были более впечатляющими, и пиком их стал матч на первенство мира

1951 года, а потом подтянулся и я, и успехи стали чередоваться. Но в летописи нашей очной и заочной конкуренции можно вспомнить эпизод, когда слава выпала нам одновременно. В Ливерпуле на чемпионате мира среди студентов в 1952 году золотых медалей и высоких титулов удостоились Давид Бронштейн и Марк Тайманов. Я уже рассказывал — командировку на этот турнир подписывал Иосиф Виссарионович Сталин, что и предопределило блестящий итог. Альтернативы исключались — либо чемпионы, либо... но об этом думать не хотелось...

А прелюдией к чемпионату стали треволнения не только творческие, но и организационные. В связи с задержкой английским консульством въездных виз, мы попали в Ливерпуль с большим опозданием, что вообще практически лишало нас возможности участвовать в соревновании. Но случилось неожиданное. Когда шахматистам, уже собравшимся на турнир, стало известно, что советские гроссмейстеры по стечению обстоятельств не успевают к назначенному сроку, они дружно обратились к организаторам с предложением подождать, фактически лишаясь при этом шансов на высшие награды. Возможно ли теперь такое благородство? Мы ответили черной неблагодарностью и... выиграла у зарубежных соперников все партии. Вопрос о чемпионе определялся в междоусобной дуэли, но дело кончилось миром, и, разделив лавры, мы рапортовали в Москву о выполнении поставленной задачи. Первым поздравил нас, естественно, счастливый руководитель делегации, судьба которого в немалой степени также зависела от достигнутого успеха. Кстати, он оказался весьма симпатичным спутником. Был внимательным, что, вероятно, определялось как главная задача, достойно отстаивал при необходимости наши интересы и единственно чем докучал — это нравами. Как комсомольский функци-

онер, считал долгом не только опекать нас, но и использовать любой повод для политвоспитания. Стоило за завтраком похвалить английский чай, он тотчас подчеркивал, что его выращивают на английских плантациях, используя рабский труд, да и вообще Англия — страна колонизаторов. А при упоминании доброй репутации Итонского колледжа читал лекцию о преимуществе бесплатного образования в Советском Союзе. Хотя к тому времени мы с Дэвиком уже побывали в некоторых странах, а он за границу выехал впервые...

Впрочем, с непременными в те времена руководителями делегаций, а особенно их «замполитами» случались казусы и позабавнее. Вспоминаю, как при поездке в Южную Америку нас сопровождал милейший товарищ Спирин. Он, что называется, не сводил с нас глаз, но мучился от мешавшего работе недуга — плохо слышал и вынужден был оттопыривать ухо ладонью. Можно представить себе его проблемы?! Но и это еще полбеды. Хуже ему приходилось на пляже у моря. Все купаются, и его тянет, а куда ему деть заветную записную книжку — «ума холодных наблюдений», с которой не смел расстаться. Но охота пуще неволи — Спирин зажимал книжечку в руке и входил в воду, высоко подняв ее над головой...

И все же среди многочисленных поездок, матчей, выступлений, объединявших нас с Давидом десятилетиями, самым памятным, значительным и увлекательным назову грандиозный турнир кандидатов на первенство мира. В 1953 году в Швейцарии встретились сильнейшие шахматисты того времени: пятнадцать выдающихся гроссмейстеров, большинство из которых находились в расцвете творческих сил. Каждому предстояло сыграть по двадцать восемь партий, что предопределяло борьбу «до последней капли крови» и давало повод для горькой шутки, что побе-

да достанется тому, кто самостоятельно, без помощи секунданта доберется к заключительному туру до игрового зала.

Сухие цифры — тоже для книги рекордов Гиннеса. Состязание длилось шестьдесят два дня. В нем партнеры сыграли двести десять партий, и за две тысячи двести часов было сделано шестнадцать тысяч восемьсот сорок семь ходов. Причем самый упорный поединок длился восемь часов сорок семь минут. Добавлю, что турнир протекал в двух городах — Нейхаузене и Цюрихе, и участники сменили три гостиницы. Сначала в связи с переездом, а затем уже по причинам субъективно забавным. Бдительным руководителям нашей делегации показалось, что в отеле «Золотой меч», где остановились советские гроссмейстеры, вечерняя программа в ресторане излишне фривольна. «Это может отвлекать мысли гроссмейстеров, — решили они, — нужно съезжать». Хозяин, нежданно потерявший такую группу именитых гостей, с горя даже предложил половинные цены, но тщетно. Советская мораль превыше всего. А некая местная газета не упустила повода съехидничать: «Швейцарские девушки не нужны русским, они довольствуются чтением на ночь трудов Маркса, Энгельса и Ленина».

Забавный казус случился и в облюбованном скромном отеле. Поводом стало традиционное европейское меню. Как завтракают на юге Запада? Пара круассанов, масло, джем и кофе или чай. Каково же было потрясение метрдотеля ресторана, когда щуплый на вид постоялец — гроссмейстер Бронштейн — выразил желание вместо всей этой мелочи съесть... бифштекс с кровью! Такого история гостиницы не знала, и хозяину пришлось срочно отправить поваренка в ближайшую лавку за куском мяса.

Борьба на супертурнире с самого начала обрела увлекательный и бескомпромиссный характер. Соперники хо-

рошо знали друг друга, были тщательно подготовлены и в традиционной стартовой разминке не нуждались. Завязка драматургической интриги наступила позже, когда определились главные персонажи грядущего конфликта. Ими стали уверенно захватившие лидерство Василий Смыслов, Сэмюэл Решевский и Давид Бронштейн. Опасным конкурентом мог оказаться и Пауль Керес.

Ситуация сулила непрогнозируемые турнирные коллизии, а это не устраивало наше руководство: победителем должен стать русский!

Лишь недавно, спустя полвека, Давид Бронштейн решился поведать миру историю о беспредельной по своему цинизму и безнравственности подковерной акции советских функционеров, вмешавшихся в ход благородного спортивного соперничества великих гроссмейстеров: «Турниру уже многие годы сидит занозой в моем сердце. Но сколько же можно мучиться? И я решил выдернуть эту занозу...»

Раньше можно было только догадываться, а теперь — уже утверждать, что руководство нашей делегации в Швейцарии — заместитель председателя Всесоюзного спортивного комитета Д. Постников, замполит из КГБ и гроссмейстер И. Бондаревский (как считает Бронштейн, «по совместительству из тех же органов») имели четкую установку из Москвы обеспечить победу В. Смыслову с тем, чтобы именно он стал соперником в грядущем матче на первенство мира с Ботвинником. И когда определились панорама предстоящих баталий, дислокация главных сил, стал известен психологический фон взаимоотношений соперников, их потенциальные творческие ресурсы и спортивные цели, в руководящем «штабе» был выработан конкретный план тактических операций.

Со слов Бронштейна, схема выглядела так: прежде всего обеспечить Смыслову режим наибольшего благоприят-

ствования. Иными словами, оградить от опасности со стороны ближайших конкурентов — Бронштейна и Кереса. Бронштейн вспоминал, как его тогда увещевали:

— Учти, накануне поединка с Решевским Смыслова волновать нельзя! Так что сделаешь скорую ничью.

— Но у меня белые!

— Какая разница? Мы не можем рисковать тем, что в турнире победит американец.

— Но и я ведь могу победить в случае удачного финиша.

— Я сказал: ничья и быстрой, — отрезал Постников.

— Вы что же, всерьез думаете, что мы приехали сюда в шахматы играть?! — вмешался кагэбист.

Тут уж крыть было нечем.

Дальше — больше. От Бронштейна потребовали полностью выложиться в предстоящем поединке с Решевским и победить американца во что бы то ни стало. «Накануне вечером меня известили: тройка решила, что, несмотря на черные фигуры, я должен выиграть. Приказ! Делать нечего, и я, вопреки привычке, пять часов не вставал из-за доски — проявлял усердие. Когда отыскал путь к победе, отлегло от сердца. Не станут потом песочить в Спорткомитете, как это было в 1952-м, когда я в командном чемпионате мира проиграл Бирну».

Но самым коварным и подлым звеном плана тройки стала провокация против Бронштейна, которого следовало выбить из борьбы за лидерство. Для этого накануне поединка Давида с Ефимом стратеги пошли ва-банк. Геллера раззадорили ложью о том, что за свои уступки Смыслову Бронштейн требует от него очко, а Бронштейну сказали, что Геллеру уже дан приказ ему проиграть. Давид возмущенно возражал, но, сбитый с панталыку, попытался было избавить коллегу от навязанных жертв тупой игрой на ничью. Геллера же одолевали другие эмоции — он был зол

на Давида за бессовестное требование «сплавить» очко и вел партию с подъемом и энергией. Когда пришлось сдать-ся, Бронштейн был в шоке: «Накануне я два часа защищал его шахматную судьбу, а он взял и преподнес мне такую пилюлю!»

В тот вечер, ничего не подозревая, я зашел в комнату к Давиду и испытал ужас — ни до, ни после не приходилось видеть друга в таком страшном состоянии. В дым пьяный Дэвик плакал, как ребенок. Провокация раскрылась позже. Как вспоминает Бронштейн: «В поезде из Берна в Цюрих накануне отъезда из Швейцарии ко мне вдруг подсел Геллер (изрядно «подшофе») и с обидой в голосе спросил, почему я с ним вот уже десять дней не здороваюсь. Тогда я рассказал ему, как меня обрабатывали. Он пришел в ярость и стал кричать на весь вагон: „А-а! Так это сволочь Бондаревский!“ Тут же подбежал Игорь Захарович, взял за грудки и, строго прикрикнув: „Пойдем, пойдем...“, — увел...»

Неизвестно, как развернулись бы события на турнире, не будь иезуитского вмешательства нашего руководства, — история не приемлет сослагательного наклонения, да и великолепная игра Василия Васильевича (не говоря уже о полной его непричастности к задуманной властями провокации) вряд ли нуждалась в непрошеной страховке, но замысел убрать с дороги одного из главных конкурентов достиг цели — на финише душевные травмы Бронштейна дали о себе знать.

Приходится утешаться лишь тем, что постыдная история не выплеснулась за пределы узкого круга сопричастных, осталась на десятилетия тайной и не омрачила грандиозного шахматного праздника, каким вошел в историю турнир в Швейцарии. А события там развивались увлекательно: поединки отличались богатым творческим содержанием, итоги достойно увенчали эпическую баталию.

Первым стал Смыслов, за ним, с заметным отставанием, три главных конкурента — Бронштейн, Решевский и Керес.

Турнир завершился, но в Лету не канул. Бронштейн написал о нем великолепную книгу, где не только увековечил историческое шахматное событие, но и создал себе «памятник при жизни». Творческое достижение автора невозможно переоценить — под невыразительным названием «Международный турнир гроссмейстеров» кроются россыпи откровений. Книга, как исповедальное эссе, во всей полноте раскрывает шахматное мировоззрение Бронштейна, его взгляды на принципиальные проблемы стратегии и тактики шахматного искусства. В изящной форме своеобразных новелл комментарии к партиям обретают сюжетное содержание. И все это с доброжелательностью в адрес главных персонажей — гроссмейстеров.

Замечательный труд, принесший автору признание, сопоставим с его выдающимися достижениями за шахматной доской. Недавно с горечью Бронштейн посетовал: «Меня отбросили на обочину шахматной жизни, а книга „Международный турнир гроссмейстеров“ переиздается, выходит на других языках. И думаю, надолго переживет меня...»

Заканчивать рассказ о грандиозном шахматном празднике на грустной ноте было бы несправедливо, и потому вернусь к парадоксам «хитрого Дэвика».

Что на Западе покупает великий индивидуалист? Неужели, как все смертные, — одежду и обувь семье, подарки друзьям? Нечего греха таить — в не столь отдаленные годы, в условиях нашего глобального дефицита знаменитым гроссмейстерам приходилось спускаться с Олимпа на грешную землю и тратить немало времени и выпавших им гонораров в не слишком дорогих магазинах. Бронштейну это было бы скучно.

Мой первый опыт знакомства с покупательскими запросами Давида состоялся именно в Цюрихе. Во время прогулки он как-то зашел в аптеку и скромно полюбопытствовал о лекарствах от ангины. Ему выложили упаковку пилюль.

— Спасибо, а что есть еще? — Ему принесли другое средство. — Это все, что Вы можете порекомендовать?

— Нет, конечно. Есть много препаратов.

И на удивление фармацевтов, Давид, заплатив немалую сумму, опустошил чуть ли не целую полку...

Во время турнира в рекламных целях к участникам проявляли внимание разные фирмы. Разумеется, в первую очередь часовые. Мне довелось стать не только одним из скромных покупателей, но и очевидцем бронштейновской купчей операции. Поинтересовавшись достоинствами предложенных образцов, он отобрал сразу штук пять замечательных часов — мужских и дамских, а затем попросил показать хронометр. «С десятиными или сотыми долями секунд?» — почуяв размах клиента, засуетились фирмачи. «И те, и другие», — поддержал репутацию оптовика Давид и приобрел еще с полдесятка.

— Давид! Ну зачем тебе такие сверхточные часы? — любопытствовали коллеги.

Вопрос не застиг Бронштейна врасплох:

— Я хожу на спортивные соревнования. Не всегда согласен с судейством, а так смогу их контролировать даже в спринте.

— Зачем так много?

— А я хожу с друзьями, — отпарировал Давид.

И вот тогда, присмотревшись к особенностям потребительских интересов Давида и опираясь на большой опыт совместных поездок, друзья, собравшись, «научно» опре-

делили главные параметры его товарных предпочтений. Сформулировано четыре пункта:

1. Главное условие. Чтобы было дорого.
2. Покупка должна быть нетранспортабельной.
3. Чтобы такой вещи по возможности в Москве не было.
4. Приобретение не должно носить утилитарный характер и быть пригодным для использования в наших условиях.

К примеру, в Америке в 50-е годы Бронштейн купил полный комплект клюшек для игры в гольф.

А в его кабинете книжные полки были заставлены бесчисленными словарями. Не ошибусь, если скажу, что со всех языков на все. К примеру, украинско-тайский или китайско-грузинский...

...Вот уже двадцать с лишним лет не встречался с милым моему сердцу Давидом. Наши пути, увы, не пересекались. Время от времени слышу о его зарубежных выступлениях, порой любопытных, — матчи с компьютером, с партнерами одновременно на нескольких досках, часто в быстрые шахматы, но без прежних успехов. Доходили слухи и о мытарствах, финансовых проблемах. И вот совсем недавно наткнулся на большое интервью, в котором узнал неуязвемого фантазера и необыкновенную, самобытную личность. Журналист, встретившийся с ним, тонко подметил и очаровательно капризный поток мыслей, исполненных ироничности, и его «нонконформистскую» сущность, и противоречивость взглядов: «Он печален и слегка изумлен». Запомнилась фраза: «Я никогда не хотел стать чемпионом. Неужели стоит жить ради того, чтобы утверждать, что ты лучше всех остальных? Идея шахматного чемпионства мне кажется атавистической. В искусстве вообще не должно быть чемпионов!»

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

...И вот они сидят: один, герой народа,
Что пьет кефир в критический момент.
Другой — без имени и рода,
С презрительною кличкой — Претендент!

(Из песни Высоцкого о матче

А. Карпов — В. Корчной)

В современной шахматной иерархии, где достоинства гроссмейстера оцениваются не по его творческим достижениям, а на основе бездушных коэффициентов ЭЛО, есть категория мэтров, чья репутация определяется вне математически выкладок и компьютерных подсчетов, — это шахматисты иного измерения. Шахматисты, ставшие легендой при жизни. Увы, легендарных гроссмейстеров остались единицы. Виктор Корчной из этой славной когорты. И если даже сегодня, в наш суматошный век, когда имена кумиров в любой области, тем более в шахматах, девальвируются со скоростью неконвертируемой валюты, вы спросите, кто такой Корчной, вам наверняка с уважением ответят — великий шахматист.

У быстротечного времени свои резоны. Мне всегда казалось, что Виктор Корчной много младше меня (и впрямь, когда мы впервые встретились, мне шел двадцатый год, а ему было всего четырнадцать — разница по тем меркам весьма существенная), но минуло более полувека, и мы стали почти ровесниками.

Наша первая встреча случилась в далеком сорок пятом. Уже в звании мастера я пришел в дорогой моему сердцу, щедро давший путевку в шахматную жизнь Дворец пионеров с тем, чтобы, «возвращая долги», провести сеанс одновременной игры с новым поколением юных воспитанников шахматного клуба. В чинной обстановке этого

серьезного экзамена внимание мое отвлекал бойкий паренек, бегавший от доски к доске и в нарушение принятого этикета подсказывавший ходы участникам сеанса. Я уже знал, что в кружке у руководителя клуба опытного наставника Владимира Григорьевича Зака есть способный мальчик, не отличающийся дисциплинированностью, поэтому не удивился, что мое замечание действия не возымело.

«Очень перспективный малец, но издерганный. Потерял отца, пережил блокаду, ладить с ним нелегко», — вступился В. Г. Зак. Да, ладить с Виктором было не просто ни тогда, ни потом... Запальчивый, ершистый, болезненно самолюбивый и не склонный к компромиссам, он, говоря словами поэта, «с детства не любил овал, он с детства угол рисовал...» Да и давалось ему все в жизни нелегко. Корчной, в отличие от Спасского, не был ни вундеркиндом, ни баловнем судьбы. В четырнадцать лет имел лишь третий разряд, что даже по скромным критериям того времени никак не считалось достижением, а игра его при всей самобытности грешила ошибками, которые Корчной очень переживал.

Как вспоминал он потом, «каждая новая ступенька на пути к мастерству давалась с трудом. Едва ли не каждый подъем сопровождался провалом». Но талант и характер брали свое — уже через полтора-два года в шахматной карьере Корчного наступил заметный перелом — игра приобрела зрелость, характер закалялся, мужал, а бойцовские качества даже в том возрасте вызывали и удивление, и признание. В шестнадцать лет Виктор Корчной стал чемпионом СССР среди юношей! И уже тогда со свойственным возрасту максимализмом Виктор решил посвятить жизнь шахматам, «не загадывая, к каким последствиям это решение приведет». И хотя потом были и университет, и ди-

плом историка, он смело ступил на путь, который сулил не только победы, но и суровые испытания.

Как оказалось, преодолевать трудности (порой невероятные) Виктору пришлось фактически всю жизнь. И здесь сухие цифры могут быть красноречивее любых мемуаров: звание мастера Корчной получил лишь в двадцать лет, гроссмейстером стал в двадцать пять, чемпионом СССР впервые в двадцать девять, первый матч на первенство мира сыграл в сорок семь (!) лет, второй в пятьдесят (!). Высший же титул завоевать Корчному так и не удалось, хотя в 1978 году от этой желанной цели его отделяло всего одно очко!

«Я брал каждое препятствие лбом», — скажет он уже на склоне карьеры.

А однокашник Виктора еще по Дворцу пионеров мастер Александр Геллер пояснит: «Восхождение Корчного к высшим шахматным вершинам было весьма непростым ввиду того, что он был современником целой когорты выдающихся советских гроссмейстеров и обыграть их сумел только к сорока годам... Но в этот момент на горизонте появился юный А. Карпов, который составил ему весьма серьезную конкуренцию». Карпову-то и выпала (хотел он того или нет!) роль «злого гения» Корчного, во многом перекроившего его судьбу.

Сложилось так, что к решающему финальному матчу претендентов на первенство мира в 1974 году партийно-государственная элита, оказывавшая тогда, как известно, влияние на все сколько-нибудь значимые процессы в жизни страны, адресовала свои симпатии не многоопытному гроссмейстеру, зарекомендовавшему себя не слишком сговорчивым гражданином и порой высказывавшему излишне вольнолюбивые взгляды, а привлекательному по многим аспектам юному и многообещающему Анатолию

Карпову. И недавно сказанные одним из биографов Корчного слова: «Виктор чувствовал себя во время матча человеком обреченным, от которого власть ждала лишь молчаливого согласия на поражение» — имели, увы, политические основания. Преемником Роберта Фишера должен был стать именно Анатолий Карпов.

Все началось с эмоциональной реплики Корчного агентству ТАНЮГ. Проиграв финальный матч претендентов на первенство мира Анатолию Карпову, Корчной, испытавший разочарование результатом и, главное, явным проявлением симпатий к молодому гроссмейстеру со стороны высокопоставленных чиновников, в сердцах раздраженно отозвался о победителе. Вряд ли это было этично, но у вспыльчивого Корчного подобная нелицеприятная реакция на неудачи порой случалась и раньше и, быть может, осталась бы и на этот раз незамеченной, если бы не имя официального фаворита. Карпова обижать было нельзя. Тем более что свой триумф он заслужил. Последовала начальственная команда, и пресса развернула боевые действия.

Злой тон задал Тигран Петросян в «Советском спорте», а затем, как это было принято, посыпались «письма трудящихся» с требованием публичного извинения провинившегося. «Неспортивно, гроссмейстер», — возмущались читатели.

Альтернативы не оставалось (пока!), и Виктор, сжав зубы, написал покаяние: «...В тот момент я еще не остыл от азарта борьбы, которая держала меня в непрерывном напряжении в течение двух с половиной месяцев... Сейчас, сумев в спокойном состоянии все обдумать, я искренне сожалею...»

Чего стоили эти строки вольнолюбцу! Но власти не успокоились. Последовали санкции — понижение гроссмей-

стеру стипендии с трехсот до двухсот рублей и запрет на выезд за рубеж на турниры.

В одночасье Корчной почувствовал себя в своей стране изгоем. И в 1976 году возникшую драматическую ситуацию решил кардинально — эмигрировал на Запад.

Свой отчаянный и по тем временам редкий шаг Корчной потом объяснил с лаконичной откровенностью: «Трудно обозначить причины моего отъезда в одной фразе. Тут были факторы политического характера — неприятие Системы, моменты психологические — нежелание быть в постыдном подчинении у этой Системы, а надо всем этим — связанная с первыми двумя факторами необходимость отъезда ради продолжения, спасения своей шахматной жизни, которую решили задушить партийные функционеры в союзе с некоторыми гроссмейстерами...»

«...Я не был диссидентом, — добавил он, — никогда не боролся ни за какие гражданские права всего советского народа или отдельных национальностей. Я уезжал, чтобы сделать себе шахматную карьеру...»

«Ничего, кроме чувств возмущения и презрения не вызывает поступок В. Корчного, предавшего Родину», — гневно клеймила эмигранта пресса. Министр спорта Сергей Павлов даже обратился в ЦК с предложением порвать связи с голландскими шахматистами.

Так, в сорок пять лет Виктор Корчной начал новый многотрудный этап биографии со всеми сложностями адаптации, вынужденными скитаниями, проблемами шахматной деятельности в условиях международного бойкота со стороны советской шахматной федерации, поисками заработков, обретением новых знакомств, круга общения...

Болела душа за семью. Корчной пытался вызволить жену и сына из Советского Союза. Но на что можно было надеяться? На понимание, великодушие властей? Недав-

но обнародованы секретные архивные материалы ЦК КПСС, проливающие «документальный» свет на события четвертьвековой давности.

Сохранилось письмо председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР Ю. Андропова в ЦК КПСС от 12 июля 1978 года. Этот документ достоин внимания.

*О нежелательности выезда за границу семьи
невозвращенца Корчного В. Л.*

В июле 1978 года на Филиппинах начнется чемпионат мира по шахматам, в котором примет участие отказавшийся возвратиться в 1976 году из Нидерландов на Родину гроссмейстер Корчной В. Л. Будучи за рубежом, Корчной сделал ряд клеветнических заявлений относительно советской действительности. В Ленинграде остались его жена Корчная Изабелла Егишевна, 1931 года рождения, армянка по национальности, и сын Корчной Игорь Викторович, 1959 года рождения, русский. В настоящее время они при активной поддержке Корчного добиваются выезда из СССР в Израиль.

По мнению Комитета госбезопасности, удовлетворить ходатайство членов семьи Корчного нецелесообразно по следующим соображениям: по существующей практике никому из членов семей невозвращенцев и изменников Родины разрешений на выезд за границу не выдается. Разрешение на выезд жене и сыну Корчного В. Л. создало бы прецедент, которым не преминули бы воспользоваться другие невозвращенцы и изменники Родины... Просим рассмотреть. 12. 06. 1978 г.

Через четыре дня последовал ответ: «Согласиться с предложениями Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР в отношении жены и сына — выписка из

протокола Секретариата ЦК. 16. 06. 1978 г. Совершенно секретно!»

Не коротко, но ясно.

А спустя несколько месяцев, в декабре 1978 года, — еще один впечатляющий документ:

Совершенно секретно! Постановление Секретариата ЦК КПСС. О лишении гражданства СССР Корчного В. Л. Результаты голосования: Суслов — за, Кириленко — за, Черненко — за, Долгих — за, Зимянин — за, Рябов — за, Горбачев — за.

И подпись каждого из членов Политбюро...

Важным и светлым событием того времени оказалась лишь встреча с госпожой Петрой Лееверик, пережившей в юные годы ужасы советских лагерей и ставшей единомышленницей, другом и верной спутницей в новой жизни Корчного.

А затем наступили годы возобновившегося соперничества уже на высшем уровне с главным шахматным врагом — Анатолием Карповым: сначала в 1978 году в Багио в матче, едва не увенчавшемся сенсационным успехом, а затем, спустя еще три года, в бесславном поединке в Мерано, поставившем точку в надеждах Корчного завоевать высший титул.

И вновь шахматы, шахматы, шахматы...

«Переехав на Запад, я был обеспечен в полной мере шахматной практикой, — писал В. Корчной. — Если раньше я играл не более 70 партий в год, то теперь 150».

Сколько же сил, терпения, воли потребовалось для такой карьеры; сколько жестокого соперничества, драматических ситуаций (и не только за шахматной доской), зависти и злопыхательств выпало пережить... И здесь истоки его сложного, бескомпромиссного, порой неуживчивого характера.

Корчной, особенно в молодые годы, был словно нацелен на противостояние. В его кодексе чести главенствуют принципиальность и нелицеприятие. Вот почему у Виктора нередки конфликты с коллегами, которые однозначно воспринимаются им как противники, журналистами, от которых он немало претерпел, и даже с организаторами турниров.

Вспоминаю, как-то в Копенгагене Корчной по существующей традиции в качестве победителя крупного международного турнира должен был выступить на церемонии торжественного закрытия. Что в таких случаях принято говорить? Естественно, слова благодарности, комплименты организаторам и другие банальности. Но Корчной разразился критикой и в адрес жюри турнира, и в адрес гостеприимных хозяев... «Виктор! Ведь они ждали от Вас совсем иного», — не смог скрыть я удивления. «А разве то, что я сказал, неправда?» — справедливо парировал он...

Чувство снисхождения незнакомо Корчному ни по отношению к коллегам, ни по отношению к себе самому. Как негодовал он однажды на мою реакцию после обидного проигрыша важной партии: «Не понимаю я Тайманова: проиграл выигранную позицию и как ни в чем не бывало резвится в компании с партнером. С таким характером зачем играть в турнирах?»

Можно поражаться и бойцовой одержимостью Корчного. За доской весь мир фокусируется для него на маленьких шестидесяти четырех клетках.

Как-то в далекие 70-е годы судьба свела нас в городском командном соревновании. Корчной возглавлял клуб профсоюзного общества «Труд», я — студенческий клуб «Буревестник». Случилось так, что наши команды должны были встречаться в день, когда в семье Корчного отмечал-

ся какой-то юбилей. Естественно, на вечер они пригласили друзей, и нас с женой в их числе.

— Бэлла, Вы ждете гостей, а нам с Виктором играть сегодня, — обратился я к жене Корчного.

— Эта партия не так уж важна для вас обоих, сделаете быстро ничью, — развеяла она мои сомнения.

Началась игра, быстро делаем первые ходы. Сценарий ясен, и я жду мирного предложения. Время идет, а Корчной все глубже погружается в раздумье. Наконец, не выдерживаю: «Виктор, ничья?» И в ответ неожиданно резкий отказ... Через несколько часов Корчной выиграл... Но какой ценой? Жена в слезах, гости разошлись, семейный праздник испорчен, да и сам победитель не может скрыть огорчения... Так сражается Корчной, и, думаю, эта одержимость позволила ему сохранить боевую активность на долгие годы.

Вот и теперь, когда многие ветераны, даже помоложе Корчного, лишь изредка поигрывают в свое удовольствие в небольших турнирах, Виктор с энергией, удивительной для его лет, буквально рвется в бой и выступает *non stop* по всему миру. И, главное, успешно!

И все же, в своем принципиальном убеждении, что «в шахматисте можно изменить все кроме характера» Корчной, к счастью, ошибся — с годами Виктор Львович стал куда мягче по натуре, да и контактнее... Он словно поладил с миром и самим собой, ершистым, тоже. Чувствуется, что на душе у Корчного потеплело.

И действительно, глобальные проблемы остались позади. Идею завоевания чемпионской короны он после Мэрано мужественно оставил как несбыточную; обретенное гражданство Швейцарии гарантирует стабильность; преданная и заботливая Петра всегда рядом; у Корчных уютная и ухоженная квартира в предместье Цюриха; матери-

альное благополучие; годами завоеванный авторитет и признание шахматного мира, а главное — неизменная «одна, но пламенная страсть» — шахматы...

И одержимость шахматами с годами не ослабевает.

— Виктор! Вы с Петрой составите компанию на экскурсию по каналам? — во время последней встречи на турнире «Леди—Сеньоры» в Амстердаме предложила моя жена.

— Но это ведь надолго...

— Все лучше, чем сидеть за шахматной доской, — настаивала Надя.

— Кому как, — возразил неугомонный Виктор.

Его работоспособности можно позавидовать. По окончании одного из туров, где я проиграл китайке Жу Чен, Корчной посочувствовал:

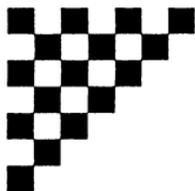
— Зачем Вы играете этот вариант? Он же устарел.

— Да поздно переучиваться...

— Вот это зря! Репертуар нужно обновлять непрерывно. Хотите, подскажу идею? Посмотрите мою партию с Вашей партнершей в новоиндийской — там есть ход а5, — Вам подойдет.

И верно, совет помог.

За доской Виктор по-прежнему неистов и бескомпромиссен, и планы у него гигантские. «Мне, думаю, предстоит еще сыграть тысячу-другую партий, — заявил он не так давно. И добавил: — Человеческий мозг способен работать независимо от возраста». И эту концепцию Корчной неумоимо доказывает на деле! Турнир следует за турниром, выступление за выступлением, поездка за поездкой...

О друзьях с улыбкой

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

«Гитлер словно гонялся за мной, — горько пошутил как-то Сало Флор. — Я жил в Чехословакии — он ввел войска туда; перебрался в Голландию — снова немецкое вторжение; уехал в Англию — стали бомбить Лондон...» Я перебил его: «Угрозило же Вас, Сало, искать пристанище в Советском Союзе...»

Куда только не забрасывала судьба Флоров! Мы познакомились в годы войны в Ташкенте, где играли в чемпионате города и разделили первое—второе места, что для меня, тогда еще кандидата в мастера, было весьма лестно. Там же, в Ташкенте, и подружились на всю жизнь. Флор был чешским подданным, женатым на очаровательной москвичке Раечке, сестре популярной в те времена эстрадной певицы Майи Кристалинской. А советское гражданство к Саломону Михайловичу Флору пришло в 1942 году в Грузии, куда он перебрался из Узбекистана и где оставался до конца войны.

Как иностранец, к тому же весьма именитый, он жил в лучшем отеле Тбилиси «Интурист» и пользовался, естественно, всеми привилегиями зарубежного гостя. И вот однажды в погожий летний день Флора приглашают в Президиум Верховного Совета Грузии и сообщают, что его просьба о приеме в советское гражданство удовле-

на и он может получить «серпастый», «молоткастый» паспорт. Давнее стремление осуществилось, и радостный Флор стал принимать искренние поздравления обретенных соотечественников. Тепло поздравил его и директор отеля, устроив пышный банкет в честь новоявленного советского гражданина. Как обычно в грузинском застолье, было сказано много красивых слов и выпито много вина, а уже за полночь, прощаясь, гостеприимный хозяин напомнил обласканному постояльцу: «Дорогой Сало! Мы были рады оказать Вам внимание в нашей гостинице, но теперь у Вас уже советский паспорт — „Интурист“ Вам придется оставить».

Общительный Сало Флор от природы не был наделен мужской статью. Небольшого роста, полноватый, с невыразительными, хотя и излучающими доброту и приветливость чертами лица, он не пользовался, подобно своему другу Андрэ Лилиенталю, успехом у женщин. Может быть, это дало повод его жене грубовато, но остроумно съязвить: «Охотно бы поменяла Сало на яйца». И добродушный Флор не обиделся, хотя в ответ на колкости умел давать сдачи — тонкий интеллект и чувство юмора были доминирующими в нем.

Как-то мастер Аронин по рассеянности не поздоровался с маститым гроссмейстером, Флор мягко пожурил молодого человека: «Давайте, Лева, договоримся: когда Вы станете старше меня, обещаю здороваться первым...»

На прогулке в Кисловодске к нам подошел пожилой прохожий.

— Добрый день, гроссмейстер, — обратился он к Флору. — Вы меня не узнаете? Как же так? Помните, в Москве во время международного турнира тридцать шестого года Вы давали сеанс одновременной игры в шахматном клубе и объявили мне шах конем на f7?

— Извините, коллега, — отводя упрек, оправдывался Флор, — но тогда Вы были без шляпы.

На одном из многочисленных выступлений его спросили:

— Гроссмейстер! Вы сыграли тысячи партий, какая из них была самой трудной?

— Несомненно, консультационная, которую мы сыграли вдвоем с Алехиным против англичан Томаса и Серджен-та в новогоднюю ночь с тридцать третьего на тридцать четвертый год в Гастингсе, — с улыбкой ответил Флор, — особыми были условия игры. На каждой клетке доски стояли рюмки с крепкими напитками, и, делая ход, игрок должен был опустошать рюмку, находившуюся на поле, куда ставил фигуру. Хорошо еще, что играли двое на двое — имели передышки. Но когда пришла моя очередь залпом выпить бокал виски с поля аб, поперхнувшись, готов был сразу сдаться. Увы, «недобравшие» партнеры запротестовали: «Нечестно! Продолжайте!» Кто выиграл, не помню. Кажется, англичане — к виски они привычнее...

С улыбкой вспоминал Сало о конфузе, испытанном им как-то в высокопоставленном кремлевском обществе. Во время традиционного приема по случаю годовщины Октября Флора представили Светлане Аллилуевой.

Польщенный гроссмейстер пригласил молодую даму за столик и стал галантно за ней ухаживать. Внезапно он осекся:

— Извините, Светлана, я все время называю Вас по имени и чувствую себя неловко. Как Ваше отчество?

— Иосифовна, — на полном серьезе подсказала дочь Сталина.

Сало Флор дружил с Михаилом Светловым и как-то предложил познакомить меня с замечательным поэтом: «Мар-

куша! Миша тяжело болен, и я хочу его навестить. Поедем вместе. Позвоню, узнаю, не нарушим ли мы его планы».

«Приезжайте, только захватите пиво. Рак у меня уже есть...» — грустно пошутил поэт...

Сало рассказывал, как однажды спросил Светлова, долго ли он сочинял свою бессмертную «Гренаду». Поэт задумался и ответил: «Сорок минут и всю жизнь...»

Будучи в 30-е годы одним из сильнейших гроссмейстеров мира, главным претендентом на матч с Алехиным за мировую шахматную корону, Сало Флор тем не менее рано расстался с честолюбивыми планами и уже в тридцать шесть лет практически сошел со сцены крупных международных форумов. Причин оказалось много: переживания, связанные с оккупацией родной Чехословакии, кочевая жизнь, финансовые проблемы. Но главное — свойства характера, не приспособленного к законам жесткой конкуренции. «Борьба за шахматный трон требует фантастического трудолюбия, а у меня его не было. Я не проливал пота над шахматами», — признавался Флор.

Его вторым призванием стала журналистика. Великолепный профессионал, глубоко знающий шахматы и шахматистов, вживавшийся в атмосферу крупнейших событий, к тому же наделенный наблюдательностью, доброжелательностью и юмором, Сало Флор был словно рожден раскрывать поклонникам мудрого искусства этот многогранный, увлекательный, противоречивый мир.

Его как-то спросили, трудно ли быть журналистом.

— Во всяком случае, легче, чем гроссмейстером, — с улыбкой ответил Флор. — Наблюдать со стороны и критиковать других проще, чем играть самому.

— А какой жанр Вам больше всего по душе?

— Любой, кроме скучного.

И этому девизу Сало следовал неотступно. Свыше двухсот пятидесяти статей, содержательных и остроумных, написал он только для самого популярного в те времена в СССР журнала «Огонек». Ему прощались даже некоторая «желтизна», обычно критиковавшаяся нашей прессой. Можно сказать, что целое поколение смотрело на шахматы глазами Флора.

Мне довелось вместе с Сало работать над книгой о XX чемпионате СССР. Это было легко и приятно. Правда, усердствовать он не любил: «Маркуша! Сделаем перерывчик, попьем кофеечка», — но каждую строчку выверял тщательно.

Его русский звучал свежо и образно. Он не признавал «выкрутасов», а писал, вернее, печатал статьи (с машинками — одна с латинским шрифтом, другая с русским — никогда не расставался) очень своеобразно: в каждом слове букв было больше, чем нужно, поскольку из-за своего мягкого чешского выговора он почти после каждой согласной ставил мягкий знак.

Сало был милым и скромным — о себе если и говорил, то только в шутливом тоне. Когда на склоне лет ему предложили написать мемуары, возразил: «Для этого я еще молод».

И впрямь, душой Сало никогда не старел...

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Делясь воспоминаниями о замечательных коллегах-шахматистах, с которыми свела судьба, рассказывая об их высочайшем мастерстве, уникальности, не могу пройти мимо самого удивительного по душевным свойствам друга, встретив которого полюбил на всю жизнь.

И пусть мои беглые зарисовки станут признанием в верности.

Андрэ Арнольдович Лилиенталь — в самом имени уже звучит гармония. Его идолами всегда оставались шахматы и женщины, пожалуй даже в обратном порядке. И обе ипостаси воплощали приверженность к красоте и совершенству.

Андрюшу не любить невозможно. Его глаза излучают доброту, радушие, мудрую наивность. Следит за модой, подтянут, по утрам неизменные водные процедуры — два ведра ледяной воды. Дожив до девяноста лет, он сохранил жизнелюбие и привлекательность джентльмена.

Андрэ Лилиенталь приехал в СССР в 1935 году из Европы, полюбил страну навсегда и остался здесь делить с нами радости и горести. А толчком к такому отважному шагу стала самая убедительная для венгерского донжуана причина: он влюбился. И хотя далеко не всегда подобные эмоции определяли его глобальные планы, на этот раз глубокое чувство полностью овладело душой Лилиенталья. По словам близких друзей, именно тогда он послал трогательную по наивности и искренности телеграмму в Будапешт жене: «Полюбил навсегда. Пойми и прости, что остаюсь. Люблю и тебя. Верю в твое счастье. Целую. Твой Андор».

И на естественный вопрос: «Зачем Вы написали „люблю и тебя“?» — он ответил просто: «К чему же обманывать? Я ведь ее тоже любил...»

Мы познакомились в годы войны на турнире в Баку, когда Лилиенталь был уже прославленным гроссмейстером — легендарным победителем самого Капабланки.

По-мужски привлекателен, элегантно одет, с русской красавицей-женой Евгенией Михайловной — вылитой Любовью Орловой, — Лилиенталь сразу же приковывал к себе взгляды и симпатии.

Владея многими европейскими языками, он за годы проживания у нас мало-помалу их забывал, не усваивая при этом как следует русский. И его речь стала обаятельно-забавной: «Козлоночка мой, — обращался он ко мне, — как это по-русски матери петуха щеночки? А, вспомнил, цыплонки».

Его крылатые обороты: «какая сегодня лунная ночь», «это мой любовный ход» и безапелляционное «абсалатно» вошли во многие байки.

Слывет он и знатоком русских пословиц: «Мне рыба по колену», «Не все коту масло»...

Большой ценитель и поклонник женщин, Андрэ не мог равнодушно взирать на юных красавиц: «Маркуша! Посмотрите, какой хрустящий девушка. Я на ней обязательно женюсь».

Рассказывают, что при огромной любви к своей жене Андрюша не отказывал себе и в дополнительных мужских радостях, и у него на такие случаи даже была арендована маленькая квартирка в центре Москвы. Однажды Евгения Михайловна его, что называется, застучала, и он классически отвел удар. «Жена, — воскликнул он, с ударением на первый слог, — ну что я мог поделатать? Она заперла меня и насильничала».

Любовь к женщинам всегда определяла жизненную философию Андрэ. Он говорил: «Маркуша! Когда они перестанут меня волновать, я повешусь». Зная правдивость Андрюши и исполненное оптимизма сохранившееся жизнелюбие, остается лишь позавидовать Казанове наших дней.

Ценитель прекрасного, Лилиенталь не упускал случая насладиться женской сексапильностью. Даже приобретая подарки для жены в бутиках, он выбирал наиболее привлекательных продавщиц и просил их примерить на-

меченные к покупке предметы женского туалета. А как он выбирал косметику?! Из парфюмерных магазинов выходил непременно с разноцветными следами помады от поцелуев.

Но выше всех ценил русских женщин, не упуская случая восславить их достоинства. Даже на моем юбилее в Петербурге поднял бокал за прекрасных дам и признался: «За долгую жизнь я понял, что жениться нужно только на русских. Лучших женщин в мире нет! У меня было три жены и все русские. С первой мы прожили пятьдесят лет. Сейчас у меня чудесная супруга Ольга. Правда, немного „старовата“ — всего лет на тридцать моложе».

Лилиенталь сохранил и трепетную любовь к шахматам. Он уже давно не выступает в турнирах, хотя в лучшие годы славился ярким стилем игры и победами на крупных состязаниях — однажды даже поделил первое место на сильнейшем чемпионате СССР, — но, как и прежде, увлеченно анализирует, пишет статьи.

Его высоко ценили как тренера. Лилиенталья приглашали в качестве секунданта на матчи за мировую корону Василий Смыслов, Тигран Петросян. У Андрэ был очаровательный подход к анализу отложенных позиций своих подопечных. На доске выигранная позиция, все основания искать пути к победе, но Андрюша для верности предлагает: «Тагеранчик (так называл он Тиграна)! Для сначала найдем верную ничью...»

Как профессиональный практик, Лилиенталь при самобытном таланте, пожалуй, не реализовал себя в полной мере. Хотя с шестью чемпионами мира, начиная с Эмануила Ласкера и заканчивая Василием Смысловым, он сыграл в общей сложности более тридцати партий с вполне достойным балансом и выиграл дюжину крупных международных турниров, в целом его спортивные достижения усту-

пали творческим. И причина очевидна — Лилиенталь слишком добр по натуре, с его мягким характером суровость шахматных баталий несовместима. Флор рассказывал: «Андрэ, обыгрывая противника, словно чувствовал себя виноватым, порой даже извинялся. А когда однажды в Москве победил Эмануила Ласкера, в глазах Андрэ я видел слезы, и он долго просил прощения у шестидесятивосьмилетнего экс-чемпиона мира...»

Но «недобрав» в карьере, Андрэ много выиграл в жизни. Друзьями Бог его не обделил...

НЕОБЫЧНЫЙ ДАР

Мои друзья-шахматисты в большинстве своем люди разнообразных жизненных достоинств. Не зря народная мудрость гласит: «Талантливый человек талантлив во всем». А потому среди выдающихся гроссмейстеров есть и крупные ученые, и профессиональные музыканты, и филологи, и политики. Но мой добрый приятель гроссмейстер Эдуард Гуфельд обладал совершенно уникальным, специфическим даром — он умел выгодно покупать вещи. Иными словами, торговаться как никто другой. И, что самое замечательное, отнюдь не из жадности — человек он по натуре был очень широкий, — а от увлеченности самим процессом, таким психологическим единоборством. Делал это изобретательно, артистично, весело и с творческой фантазией.

Впервые я имел возможность оценить такую способность в давние годы где-то на берегу океана.

В ожидании дальнего рейса у нас выпало свободное время позагорать на роскошном тропическом пляже. По берегу в поисках разомлевших от солнца и скуки, а потому

покладистых туристов сновали продавцы сувениров. Вижу, Гуфельд оживился:

— Сейчас что-нибудь куплю, — и подозвал громадного негра, предлагавшего экзотические фигурки из черного дерева. — Это то, что нужно, — констатировал Эдик и задал главный вопрос: — Сколько?

Ответ последовал незамедлительно и прозвучал впечатляюще:

— Сто! (Не помню, в какой валюте, а потому цифры условные, важные лишь для наглядности.)

— Четыре! — не моргнув глазом парировал Гуфельд. Такого потрясения продавец сувениров, видимо, не испытывал никогда, и, думаю, не будь у Гуфельда мощного торса, килограммов этак на сто с лишним (до завтрака), ему бы несдобровать. Но могучий негр, взяв себя в руки и не желая терять клиента, пошел навстречу:

— Девяносто! — Это была уже победа, но не окончательная, и Гуфельд настойчиво повторил:

— Четыре! — Дальше торг пошел быстрее.

— Восемьдесят, — предложил негр.

— Пять! — уступил Эдик. Компромисс стал возможен.

— Семьдесят!

— Шесть...

— Шестьдесят пять!

— Семь...

Короче, Эдик приобрел фигурку за... десятку. Довольный успехом, он предстал перед удивленными коллегами, когда подбежал Давид Бронштейн и стал хвастаться подобной покупкой: «Не поверите, но я взял ее всего за полтинник...» Гордости Гуфельда не было предела.

Как-то в Белграде, прогуливаясь по торговым улочкам, Гуфельд наметанным глазом приметил витрину мехового магазина с заманчивой вывеской «Распродажа»: «Зайдем,

мне как раз нужна дубленка». Выбрав понравившуюся, Эдик приценился и задал вопрос, входящий в обиход его испытанных способов эпатировать хозяина: «А для меня?» Природу психологического воздействия подобной завязки торга объяснить не берусь, но могу констатировать, что действовала безотказно. Обычно удивленный продавец, то ли пытаюсь вспомнить, чем он обязан убежденному в особых привилегиях покупателю, то ли от неожиданности, но некоторую скидку обозначает сразу. Следует новый удар:

— А если мы купим две? — кивает он в мою сторону.

— Тогда, естественно, будет дешевле.

— А три? — развивает наступление Эдик.

— Уступлю еще...

И заключительный аккорд:

— Я приведу нашу команду, они купят сразу шесть дубленок по этой цене, но за услугу — мне бесплатно! — И что замечательно — довольны все!

Кстати, Гуфельд всегда проявлял заботу о коллегах. Вспоминаю, как в Севилье в первый же день приезда корреспондентом на исторический матч Каспарова с Карповым Эдик, захватив целую сумку сувениров, отправился на главную торговую улочку и сделал ознакомительный рейд по десятку магазинов. В каждом дарил хозяину сувенир и договаривался: «Я направлю к Вам моих друзей, если скажут: „От Гуфельда“, сделайте им, пожалуйста, скидки...» Действовало...

В той же Севилье делегацию шахматистов пригласили на известную кожевенную фабрику.

— Выбирайте. У нас цены производственные, покупать выгоднее, чем в магазинах.

Цифры устроили всех, кроме, естественно, Гуфельда. Попросив скидку, он объяснил свое кредо:

— Понимаете, я никогда в жизни не покупал вещи по стоимости, указанной на ярлыке.

— Но ведь это себестоимость, — возражали хозяева.

— Я просто не могу иначе, — заявил непреклонный Гуфельд и... добился своего. Его убежденность показалась достойной уважения, подобно религии.

Но однажды пришлось столкнуться и с жалобой в адрес предприимчивого друга. Возвращаясь с выступлений по Индонезии, я в ожидании рейса на Москву вынужден был задержаться в Сингапуре на три дня. Свободного времени более чем достаточно, так почему же не совместить приятное с полезным — и город посмотреть, и себя показать. Я позвонил в местную шахматную федерацию и предложил провести сеанс одновременной игры, что встретило восторженную реакцию. «А каковы Ваши условия?» — естественно, поинтересовались организаторы. Такой вопрос всегда порождает колебания — хочется и не продешевить, и не отпугнуть...

И тут я вспомнил, что незадолго до того в Сингапуре гастролировал Гуфельд. Он-то уж точно знал, чего хотеть, и мне оставалось лишь сослаться на его пример. «Готов дать сеанс на условиях Гуфельда», — предложил я, но в ответ услышал немедленное возражение: «Нет, нет, только не это! Правда, Ваш коллега запросил лишь хороший отель и питание раз в день в ресторане, и мы, поразившись его скромности, сразу же согласились. Но все обернулось расходами непомерными. Гуфельд действительно питался в дорогом ресторане всего один раз, но... с утра до вечера...»

Жаль, что необычные достоинства моего славного коллеги не передаются с генами по наследству. Совсем недавно и, как это бывает, совершенно случайно выяснилось, что фамилия моей бабушки по отцовской линии была тоже

Гуфельд и, более того, наши генеалогические ветви с Эдиком где-то переплелись.

Когда он порой звонил мне из Лос-Анджелеса, где обосновался, неизменно представлялся: «Ваш бедный родственник...»

Увы, милые телефонные разговоры оборвались навсегда... Эдик умер в конце 2002 года.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ МУЗЫКИ

Несколько лет назад спортивный комментатор петербургского телевидения Эрнест Серебренников во время интервью задал мне неожиданный и интересный вопрос: «Марк Евгеньевич! Вы — шахматист и пианист, и конечно, не раз задумывались о взаимосвязи этих, казалось бы, полярных жанров искусства. А могли бы Вы через музыкальные ассоциации сравнить творческие образы великих шахматистов с великими композиторами?»

Признаться, я оказался застигнутым врасплох, но «под дулом» телекамеры вынужден был спонтанно фантазировать. Я объяснил, что такое восприятие и параллели крайне субъективны, и партии замечательных шахматистов могут иметь самые разные толкования. Но если графологи берутся судить о человеке по почерку, то и по почерку шахматному, да и музыкальному, можно представить индивидуальные свойства незаурядных личностей, и значит сопоставить их. А потому экспромтом назвал пришедшие на ум параллели.

Итак, если начать издалека, то первый чемпион мира Вильгельм Стейниц — великий мыслитель, стратег, родоначальник различных направлений в исторической эволюции шахмат сразу же вызывает в памяти образ гениального Иоганна Себастьяна Баха с его глубиной, возвышен-

Бобби Фишер в юные годы.

Роберт Фишер накануне восхождения на шахматный Олимп.
Конец 1960-х гг.

Фрагмент драматического единоборства в Ванкувере.
Шестая заключительная партия матча, 1971 г.

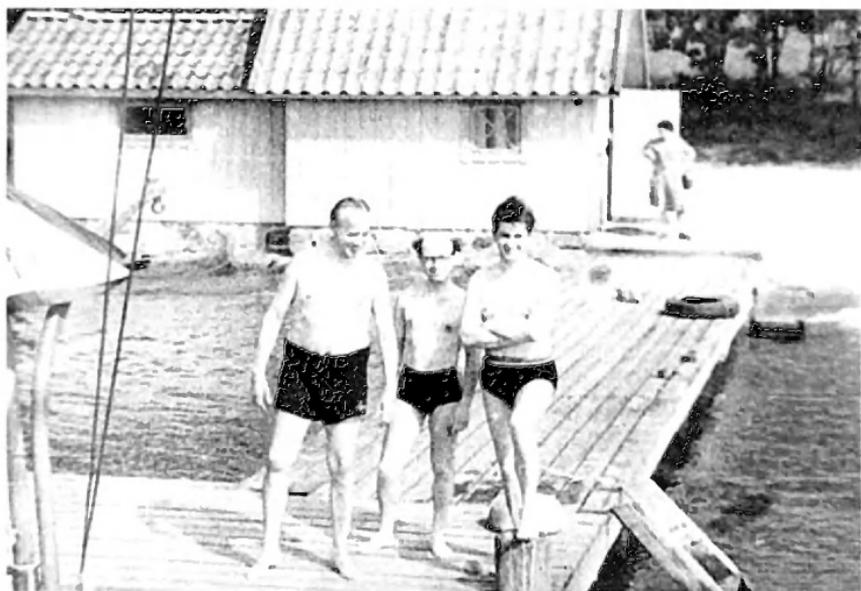
С М. Талем и Е. Геллером на XXV чемпионате СССР в Риге, 1958 г.

На XX чемпионате СССР. На демонстрационной доске —
партия конкурентов. Д. Бронштейн, В. Корчной и я, 1952 г.

Тигран-чемпион! 1963 г.

Участники мемориала Тиграна Петросяна у памятника
на армянском кладбище в Москве, 1999 г.

С Давидом Бронштейном всегда интересно. Кишинев, 1975 г.

Д. Бронштейн и П. Керес в гостях у президента ФИДЕ Фольке Рогарда на даче под Стокгольмом, 1954 г.

В гостеприимном доме Виктора Корчного
в Цюрихе, 1998 г.

В. Корчной не чужд веселых застолий. Канны, 1998 г.

С лучшим другом Чессом. Петербург, 1997 г.

Альтернативный сеанс одновременной игры на тридцати досках
с Юрием Авербахом на шоколадной фабрике «Бонафиде»
в Буэнос-Айресе, 1954 г.

Как молоды мы были... С Василием Смысловым
на Трафальгар-сквер в Лондоне, 1953 г.

Гроссмейстерский дуэт на телестудии в Цюрихе, 1953 г.

40 лет спустя в Петербурге

С другом и многолетним секундантом Сало Флором.
Сочи, 1953 г.

Бескомпромиссный поединок, 1978 г.

Мы с Гарри Каспаровым в гостях у Георгия и Аркадия Вайнеров.
Москва, 1986 г.

Матч-турнир сборных команд Советского Союза.
Первый поединок с Анатолием Карповым. Москва, 1973 г.

Андрэ Лилинталь — дорогой гость на моем семидесятилетии.

Эдита Пьеха поздравляет юбиляра, 1996 г.

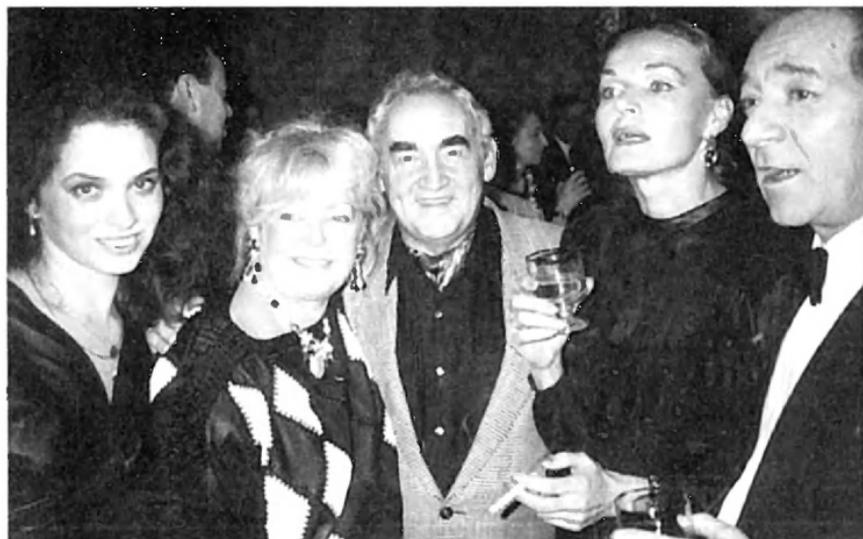
На первом историческом «матче века» СССР — остальной мир.
С легендой мировых шахмат аргентинцем Мигуэлем Найдорфом.
Белград, 1970 г.

«Прощальное танго в Вейк-ан-Зее» победителей международного
турнира 1970 г. Наны Александрии и Марка Тайманова.

В гостях у Бориса Спасского в Париже организатор сенсационного матча-реванша Б. Спасский — Р. Фишер, Василевич и мы, 1998 г.

С Гарри Каспаровым на «шашлыкиаде»
в Гуманитарном университете профсоюзов. Петербург, 2000 г.

На светском рауте. В кругу родных и друзей. Петербург, 1993 г.
Жена Надя, сестра Ирина, Людмила Чурсина и Юрий Темирканов.

Новый год с Бэллой Ахмадуллиной и Василием Аксеновым.
Москва, 1991 г.

«Алкогольный вариант» — Музей водки в Мандрогах
на реке Свирь, 2001 г.

С любовью к соавтору. Петербург, 2001 г.

Автор. Дружеский шарж художника И. Соколова,
эпиграмма Евг. Ильина.

ным интеллектуализмом, монументальностью и широтой этических и философских взглядов.

Другой классик — Эмануил Ласкер, развивший многие из научных постулатов своего предшественника, — мыслитель и творец, уделявший внимание психологическим аспектам борьбы, воскрешает в памяти масштабные, насыщенные эпическим содержанием и яркие по звучанию опусы Людвиг ван Бетховена.

О несравненном Хозе Рауле Капабланке, словно излучавшем и в жизни, и в партиях светлое мировосприятие, игравшем интуитивно, непосредственно и филигранно, можно говорить еще более определенно. Это, бесспорно, Вольфганг Амадеус Моцарт.

Проведенные параллели символизируют классические тенденции и в музыке, и в шахматах.

Следующий чемпион мира Александр Алехин уже из другого художественного направления. Он — романтик. И романтик русский. Его партии — это стихия темпераментной фантазии, ярких образов, эмоционально насыщенных сюжетов. Таким вошел в историю и его соотечественник Сергей Рахманинов, чья музыка исполнена романтического содержания, широкой русской напевности.

Не смог я тогда подобрать музыкальное сравнение пятому чемпиону мира. Быть может потому, что Макс Эйве был профессиональным ученым, математиком, личностью рациональной — интеллектуальных свойств и художественно-эмоциональных ассоциаций не будоражил. Хотя, уверен, уделив время и пофантазив, найти музыкальную параллель доктору Эйве, конечно же, вполне возможно.

Михаил Моисеевич Ботвинник — тоже человек науки и тоже прагматик в жизни. Но его шахматный стиль выходит за рамки узкотехнических трафаретов и дает повод к ху-

дожественному восприятию. Партии Ботвинника насыщены масштабностью замыслов, в них ощущается мощный интеллект творца, широкий арсенал используемых средств. Здесь моя импровизация покажется и вовсе суперсубъективной, но первое, что пришло на ум, — это монументальные творения Рихарда Вагнера.

Зато с Василием Васильевичем Смысловым дело обстоит куда проще. Его гармоничный талант, кстати, охватывающий и шахматы, и музыку, лирическая романтичность, художественная простота идей вызывают в памяти чарующие звуки музыки Петра Ильича Чайковского. Не случайно в репертуаре баритона Смылова романсы великого русского композитора занимают достойное место.

Гениальный Михаил Таль был многолик и в жизни, и в творчестве. Ему в равной степени по душе как веселое моцартианство, так и демонизм и виртуозность Николо Паганини. Порой, жертвуя на алтарь атаки фигуры, Таль, подобно великому скрипачу, достигал дьявольской выразительности, играя «на одной струне». Сам же Таль, как я где-то прочел, оценивал себя скромнее: «Перед вами — Имре Кальман».

В Тигране Петросяне разобраться не просто. Он, быть может, единственный в истории чемпион, стиль и творчество которого остается нераскрытым. И если в период становления на подходе к Олимпу главным девизом Петросяна было: «Безопасность прежде всего», то в годы высших достижений в полной мере раскрылся и его художественный потенциал. На музыкальном языке это прозвучало бы в диапазоне от сдержанно скупых по выразительности, но безупречных по мастерству произведений Карла Черни до масштабных опусов композиторов-классиков.

Ясная, гармоничная логика игры Бориса Спасского сродни мелодике Фридерика Шопена. Та же пластичность

замыслов, совершенство формы и эмоциональная взрывчатость фантазии. Порой пробивается, правда, и изысканная пикантность Клода Дебюсси.

Роберт Фишер — фигура масштабная, полифоничная, со сдержанным, но бурлящим в глубине натуры темпераментом, — эти свойства великого шахматиста я сполна испытал в трудных поединках нашего многострадального матча. А потому слышу в содержательных партиях одиннадцатого чемпиона могучую палитру музыки Ференца Листа — красочность и волевою неустойчивость.

О творческой манере Анатолия Карпова, легкой по рисунку, но глубокой и современной по содержанию, можно сказать словами Жана Кокто: «Стиль — это простой способ говорить сложные вещи». Так создавал свои замечательные балеты Сергей Прокофьев, вторым «я» которого, по собственному признанию, были шахматы. Наслаждаясь партиями Карпова, можно погрузиться в волшебный мир «Золушки», «Ромео и Джульетты»... И наоборот, слушая прозрачное звучание этих шедевров, вспомнить творческие откровения двенадцатого чемпиона мира.

И наконец, о ярчайшем Гарри Каспарове, тринадцатом чемпионе мира. На нем и закрываю список, поскольку личностей подобного масштаба шахматный мир пока больше не подарил.

Конечно, и Александр Халифман, и Владимир Крамник, и Виши Ананд и даже юный Руслан Пономарев — шахматисты огромной практической силы. Но, признаться, не утвердились они в моем (подчеркиваю субъективность восприятия!) сознании в масштабе великих исторических фигур. А потому и музыкальных ассоциаций не вызывают.

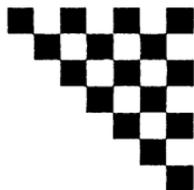
А Гарри Каспаров — символ динамичного, бурлящего века — отразил в шахматном творчестве и противоречи-

вость своего времени, и стремительность разворачивающихся на глазах событий, и сложность возникающих глобальных проблем, и значимость новейших технических открытий. Каспаров — Шостакович в шахматах. И его творческий симфонизм сродни гениальным творениям величайшего композитора XX века.

Повторю, мои ассоциации родились спонтанно. Они абсолютно субъективны и были сиюминутной импровизацией. Наверняка, углубившись в сложную тему сопоставления мира творцов музыки и шахмат, нашел бы более точные параллели. Но оставлю как есть. Первые эмоции обычно самые сильные.

На родине шахмат

Среди воспоминаний о «самых-самых», кроме впечатлений от встреч с друзьями, выдающимися личностями, от удививших эпизодов и событий, хочется рассказать о самом-самом необычном путешествии — о поездке по стране, исполненной легенд и окутанной тайнами. Я говорю об Индии.

Много лет назад, в начале 1964 года советские гроссмейстеры получили приглашение посетить Индию для дружеских встреч с мастерами и любителями древней игры. Предложение было заманчивым и исторически знаменательным, поскольку впервые шахматисты второй родины шахмат, как уважительно признавали СССР во всем мире, удостоились чести быть званными на их историческую родину.

Выбор пал на нас с Юрием Авербахом, и с огромным интересом мы отправились в далекий путь.

Пытливые востоковеды утверждают, что в основе создания шахмат лежит известная с IV века древнеиндийская игра чатуранга, где движение по доске фигур, символизирующих четыре рода войск, — колесниц, слонов, конницы и пехоты, руководимых раджой, — определялось бросанием игровых костей и завершалось полным истреблением сил. При этом армии располагались по четы-

рем углам доски, и игроков в бою участвовало тоже четверо. Но это предыстория, основанная на исследованиях, а легенды куда романтичнее.

...В далекие-предалекие времена жестокий и жадный раджа, захвативший многие земли, возомнил себя беспредельно великим и всемогущим. Он вершил суд и не терпел возражений. Но однажды услышал слова мудреца: «Ты, раджа, велик, но без своего народа не одержал бы ни одной победы», — и пришел в негодование. «Докажи мне это, нечестивец!» — потребовал раджа, пригрозив смертью. Мудрец справился с задачей — он показал властителю игру, где полководец бессилен без помощи своего войска выиграть битву. Раджа удивился, но смысл увиденного понял и оценил. Он был в восторге от забавы и решил вознаградить ее создателя со всей щедростью. Каково же было его удивление, когда мудрец попросил не золото, не драгоценности, а... обыкновенное пшеничное зерно. Правда, не одно, а столько, сколько покажет расчерченная на клетки доска, если на первую клетку положить одно, на вторую — два, на третью — четыре, на четвертую — шестнадцать зерен и так до тех пор, пока не покроются все шестьдесят четыре клетки. «И это все?» — поразился такой скромности раджа. Но когда на следующий день спросил слуг, выполнено ли пожелание старца, услышал ответ: «Еще считаем...» Когда же на другой и третий день картина повторилась, разъяренный властелин приказал выгнать слуг, не выполнивших его требование. Он не знал, что не только его закромов, но и урожая всего мира для этого недостаточно.

Эта легенда основана на математических закономерностях, но есть легенда и поэтичная.

В небольшом индийском селении юная красавица любила пылкого юношу. Они соединили судьбы и зажили

в согласии. Казалось, счастье молодой четы было полным, но муж надолго покидал родной кров: он был смелый воин, и ратная слава влекла его в чужие края. Горько страдала в одиночестве жена. Но однажды молодую женщину осенила мудрая мысль. «Нужно придумать игру, которая вызвала бы переживания настоящего боя, — решила она. — Пусть эта игра сверлит ум, тревожит сердце, приносит радость победы и боль неудачи, и муж больше никогда не покинет дом».

Лирики утверждают, что шахматы родились именно так.

Приезд советских гроссмейстеров в Индию был организован со всеми почестями. Ему был придан протокольный статус министерского уровня. По прибытии в Дели нам вручили приветственную телеграмму от вице-президента страны Закира Хусейна, где наряду со словами гостеприимства выражалась надежда, что встреча поможет индийским шахматистам поднять уровень их игры.

Программа была насыщена до предела. За две недели пять городов — Дели, Калькутта, Мадрас, Хайдарабад, Бомбей, двадцать выступлений, три сотни партий. Словом, при всем радушии и щедрости приема эксплуатировали нас как аборигенов в колониальные времена. Главным содержанием гастролей стали сеансы одновременной игры на двадцати пяти — тридцати пяти досках.

Вопреки предположениям, выступления оказались весьма трудными. В Индии шахматные традиции велики, любительский уровень достаточно высок. Сразу же бросалась в глаза серьезность наших партнеров и своеобразное искусство их игры, особенно в середине партии. Объяснение оказалось любопытным. В Индии современные правила игры прижились не так давно, а в народе и сейчас еще живы традиции, по которым, скажем, пешки из начального положения двигаются только на одно поле, а по дос-

тижении последней горизонтали лишь две из них могут обратиться в ферзя, да и то, если другого на доске уже нет. Остальные пешки превращаются в фигуру в соответствии с вертикалью, на которой находятся: крайние — в ладьи, соседние — в коней и слонов; рокировки не существует, а король, если он не был под шахом, может однажды «прыгнуть» конем; при положении «пата» патающая фигура снимается с доски, и игра продолжается. Словом, атавизмов много.

На сеансах встречались и забавные казусы. В Хайдарабаде мы с Авербахом играли альтернативно. Это особый вид сеанса, когда гроссмейстеры делают ходы поочередно, передвигаясь вдоль досок на определенном расстоянии друг от друга. Трудность для сеансеров в том, что в одной и той же позиции у каждого могут зародиться разные идеи — один решит начать атаку на одном фланге, а другой захочет проявить инициативу на противоположном участке доски. Да и ситуации на доске возникают не последовательно, ход за ходом, как у партнера, а скачкообразно, через ход. И вот Юра, подойдя к очередному столу, замечает странную метаморфозу — с доски исчез слон (тот самый случай, когда «слона-то он и не приметил»). Куда делся? Авербах подозвал меня — объяснения не нашлось. Пришлось совместными усилиями реконструировать ход партии от начала до спорной позиции и убедиться, что нашего слона «сдуло» с доски. Невозмутимый индус наверняка даже не слышал об Ильфе и Петрове, но идеи великих сатириков и их героя Остапа Бендера, видимо, витают в воздухе и не знают границ. Организаторы долго извинялись.

Как ни удивительно, в те годы Индия, имевшая многовековую шахматную историю, по существу, лишь начинала путь интеграции в мировое шахматное сообщество — толь-

ко в начале 50-х годов создала свою федерацию и тогда же вступила в ФИДЕ. Не было в Индии и сильных мастеров, не говоря уже о гроссмейстерах. Пожалуй, лишь однажды там вспыхнула яркая шахматная звезда, которая как загадочно засветилась на международном небосклоне, так драматически быстро и погасла.

Это случилось в 30-е годы, когда в одном селении стал проявлять удивительные шахматные способности подневольный слуга могущественного раджи Султан-Хан. Успехи молодого индуса в состязаниях с земляками стали настолько впечатляющими, что хозяин решил отправить его в Европу попытать счастья в игре с известными мастерами. И Султан-Хан не обманул надежд. Неграмотный, не знавший теории самородок стал побеждать прославленных шахматистов. Он трижды выигрывал чемпионаты Англии, успешно выступал в международных турнирах, победил в матче самого гроссмейстера Савелия Тартаковера и лишь на очко уступил знаменитому гроссмейстеру Сало Флору. Загадочного индуса англичане даже включили в свою национальную команду, и он возглавлял сборную Англии на всемирных шахматных Олимпиадах. Увы, блистательная карьера Султан-Хана оборвалась неожиданно и трагически. Чем-то прогневавшийся раджа вернул своего бесправного слугу на родину, и талантливейший шахматист — надежда и гордость Индии — прекратил выступления. Навсегда. Еще лет тридцать он пребывал в неизвестности и умер в 1966 году...

С тех пор много воды утекло в Ганге. Шахматная жизнь обрела поддержку, стали регулярно проводиться крупные международные турниры (в одном из них в Нью-Дели двадцать лет назад довелось участвовать и мне), выросли талантливые молодые шахматисты, а апофеозом и триумфом индийских шахмат стало завоевание титула чемпиона мира

выдающимся гроссмейстером брамином Висванатаном Анандом в 2000 году. Многовековая история родины шахмат увенчалась золотой короной!

Льщу себя мыслью, что тот давний и первый визит советских гроссмейстеров дал толчок и послужил импульсом стремительному взлету индийских шахмат из прозябания во славу. Но, возвращаясь в памяти к той поездке, добавлю, что самое сильное впечатление осталось даже не от увлекательных встреч с индийскими шахматистами, а от мимолетной встречи с индийским... факиром.

Она случилась незадолго до нашего отъезда домой. При крайнем дефиците свободного времени, отпущенного нам плотной программой, когда выступления следовали нон-стоп одно за другим, и даже запланированные протоколом экскурсии ограничивались лишь хрестоматийными достопримечательностями, для осуществления каких-либо собственных планов приходилось либо просыпаться ни свет ни заря, либо выкраивать паузы за счет спринтерских скоростей в сеансах.

Признаться, одним из сокровенных желаний было «отметиться» в Индийском океане. Поднявшись в шесть утра, мы с Авербахом на машине отправились за тридцать пять километров в деревушку Махабалипурам, что на самом побережье. Наконец-то мы увидели непарадную Индию — поля, плантации, развалины, старинные храмы, живущих непосильным круглосуточным трудом людей. Добрались до заветной цели — океана. Правда, купание в тридцатиградусной воде, где чувствуешь себя клецкой в бульоне, предполагало скорее ритуальный характер, но мы были настроены оптимистично.

И в этот момент услышали по-английски: «Джентльмены! У Вас есть возможность увидеть нечто удивительное, не пожалейте рупий!» Обернувшись, в тени ветвистого де-

рева мы увидели живого факира, каким представляли его по картинкам с детства. Он сидел на низкой скамеечке, в чалме, одетый в длинную тканую белую рубаху и зауженные книзу штаны, босой, а рядом стояли корзинки, из которых высовывались головы змей. Рядом, привязанный на веревочке, дремал хищный мангуст.

«Джентльмены! Подходите! Я знаменитый факир, не верите? У меня есть рекомендации. На каком языке хотели бы прочесть?» Чтобы посрамить провинциального хвастуна, мы тут же решили: «На русском!» Каково же было удивление, когда индус, порывшись в карманах своего обширного балахона, извлек бумажку, бережно завернутую в целлофан, при первом же взгляде на которую стало ясно, что это подлинник. Слово «Справка» обмануть не могло. А ниже в лучших традициях бюрократического стиля следовало: «Настоящая дана факиру (имярек) в том, что он владеет искусством шпагоглотаия, провидения» и т. д., и т. п. И подписи — командир корабля, замполит, и для убедительности внушительная печать. Так-то!

Чувствуя, что удар попал в цель, факир решил закрепить успех. Еще мгновение, и он извлек (на этот раз из портмоне, где, видимо, хранил наиболее ценные бумаги) небольшую фотографию космонавтов В. Терешковой и В. Быковского. А автографы свидетельствовали о том, что факир получил ценный сувенир из рук героев.

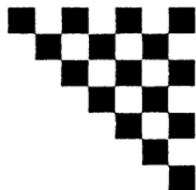
Судьба наших рупий была predetermined. Мы достали пятерку и настроились на необычное зрелище. Расходы себя оправдали полностью. Для разминки факир показал бой кобры с мангустом, где, впрочем, ожидаемой схватки не произошло — зверек без подготовки набросился на змею и перегрыз ей шею. Затем последовали игры с огнем, шпагоглотаия, танец на осколках и прочие номера программы.

Когда мы решили, что чудеса исчерпали себя, факир вновь обратился с нетривиальным предложением: «Еще пять рупий, и я назову имя Вашей жены!» Я в шутку заметил, что накануне возвращения домой моему другу полезно это напомнить, и не остановился перед расходами. И тут действительно произошло чудо... «Прочтите записку, которая у Вас лежит в кармане рубашки», — сказал факир Авербаху и удалился. Юра достал клочок бумаги и обомлел — латинскими буквами там было написано «ADA».

Прошли десятилетия, мы с Юрой не раз вспоминали этот загадочный эпизод, но никакого материалистического объяснения так и не нашли...

Драматургия памятных единоборств

В нескончаемом ряду воспоминаний о «самых-самых» у шахматиста отведено значимое место и для сыгранных партий. По скромным подсчетам, только турнирных и матчевых поединков у меня наберется под пять тысяч, а сколько еще дружеских, неучтенных. Но, разумеется, совсем не многие прочно западают в память. Может быть, единицы. Это партии, окрашенные ярким эмоциональным фоном, вызвавшие глубокие переживания как радостные, так и огорчительные, отмеченные исключительностью привходящих обстоятельств, а то и повлиявшие на жизненные события.

Одной из подобных, знаменательных и увлекательных по сюжету, должна быть признана партия с гроссмейстером Анатолием Лутиковым. Она игралась в последнем туре чемпионата СССР 1969 года и в значительной мере определяла шахматную судьбу и перспективу на целых три года. Чтобы попасть в «обойму» честолюбивых фаворитов, обретающих официальные права в борьбе за мировую корону, мне необходима была только победа. Задача представлялась посильной. Я переживал тогда в карьере «вторую молодость», выступал успешно, имел немало высоких результатов, испытывал подъем и оптимизм.

Поединок сложился на редкость драматично — мне выпало пережить и упоение борьбой, и нервный спад, на-

дежды и разочарования, словом, всю гамму эмоций. «Партией жизни» назвал ее мой добрый друг — страстный поклонник шахмат, выдающийся драматург Леонид Зорин. Он присутствовал на том поединке, и доверю ему рассказать о впечатлениях. У него получится лучше: «Пока игралась эта партия, я жил, что называется, полной жизнью. Было и напряжение мысли, и сопричастность таймановскому вдохновению, и азарт борьбы, и надежды, сменявшиеся смятением, и, наконец, душевный подъем, когда прозвучал последний аккорд этого поистине полифонического произведения».

А затем были овации зала, объятия и поздравления друзей, а я впервые в жизни закурил сигарету. Этой партии суждено было сыграть важную роль в судьбе — она явилась трамплином к взлету на межзональном турнире на Майорке, а потом, увы, и к потрясениям матча с Фишером. Ее позабыть нельзя.

Иной сюжет у поединка с Ботвинником на XX чемпионате страны. Я уже поделился огорчениями, выпавшими мне при встрече с Учителем, когда возникший в процессе борьбы диалог о мирном соглашении привел к конфликту и на некоторое время омрачил наши отношения. Годы прошли, а горький осадок остался...

Но случаются казусы и драматичнее.

Первенство СССР 1951 года определяло не только чемпиона, но и пятерых участников предстоявшего межзонального турнира в Стокгольме, являвшегося важным этапом в системе борьбы за мировую корону. Для молодых советских мастеров, зарекомендовавших себя достойными соперниками нашим прославленным матадорам М. Ботвиннику, П. Кересу, В. Смыслову, С. Флору на внутрисоюзных соревнованиях, впервые выпал реальный шанс вырваться на широкую международную арену и, быть может, завое-

вать гроссмейстерский титул. Конкуренция сложилась беспощадная, но к последнему туру четыре кандидатуры определились. Ефим Геллер, Тигран Петросян, Юрий Авербах и я практически забронировали себе места на «межзональном корабле». Оставалось еще одно, и на него претендовал талантливый и яркий мастер Лев Аронин. Но задача ему предстояла далеко не простая — нужно было «по заказу» выиграть у самого В. Смылова. По ходу борьбы казалось, что отважный борец близок к цели, — после пяти часов игры к моменту откладывания партии Аронин добился выигрышного положения. Общая оценка и предварительные анализы прогнозировали его бесспорную победу. Друзья от души поздравляли. Аронин ликовал и на радостях даже устроил для коллег небольшой банкет в ресторане. Все представлялось в радужных тонах. Оставалось лишь уточнить конкретными вариантами наиболее радикальный путь к желанной цели. В распоряжении оставалось достаточно времени.

На следующий день Аронин уверенно, а как выяснилось, увы, излишне самоуверенно, сел за доску. Он ожидал быстрой капитуляции соперника. Но произошло нечто невероятное: на пути, который показался Аронину самым простым и надежным, он натолкнулся на заготовленную в тщательном анализе кудесником эндшпиля Смыловым «мину замедленного действия», взорвавшуюся в тот момент, когда, казалось, исход сражения уже был решен. Ничья вдруг стала неизбежной. Можно себе представить потрясение Аронина: упущена заслуженная победа, рухнули надежды, планы, перспективы. Судьба дала резкий сбой. И он не смог с этим ужиться. Критическая позиция партии стала негативной доминантой бытия. Он показывал ее всем, с кем встречался, — шахматистам и даже ничего не понимающим в шахматах друзьям. Лева возвра-

щался к этой истории постоянно, воспринимал случившееся трагически и... психика не выдержала. Аронин тяжело заболел. И хотя спустя какое-то время медицина внесла позитивные коррективы в его состояние, вся жизнь пошла под откос, — к полноценной шахматной деятельности Аронин вернуться не смог..

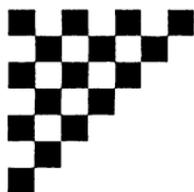
К счастью, положительные эмоции шахматы, как каждое искусство, дарят щедрее. В особенности когда радость приносят творческие достижения, эстетическая сущность побед.

Красота в шахматах многолика. Она проявляет себя и в яркой парадоксальности стратегических замыслов, и в эффектной комбинации, порожденной вспышкой тактической фантазии, и в филигранной безупречности логических решений эндшпильных задач. Всей прелести художественного содержания шахмат не измерить. Не случайно творческие шедевры, созданные на шестидесяти четырех клетках шахматной доски, сохранились в истории, подобно произведениям поэзии, живописи, музыки, и обрели поистине мировое признание. Эмануил Ласкер как-то отметил: «Хорошая партия может пленять тысячи людей, как пленяет их красивая картина или интересный спектакль».

Кто из поклонников шахмат не знает «бессмертную» партию, выигранную сто пятьдесят лет назад Адольфом Андерсеном у Лионеля Кизерицкого, или его же «вечнозеленую» партию против Жана Дюффрени? Столь же знамениты «бессмертная ничья» корифеев XX века Александра Алехина и Рихарда Рети; «бессмертная партия цугцванга», сыгранная Фридрихом Земишем с Ароном Нимцовичем... Это хрестоматийные примеры, но практика выдающихся гроссмейстеров и по сей день пополняет кладовые шахматных ценностей все новыми уникальными экспонатами, поскольку художественное содержание древней мудрой игры поистине неисчерпаемо.

У каждого шахматиста есть своя милая сердцу «Мона Лиза», которая составляет предмет гордости. Признаюсь, призы «за красоту», которые доводилось не раз получать на крупных состязаниях, приносили мне не меньше радости, чем высокие спортивные результаты, и служили лучшим утешением в случае турнирных неудач. Но, пожалуй, наибольшим творческим достижением назову даже не какую-либо из этих партий, а один-единственный ход, принесший славу и вошедший во все современные шахматные учебники и хрестоматии. Это случилось в Ленинграде в 1977 году в поединке с непобедимым тогда чемпионом мира Анатолием Карповым. Прыжок коня под два удара по своей неожиданности, парадоксальности атакующего мотива, эстетической эффектности произвел ошеломляющее впечатление. И в первую очередь, на моего великого соперника. В тот вечер пришли десятки поздравительных телеграмм от незнакомых поклонников шахмат, а телефон не смолкал до утра. Финальную позицию этого поединка я счел достойной украсить обложку моей книги...

Алкогольный вариант

Известно, что шахматы — модель жизни, и их жрецам ничто человеческое не чуждо. Но если на Олимпийских играх для спортсменов введен допинг-контроль, на шахматных состязаниях участники в основном вольны в способах подготовки. И каждый решает эту проблему по-своему: одни отдают дань классическим рецептам — занимаются зарядкой, бегают по утрам или, «по Ботвиннику», гуляют «шагом, не расслабляющим волю»; другие тонус обретают иначе...

В искусстве немало великих артистов «взбадривались» перед выходом на сцену и стопкой-другой вызывали желанное творческое состояние.

А в шахматах?

«ШВЕДСКИЙ СТОЛ»

На международном турнире памяти Капабланки в Гаване мне предстояло накануне финиша сыграть со шведским гроссмейстером Штальбергом. Я хорошо знал своего партнера, мы уже встречались не раз. Гидеон Штальберг имел репутацию одного из корифеев европейской школы шахмат — солидный господин, монументальный, грузного

телосложения, несколько замкнутый и флегматичный по характеру, но истинно корректный и милый в общении. Его призванием были шахматы, слабостью... коньяк, но он умело охотно сочетал эти, казалось бы, взаимоисключающие пристрастия. Убедиться в этом на собственном опыте помогла наша гаванская партия.

Зная труднопробиваемый академичный стиль игры шведа и учитывая значение предстоящего поединка, я затратил немало времени для тщательной подготовки. Оказалось, напрасно, ибо решающим стал метод подготовки моего партнера.

Турнир проходил в большом зале лучшего отеля «Гавана Либре», где мы пользовались разнообразными благами кубинского гостеприимства. Рестораны, бары, бассейны, программы варьете — всюду для участников мемориала был открыт счет.

В тот памятный день за обедом случай свел нас со Штальбергом за одним столом. Каждый сделал свой заказ, и завязалась дружеская беседа. И тут настал «момент истины». Официант выставил перед моим соперником батарею бутылок с напитками отнюдь не прохладительного свойства — пол-литра коньяка и... 6 (!) бутылок пива!

И за время неторопливого, обильного чревоугодия Штальберг, к моему полнейшему изумлению, выпил все! Я мог лишь констатировать, как постепенно мой партнер наливался краской, бурел, глаза его сужались, а речь теряла привычную плавность. До начала партии оставалось не более получаса. Признаюсь в неджентльменских мыслях: «Ну и повезло же мне. Как он сможет играть в таком состоянии?»

Игра началась. Моим оптимистичным прогнозам нашлось убедительное подтверждение: Штальберг разыграл дебют из рук вон плохо и уже к двенадцатому ходу имел

трудную позицию. «Вот и наказание за излишество», — думалось мне. Оставалось лишь дожимать соперника.

Но то ли я, убаюканный легко добытым преимуществом, заиграл поверхностно, то ли партнер стал постепенно приходить в себя, и в нем проснулась воля к сопротивлению, события, утратив свою последовательность, стали развиваться совсем не по намеченному мной сценарию. Через несколько ходов я с огорчением и, признаюсь, растерянностью обнаружил, что от моих дебютных достижений не осталось и следа. Более того, партнер перехватил инициативу. Штальберга словно подменили, — куда делись его беспомощность, апатия, пассивность? Он вдруг заиграл с нарастающей энергией и силой. Роли резко поменялись, и после одного нанесенного мне удара я понял, что дела совсем плохи. О моем состоянии и говорить не стоит — клял себя за легкомыслие последними словами, но перед неминуемой сдачей партии все же решил предпринять отчаянную попытку. И тут новый резкий поворот сюжета. У Штальберга было простое возражение; более того, напрашивающийся ход сразу выигрывал, но он погрузился в глубокое раздумье. Прошло пять минут — нет ответа; десять — по-прежнему без реакции. Короче, около получаса мучил меня партнер проклятой неизвестностью, когда вдруг сделал ход, о котором и не мечталось. Положение сразу же уравнилось, и, счастливый, я услышал предложение ничьей...

Измощенный переживаниями, я поделился с коллегами удивительными перипетиями встречи. И тут доктор, сопровождавший нашу делегацию в поездке, объяснил: «Да в том, что Вы рассказали, как раз удивительного ничего и нет. Типичная картина алкогольного опьянения: сначала замедленная реакция, вялость мысли, затем постепенное восстановление интеллектуального потенциала, далее

эйфорическое состояние, когда мозг работает с огромной энергией и... внезапный слом, полное торможение. Ваша партия — великолепная иллюстрация к этой стандартной схеме!»

...И все-таки мне повезло, что коньячная эйфория Штальберга оказалась быстротечной.

Впрочем, критиковать коллегу за излишества легче и приятнее, чем покаяться в собственном прегрешении.

ТУРНИР С ГАНДИКАПОМ

Это произошло в Грузии. Мне мил тот благословенный край, где много верных друзей. В далекие советские времена я наезжал в Тбилиси часто и охотно. Правда, насладиться в полной мере прелестью щедрой грузинской природы и традиционно радушным обильным застольем выпадало далеко не всегда — крупные турниры и ответственные концерты, которые определяли цель визитов, отнимали много времени и стоили нервовтрепок, но аура безмятежности и гостеприимства приносила истинную радость.

В тот памятный визит в Грузию я участвовал в зональном турнире Закавказья в амплуа свадебного генерала, в основном для придания престижа широко задуманному состязанию. Играть предстояло вне конкурса, без обязывающих честолюбивых устремлений, и это предопределяло привлекательные перспективы — возможность выкроить свободное время и вместо изнурительной обычной подготовки к каждой партии наслаждаться прогулками и встречами с друзьями, не задумываясь при этом о строгих ограничениях турнирного режима. Словом, не блюсти себя, а расслабиться и получать удовольствие.

Грузинские коллеги-музыканты взяли меня опекать, и пошло-поехало... Замечательные приятели — прославленные композиторы Алик Мачавариани, Андрей Баланчивадзе и пианист Эмиль Гуревич — заезжали за мной утром в гостиницу и до самого начала игры развлекали со всем радушием и щедростью.

Это были удивительные люди. Легенда грузинского композиторского искусства, сын основоположника грузинской профессиональной музыки, брат великого американского балетмейстера Джорджа Баланчина, Андрей Мелитонович Баланчивадзе воплощал благороднейшие черты национальной культуры. Его любили все. За высочайший гуманизм, талант, душевность, простоту, обаяние. Андрею выпало в равной степени испытать и официальное почтение — он был профессором, орденоносцем, народным артистом СССР, неизменным депутатом Верховного Совета, Героем Социалистического труда, — и трогательную привязанность друзей, которых в Грузии у него было не счесть. Я это почувствовал на себе. Куда ни появишься с ним, становишься желанным гостем. А уж в застольях...

Всеобщим уважением пользовался и Алексей Давидович Мачавариани. В те времена — где-то в середине 50-х годов — ему выпал счастливый период высокого признания. Балет «Отелло» с великолепным Вахтангом Чабукиани и несравненной Верой Цигнадзе в главных ролях стал событием, выходящим за рамки национальной культуры, и обошел крупнейшие театры страны. Мне посчастливилось быть на премьере — успех был ошеломляющим.

Щедрый по натуре, обаятельный Алик источал доброту и был по-грузински честолобив и наивен. «Марк, — говорил он, — мы часто обмениваемся с тобой письмами. Пожалуйста, постарайся писать что-нибудь интерес-

ное. Знаешь, когда умру, все это будет издано». Он с гордостью рассказывал: «Был я в Москве на приеме у Микояна. Заговорили о Тбилиси, и вдруг Анастас Иванович посетовал: „Чувствую, не любят меня в Грузии“. И я промолчал!»

Славную дружескую компанию удачно дополнял милейший Эмиль Гуревич. Нас связывали музыка и шахматы. Эмиль — профессор Тбилисской консерватории — высоко ценился как пианист и был страстным болельщиком, не пропускавшим в родном городе ни одного турнира. Он взял на себя роль гида, сопровождая меня в «пир, мир и добрые люди». Благодаря Эмилю я был вхож в самые интересные дома Тбилиси.

Друзья возили в горы, показывали старинные храмы, достопримечательности, а потом наступало время трапезы.

Мы заходили в примитивный, словно из-под кисти Пирросмани, духан с вывеской «Столовая № 5» и общепитовским меню из четырех дешевых блюд с компотом за восемь копеек на сладкое, пересекали общий зал и попадали в кабинеты для «настоящих» гостей, где ароматы сразу сражали наповал. Чего только не было на ломящихся от обилия национальных яств столах — свежие овощи, лобио, сациви, мхали, дышащие жаром хачапури, затем харчо, шашлыки из молодого барашка, молочные поросята (вспоминаю, и то слюнки текут, а тогда...) и, конечно, несравненные грузинские вина. Признаюсь, я знал толк в этом деле. С завязанными глазами мог, как искусный дегустатор, отличить терпкое «Мукузани» от благоуханно мягких «Киндзмараули» или «Хванчкары».

Стоило приступить к желанному пиршеству, как словно из-под земли возникал старый шарманщик, который за «скромное» вознаграждение, превышающее гонорар Эми-

ля Гилельса за сольный концерт в Большом зале филармонии, ублажал хмелеющих гостей слезливым мотивом «Разлука, ты, разлука...».

А затем наступал черед знаменитых грузинских тостов. Мне мила эта добрая традиция. Даже тогда, когда тамада торжественно произносит: «Я мало знаю дорогого Гиви, но он замечательный человек. Выпьем за Гиви», — звучит доброжелательность, ибо по своему предназначению тосты призваны возвысить «тостуемого» гостя в глазах окружающих, подчеркнуть его достоинства, выразить уважение.

За многочисленные посещения Грузии я сам накопил богатый опыт ведения торжественного стола и горжусь тем, что среди разнообразных почетных регалий имею и выданный полушутя-полусерьезно радетелями древней традиции диплом «Заслуженного тамады Грузии».

Время в наших застольях летело незаметно, одно блюдо сменялось другим, одна бутылка вина другой, но и этому наступал конец, хотя бы из-за неотвратимого начала очередного тура.

«От стола пиршественного к столу шахматному» — таков был мой турнирный режим в тот приезд. Опираясь на «штальберговский» опыт, первой задачей я ставил — не заснуть в дебюте. То ли по молодости лет, то ли благодаря обретенным в Грузии навыкам, но это, как правило, удавалось. А потом, опять-таки «по науке», наступал период эйфории и безудержной отваги. В голову приходили рискованные идеи, при обдумывании последствий которых энергично работавший мозг находил возражения. Что в таких случаях должен делать профессионал? Разумеется, искать другие пути. Но только не в том состоянии. Я блефовал и выигрывал. Конечно, партнеры доставались не самые именитые, но все же хорошие мастера...

Словом, в том турнире я не только уверенно занял первое место, не потерпев ни одного поражения, но и на два с половиной очка оторвался от основного конкурента.

Так что же, пить или не пить?! Вот в чем вопрос...

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ...

В тот славный вечер начала 90-х мы собрались с друзьями на домашнее торжество — отмечали день моего рождения.

Люблю такие праздники. Возрастного комплекса не испытываю и к грядущему отношусь философски — «мои года — мое богатство» и «старость — единственный путь к долголетию». А уж возможность провести время в хорошей компании дарит столько положительных эмоций, что все остальные мотивы вообще не в счет.

Среди друзей, званных к домашнему застолью, в тот вечер были и создатели знаменитого телесериала — режиссер Станислав Говорухин и писатель Аркадий Вайнер — оба, кстати, страстные поклонники шахмат. Ближе к ночи, когда были исчерпаны заздравные тосты и выпито много вина, Станислав Сергеевич неожиданно предложил шахматное шоу. «Марк! — обратился он, — мне хотелось бы использовать редкий шанс обыграть Вас. Во-первых, Вы хорошо под хмельком, а я пока трезв. И эту фору намерен увеличить еще двумя козырями: Вы играете „вслепую“ и продолжаете рассказывать анекдоты. Согласны?» Чего не сделаешь для дорогого друга?!

Интермедия, задуманная талантливым режиссером, вызвала всеобщий интерес. Зрители активно подключились к необычному сражению, моя болтовня тонула в общем гвалте. А уж о какой-либо собранности, важной при

игре «не глядя на доску», и помышлять было нельзя. Кое-как, «на автопилоте», с грехом пополам я довел партию до конца. Но... проиграл. Мой партнер был в восторге: будет чем похвастаться!

И спустя некоторое время Говорухин в очередном интервью моему другу Евгению Гику рассказал:

«Однажды я встречался за доской с Марком Таймановым. Он, правда, играл со мной „вслепую“, и мне неожиданно удалось взять верх. „Поздравляю с красивым рейдом короля“, — сказал гроссмейстер, когда все было кончено. И в самом деле, партию решил изящный марш моего короля с одного фланга на другой.

Но самое удивительное произошло спустя год или полтора. Я позвонил Марку в Ленинград. Его не было дома, подошла жена, и я сказал, что хотел узнать ситуацию в матче Фишер—Спасский. Ответный звонок Тайманова раздался уже через какие-то пять минут, что само по себе выгодно характеризует гроссмейстера.

— Станислав! Вы интересовались игрой Фишера? Понимаете, он уже совсем не тот, что был прежде. А эта партия, о которой вы спрашиваете... Как бы вам сказать... Короче говоря, ваша победа надо мной просто шедевр по сравнению с поединком Фишера... Кстати, помните ли вы ее?.. Могу показать от первого до последнего хода...

Это было поразительно. Для Тайманова та давняя партия, очевидно, ничего не значила, к тому же он играл ее „вслепую“. Наконец, он был тогда подшофе. И тем не менее гроссмейстер запомнил это „произведение искусства“! Пока я философствовал на эту тему, Марк начал диктовать мне ходы белых и черных...»

Забавно, что о том эпизоде, и тоже в интервью Е. Гику, вспомнил и еще один его соучастник. Слово «свидетелю» Аркадию Вайнеру:

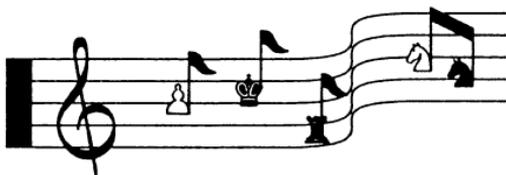

«Это произошло в моем присутствии. Да, правда, что они — а заодно и я — продегустировали немало приятных напитков. Правда и то, что Говорухин взял верх. Но стоит все-таки добавить, что Тайманов играл „вслепую“...

Что касается меня, то я тоже смело могу похвастаться, что счет в партиях с Таймановым явно в мою пользу, правда, лишь в тех случаях, когда гроссмейстер играл со мной... без ферзя. Если же фора составляет ладью, то мои шансы понижаются, и здесь, пожалуй, счет в пользу Марка».

Хорошо, что в тот вечер «место встречи» мы не изменили — родился еще один «алкогольный вариант».

Забавные истории

О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ДРЕВЕ С УЛЫБКОЙ

Лет двадцать с лишним тому назад получил забавное письмо:

Многоуважаемый Марк Евгеньевич!

Во-первых, по казахскому обычаю — Салем! Вы меня никогда не видели, но я Вас видел в Алма-Ате во время турнира.

Меня, как исследователя, интересует личность всех, носящих фамилию Тайманов.

В «Большой Советской энциклопедии» (1956 г., т. 41, стр. 518) написано: «Тайманов Исатай (1791—1838) — казахский старшина, возглавлявший крестьянское восстание в Букеевском ханстве 1836—1837 гг. против эксплуатации местных феодалов и колониального гнета царизма».

На этой же странице рядом есть статья и о Вас.

Тайманов Исатай — народный герой казахов. Его потомки, правнуки живут в наше время в разных селеньях, аулах и городах. У Исатая был сын Жажия. Он тоже вместе с отцом участвовал в различных сражениях до июля 1838 г. Исатай героически погиб, а Жажия остался жив. Он был выдан предателями, и военный суд его сослал, но куда, в документах не сохранилось. Допустим, что Жажия

женился. Его имя изменено, он стал Яковом, Захаром или еще иначе. Но он мог сохранить фамилию Тайманов!

Сколько я видел русских, украинцев, белорусов, евреев и лиц другой национальности, но из европейцев Тайманов Марк Евгеньевич только Вы!

Не сохранились ли у Вас документы о Ваших предках? Нет ли фотокарточки деда или прадеда? Я понимаю Вашу занятость и все же прошу помочь мне в моих поисках. Сообщите, пожалуйста, что Вы знаете о своих предках. Ведь Жахия Тайманов был удачным интересным человеком и вполне мог жениться на девушке любой национальности.

А может быть, Вы встретитесь со мной?

Жду от Вас вестей.

С казахским традиционным салемом

Исмагулов Мустафа Шамбикович

10/VIII—1979 г.

Для такой любопытной встречи грех было не выбрать время, и мой корреспондент спустя две недели прибыл в Ленинград.

Он с пристрастием и дотошно расспрашивал о моем генеалогическом древе, рассматривал семейные фотографии, узнал, что отца звали Евгением и у него было три брата — Володя, Гриша, Муля, сестры Маня и Миля. Но когда услышал, что моего деда, которого я, увы, не знал, звали Захарий и жил он с семьей в Смоленске, исследователя это повергло в шок. Оказывается, именно там и обосновались наследники Жахии Тайманова.

Больше ничем удивить гостя я не смог, семейные исторические корни мне плохо ведомы, но и этого пытливому ученому оказалось достаточно.

Счастливым от находки, он обозначил новую веху исследования и был бесконечно благодарен. Правда, перед прощальным «салемом» гость смущенно обратился с просьбой: «Дорогой Марк Евгеньевич! Я верю, что Вы происходите из нашего почтенного древнего рода. Не разрешите ли считать Вас первым казахским гроссмейстером?»

Как было отказать?!

Но забавная новелла имела и достойную концовку. Когда я поведал казахскую историю друзьям, одна из них, Юля Готлиб, мастерица на стихотворные здравицы и эпиграммы, откликнулась симпатичным экспромтом:

Твоей казахской родословной
Я доверяла б безусловно,
Когда б сказал, в каком ауле
Дают казаху имя Муля...

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ

Лет сорок назад я впервые оказался в уютном Люксембурге. Международный турнир проходил в небольшом городке Мондорф, расположенном на границе сразу трех стран — Германии, Франции и Бельгии; и выходя гулять, я неизменно удивлялся широкому выбору соблазнительных зарубежных экскурсий.

Послом СССР в Люксембурге в те годы был милейший интеллигентнейший дипломат Игорь Матвеевич Ежов, которого даже жутковатая фамилия не лишала обаяния. Он оказался заядлым шахматистом, к тому же моим болельщиком, и в свободные дни часто навещал меня в провинциальном уединении. Оказалось, что в числе его несомненных достоинств было одно довольно редкое. Игорь Матвеевич был профессиональным гурманом, знатоком

кухни многих стран. В бытность советником посольства в Париже на него возлагалась необременительная обязанность дегустатора специфических национальных блюд для составления меню международных раутов, проходивших под крышей советских дипломатических представительств, и поверьте, его эрудиции (и вкусу!) в этой области нельзя было не отдать должного.

К счастью, и мне не раз перепадала приятная возможность оценить прелесть таких эксклюзивных познаний. Как-то Игорь Матвеевич заехал за мной с заманчивым предложением: «Сегодня будем обедать во Франции. Тут неподалеку есть уютный рыбный ресторанчик, где великолепно готовят форель».

Моя реакция была предсказуема, но неожиданности начались уже при заказе меню. Обращаясь к метрдотелю, Игорь Матвеевич прежде всего осведомился, из какого озера у них сегодня рыба. Услышав, что из нижнего, попросил отварить ее с пряностями, а затем с поразительной изобретательностью, как японскую икебану, заказал букет соответствующего овощного гарнира.

Далее последовал вопрос, свидетельствовавший о широких познаниях посла и в винном ассортименте:

— За какие годы у Вас «Сильванер»?

— С 1957-го по 1961-й, — уверенно отрапортовал метрдотель.

— Хорошо, — оценил Игорь Матвеевич и, подумав, добавил: — Нам, пожалуйста, бутылку урожая 1960 года.

Присовокупив пожелания по другим второстепенным деталям предстоящего пиршества, он благосклонно отпустил метра.

Я, признаюсь, находился в шоке:

— Игорь Матвеевич! Не сомневаюсь, что обед предстоит изысканный, но объясните, чем Вы руководствовались при заказе?

— Нет ничего проще, — ответил гурман. — Форель сегодня с нижнего озера. Там вода довольно холодная, и рыба сравнительно жестковата. Поэтому ее следует отваривать с добавлением пряностей.

— А вино? — продолжал любопытствовать я. — Почему именно «Сильванер» и почему 1960 года?

— Ну и здесь все очевидно. То, что к рыбе полагается белое вино, Вы, конечно, знали. А вот год урожая выбрать труднее. Я решил, что к отварной форели лучше всего подходит мягкое, чуть сладковатое вино. 1960-й был годом солнца, и это должно было отразиться на вкусе винограда.

Обеда я ждал с особым нетерпением...

И вспомнился анекдот о нашем ненавязчивом сервисе. В ресторане гостиницы «Москва» прихотливый клиент заказывает: «Мне, пожалуйста, бифштекс с кровью. Попросите повара кусок филейной вырезки посыпать солью, перцем, минуту подрумянить, а затем по две минуты обжарить с каждой стороны. И, пожалуйста, на гарнир картофель фри». Официант старательно записал пожелания гурмана. А придя на кухню, без колебаний крикнул повару: «Ваня! Два раза котлета».

ПОСОБИЕ ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗЫ, ИЛИ СОВЕТЫ АБИТУРИЕНТУ

Испытав в свое время разочарование в выборе вуза и потеряв несколько лет на обучение в техническом институте, моя жена Надя попробовала было поработать на ниве медицины, но душа влекла ее к знаниям гуманитарным. И она приняла смелое решение изменить судьбу, что было непросто, поскольку школьные годы остались дале-

ко позади, а вузовские вступительные экзамены построены, как известно, на хрестоматийно-стандартной основе.

Первый экзамен — сочинение. Темы, увы, трафаретны: «Сатира в творчестве Маяковского» или «Печорин — герой своего времени» — здесь не развернешься...

Но оставалась и более широкая ниша — «Великая Отечественная война в произведениях советских писателей последнего десятилетия». И Надю осенило. Зачем вспоминать, лучше пофантазировать. И за три отведенных часа она придумала сюжет собственного произведения. На фоне острой фабулы о судьбе женщин в годы войны она, как и полагалось, старательно обрисовала образы главных героев и их трудные испытания. Оставалось немного — дать произведению название, выбрать имя автора и издательство. Разыгравшаяся фантазия легко справилась и с этой задачей. Роман получил интригующее заглавие «Пыльная роса», а писателем стал... И. Иванищев, который доверил публикацию шедевра журналу «Сибирские огни» за 1978 год. Поди проверь!

Нимало не колеблясь, абитуриентка отнесла сочинение (а это и впрямь было сочинение!) в приемную комиссию и, не сказав мне о своей аванюре ни слова, с волнением стала ждать оценки авторитетного жюри.

Результат превзошел все ожидания — пятерка!

С другими экзаменами обошлось банально, без фантазий, и двери желанного вуза широко распахнулись перед новой первокурсницей.

Забегая вперед, добавлю, что спустя пять лет Надя успешно защитила диплом на совместно выбранную нами искусствоведческую тему «Шахматы как вид малой пластики и декоративно-прикладного искусства».

А писатель Иванищев прочно занял достойное место в книжном каталоге библиотеки университета. Однажды,

зайдя туда, я тайно вложил в ящик с literой «И» новую карточку, где было четко написано (не помню, правда, под каким номером): И. Иванищев, роман «Пыльная роса», журнал «Сибирские огни», №..., 1978 год.

Советская литература пополнилась ценным «раритетом».

ДВЕ ГРУСТНЫЕ ИСТОРИИ С ВЕСЕЛЫМ КОНЦОМ, РАССКАЗАННЫЕ МОИМ ДРУГОМ ЕВГЕНИЕМ ГИКОМ

История первая (дебют)

В конце 80-х годов железный занавес пал, и все советские люди ринулись за границу, — одни отравились туда навсегда, другие поехали в гости, и только ленивые застряли дома. Никаких характеристик, треугольников, парткомов, месткомов. Единственным пропуском за рубеж стали денежные знаки, которых тогда требовалось не слишком много — билет до Парижа стоил не дороже, чем до Ангарска.

И вот, заполучив необходимое приглашение, мы решили всем семейством посетить вечный город Рим. Маршрут был тщательно продуман — теплоходом из Одессы до Неаполя и далее поездом в столицу Италии. Таким образом, визит к старым друзьям удалось совместить с десятидневным морским путешествием. Настроение было замечательное, и мог ли я предположить, что именно на теплоходе меня ждет один не слишком приятный сюрприз.

Итак, отчалив в июле 1988 года из одесского порта, мы пустились в дальний путь завоевывать чуже-

странные земли и вскоре, как водится в долгих странствиях, обрели множество новых знакомых. А одним из самых симпатичных был Виктор Готлиб, ленинградец, решивший посетить бывшего земляка, который нашел в Париже свою спутницу жизни. И в первый же день выяснилось, что Виктор — близкий друг Марка Тайманова, знает его давным-давно. Тут и я похвастал, что у меня теплые отношения с гроссмейстером. Более трех десятилетий назад, в 1969-м, я секундировал ему в том самом чемпионате страны, из которого он вышел в межзональный, а потом по инерции и в претендентский цикл, где его уже поджидал Роберт Фишер... И я, и Виктор охотно делились воспоминаниями о своих встречах с Таймановым.

Прошла неделя, приближалось к концу наше путешествие на «Дмитрии Шостаковиче». Мы с Виктором были почти неразлучны, и тут он не выдержал...

Когда все темы уже были исчерпаны, наш попутчик раскрыл одну жгучую тайну — объясняющую, почему Тайманов, хотя и женат на москвичке, все чаще и чаще посещает свой родной Ленинград.

— Неужели это правда? — воскликнул я, узнав о том, что некая юная и прелестная особа скрашивает гроссмейстеру ленинградские белые ночи.

— Можете не сомневаться, — подтвердил Виктор. — Мы часто общаемся «семьями», а в этом году даже вместе встречали Новый год.

— И кто же счастливица? — Я не сдержал любопытства.

— Она прекрасна, — признался мой спутник, — и больше не спрашивайте ни о чем. Я и так сказал слишком много.

Сообщение Виктора повергло меня в шок. О времена, о нравы! И это — гроссмейстер! Пример для подражания! Как же тогда вести себя мастерам? Грустно бродил я по улицам Барселоны и Неаполя. «А не съездить ли и мне в Ленинград? — точила меня неотвязная мысль. — Может быть, и мне повезет?»

История вторая (миттельшпиль)

А спустя два года, в 1990-м, мы с сыном снова плыли на «Дмитрии Шостаковиче». На сей раз, правда, конечной точкой путешествия была столица Франции, и поэтому наш морской путь лежал до Марселя. Когда мы разместились в каюте и поднялись в ресторан на трапезу, за нашим столиком уже сидела молодая девушка весьма приятной наружности. Именно с нею — какая удача! — нам предстояло провести вместе ближайшую неделю.

Наша соседка представилась Надеждой Бахтиной. Вскоре выяснилось, что она не замужем, живет в Ленинграде, а сейчас направляется в Неаполь и, значит, сходит на берег на день раньше нас. В нашей попутчице было столько шарма и таилось столько загадок, что мы с сыном оба благополучно влюбились в нее. Правда, шансов на успех у нас было немного. Сыну едва исполнилось десять, и похождения на любовном фронте ждали его еще впереди. Я же, несколько скованный присутствием наследника, тоже не мог проявить себя в полной мере. Поэтому разумнее было отложить все попытки до возвращения на родину. То обстоятельство, что Надежда

живет в городе на Неве, обещало хеппи энд, — я невольно вспомнил о Тайманове.

Теплоход вышел в море, и у нас начались обычные дорожные диалоги — обмен сведениями, поиск общих знакомых. Слово за слово — и тут я признался, что имею некоторое отношение к древней игре.

— А, кстати, Вам не приходилось встречаться с кем-нибудь из шахматистов? — спросил я Надю.

— Кажется, нет. Впрочем, постойте, однажды в компании я краем глаза видела гроссмейстера Тайманова, — припомнила девушка. — Есть такой, я не ошиблась?

— Это мой друг, — скромно заметил я, а про себя подумал об удивительном совпадении — второй раз оказался на «Дмитрии Шостаковиче», и вновь со мной человек из Ленинграда, вновь знаком с Таймановым, правда, на сей раз не попутчик — попутчица...

— Но, кажется, теперь он живет в Москве, — добавила Надя.

— Больше времени проводит в вашем городе, — ступил я на скользкий путь Виктора Готлиба.

— Не очень-то это благородно с его стороны, — вздохнула добрая девушка, — насколько я знаю, в Москве его ждет преданная жена.

— Как бы вам объяснить, — я был деликатен, — в Ленинграде он тренирует подрастающее поколение.

— И из-за этого оставил дома бедную женщину?

— Тут есть одна тайна, — затуманился я несколько фарисейски, — но поклянитесь, что не выдадите меня.

— Буду молчать как рыба.

Когда я поведал Наде о ленинградских похождениях Тайманова, девушка была возмущена несказанно.

— Вот уж никак не ожидала от прославленного гроссмейстера! — воскликнула она.

— Не будьте слишком строги, — сказал я назидательно, — надо знать Тайманова. Личность незаурядная, яркая, к тому же артист, живет в мире романтиков прошлого века — Шуман, Шуберт, Шопен, натура эмоционального склада, нельзя судить по обычному кодексу.

— Нет, тут не может быть оправданий, — решительно заявила Надежда. — И если вам доведется встретить этого прыткого повесу, скажите ему, что одна ленинградка испытала глубокое огорчение.

Быстро промелькнула неделя, в Неаполе Надежда Бахтина высаживалась. Я решил торжественно проводить свою пленительную попутчицу, к тому же предстояло узнать заветный номер телефона.

Однако едва теплоход причалил, произошло невероятное — девушка бесследно исчезла. Ее не было ни в каюте, ни на палубе, ни в ресторане. Не нашел я Надежду и на берегу, она просто растворилась в неаполитанском воздухе. Вновь, как и два года назад, морское путешествие было сильно испорчено. И хотя впереди меня еще ждали и Марсель, и Париж, никакой радости я не испытывал: внезапное исчезновение Нади не выходило из головы. И признаюсь, прошло немало месяцев, прежде чем я сумел обрести равновесие. Время, как известно, лечит все раны.

Финал (эндшпиль)

Пробежало еще три года, и обе печальные истории — и о легкомысленном Тайманове, и о целомудренной Бахтиной — ушли в прошлое. Я дал себе зарок никогда больше не путешествовать морем. С гроссмейстером за это время наши пути не пересекались, — расставшись со своей московской супругой, он совсем перебрался в город на Неве, взяв в жены ту самую юную особу, к которой раньше тайком сбегал из столицы.

Но однажды, осенью 1993-го, Тайманов позвонил мне из Ленинграда, попросил встретить и отвезти его в Шереметьево — он летел в Германию на очередной турнир. Само собой, я выразил готовность, тем более гроссмейстер пообещал, что меня ждет необычный сюрприз.

И вот в назначенный час я прибыл на Ленинградский вокзал. Мы не виделись несколько лет, поэтому крепко обнялись, обменялись словами приветствия и двинулись по перрону к машине.

— Где же Ваш сюрприз? — спросил я.

— Прежде всего, зайдем места, — предложил Тайманов, забираясь в салон. — А теперь взгляните на фотографию. Кто-нибудь из этих людей вам знаком?

Я внимательно посмотрел на снимок. Вот Анатолий Собчак, рядом с мэром города другие популярные люди, но не ими же хотел удивить меня Марк Евгеньевич... И тут мое сердце взмыло и замерло. Я увидел мою давнюю попутчицу, так странно пропавшую три года назад, — Надю Бахтину. Она была

в центре внимания роскошного санкт-петербургского общества.

— Вы имеете в виду ее? — показал я на девушку моей мечты.

— Кого же еще!

— Так вы знакомы!?! — В моем голосе прозвучали одновременно удивление и надежда. — Впрочем, Надя говорила, что однажды встретила Вас в гостях.

— Теперь мы встречаемся чаще, — сдержанно заметил Тайманов.

— Значит, девушка жива, здорова и даже процветает. Если б еще знать, куда она исчезла в Италии тем летом? — пробормотал я.

— Это я как раз знаю, — улыбнулся гроссмейстер. — Она села со мной в машину, и мы быстро умчались. Не зря же я ждал ее на берегу.

Несколько мгновений я глотал воздух. Потом спросил — почему-то шепотом (видно, я потерял голос):

— И вы знали о том, что я на теплоходе?

— Как не знать? Скажу больше: я видел, как вы спускались на берег. Именно поэтому я прибавил газу.

— Хорошо же вы отнеслись к своему бывшему секунданту.

— Вы должны понять меня. Нам нельзя было раскрываться: все держалось в глубокой тайне. (Действительно, легкомысленный человек! Не я один знал эту тайну.) Что же вы сделали с этим ангелом? — Я еще раз взглянул на девушку, из-за которой столько страдал.

— Как что? Я женился на ней!

— Вы хотите сказать, что вашу новую жену зовут Надежда Бахтина?

— Ее зовут Надежда Тайманова! — поправил меня счастливый муж.

— Поздравляю, — чуть слышно проговорил я и, словно в лихорадке, завел машину.

Бог с ним, с Таймановым! Он — артист! Опять же Шуман, Шуберт, Шопен... Но какова Надя! Как она осуждала гроссмейстера-вертопраха! Нет, тяжело на этой земле такому моралисту, как я.

Заметив, что я едва держу руль, Тайманов решил подбодрить меня:

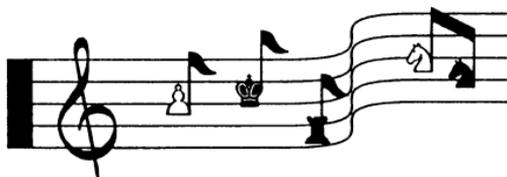
— Не грустите. Вы потеряли девушку, но выиграли сюжет для рассказа.

— И Вы не будете возражать, если я опишу эту историю? — Я несколько воодушевился.

— Разумеется, нет, ведь у нее счастливый конец!

— И в самом деле, хеппи-энд по всем правилам, — согласился я с молодоженом. И мы переключились на шахматные темы.

Шкатулка курьезов

Как прихотлив таинственный мир ассоциаций! Не раз ловил себя на том, что, погружаясь в глубокий пласт воспоминаний о каком-либо событии, персонаже, отвлекаясь неожиданно всплывшим эпизодом, порой ироничным, порой забавным, казалось бы посторонним, но все же тонкой нитью связанным с темой размышлений.

Поделюсь этими мимолетными снимками памяти.

PIZZICATO СТРУННЫХ

Во время гастролей по Советскому Союзу великий американский скрипач Исаак Стерн позвонил мне из Таллинна:

— Я завтра выезжаю в Ленинград. Не мог бы ты заказать номер в «Европейской»?

— Айзек! А что, филармония не забронировала его для тебя?

— Да нет, со мной все в порядке. Просто я познакомился с очаровательной эстонкой и хотел пригласить ее с собой. Что нужно мужчине? Немножко «вибрато»... — пояснил знаменитый скрипач.

* * *

Во время прогулки по Невскому Стерн предложил: «Зайдем куда-нибудь, согреемся коньячком», и мы зашли в модное тогда кафе «Север». Обращаюсь к официантке:

— Пожалуйста, нам два бокала коньяка.

— Коньяка нет, — отвечает она.

— Но как же это может быть?! В меню написано «кофе с коньяком».

— Кофе с коньяком есть, а коньяка нет, — настаивает она на своем.

— Хорошо, — сообразил я, — тогда, пожалуйста, два кофе отдельно и два коньяка отдельно — так годится? И учтите, у вас в кафе сегодня редкий гость — знаменитый скрипач из Америки.

— Все сделаем в лучшем виде, — засуетилась официантка и вскоре принесла две чашечки горячего кофе и два фужера с коньяком, в которые от усердия бросила... ку-сочки льда.

* * *

Замечательный скрипач Леонид Коган увлекался новейшей техникой и очень гордился своим роскошным «мерседесом». Как-то в центре Москвы его остановил гаишник.

«Вы нарушаете рядность движения автотранспорта, — строго упрекнул он водителя. — Ваши документы». Но, ознакомившись с водительскими правами «обвиняемого», с неожиданно изменившимся настроением возвратил их владельцу: «Ну что же Вы, товарищ Коган, не соблюдаете правила?! Будьте внимательны и поезжайте осторожнее!» Обрадованный Леонид Борисович поблагодарил и, польщенный, спросил милиционера: «Вы, наверное, большой любитель музыки?» — «Нет, — ответил тот, — просто я тоже Коган...»

* * *

В студенческие годы едва трагикомично не оборвалась карьера замечательного скрипача Михаила Ваймана.

Ленинградская консерватория во время войны находилась в эвакуации в Ташкенте, и весь консерваторский коллектив, включая профессоров, педагогов, студентов и обслуживающий персонал, был размещен в Доме ученых, где соорудили более чем примитивное (что поделать, такое время), без особых удобств, общежитие. «Из песни слов не выкинешь», и приходится упомянуть, что туалет был общий, с несколькими кабинками, и находился во дворе. Очереди были неизбежны...

И вот однажды студент Вайман, попав в долгожданную кабинку, заметил на стене надпись фривольного содержания и, как теперь принято говорить, с ненормативной лексикой. Ему ударила в голову поистине дурацкая мысль огласить этот текст для «соседей».

Юный Миша обладал редким даром копировать голоса людей. На свою беду, он начал читать непристойный текст, подражая манере картавившего ректора консерватории Павла Алексеевича Серебрякова, который, по роковому совпадению, находился как раз за перегородкой.

Разъяренный ректор выскочил и стал ломиться в кабинку обидчика. Фарсовый эпизод чуть не закончился трагически. Серебряков издал приказ об отчислении студента Ваймана за безобразное поведение. Лишь единодушное вмешательство консерваторцев, ставших на защиту бедного скрипача, спасло Мишу Ваймана. К его счастью, вердикт был отменен.

* * *

Прошли годы, печальный инцидент канул в Лету. Из многообещающего студента Миша Вайман вырос во все-

мирно известного концертанта, лауреата престижных международных конкурсов. И у ректора Ленинградской консерватории, профессора Павла Алексеевича Серебрякова появились все основания гордиться воспитанником. Давняя ссора сменилась дружбой.

Случай свел музыкантов во время совместных гастролей по ГДР. Скрипач Вайман и пианист Серебряков выступали в старинном городе Веймаре. Их тепло приветствовал бургомистр и на приеме в честь советских артистов произнес торжественный спич, в котором рассказал, что Веймар — город славных традиций, что Веймар — город Франца Листа, что Веймар — город Гете.

Серебряков не знал немецкого языка, но, видимо, что-то коробило его слух, потому что, обернувшись к коллеге, он с обидой спросил: «Миша! Что такое? Почему все время только „Вайман, Вайман“ и ни разу „Серебряков“?»

* * *

В послевоенные годы, когда советские войска еще дислоцировались во многих районах ГДР, наши артисты регулярно направлялись туда на «шефские» концерты. В основном это были популярные певцы или танцоры.

Но однажды случилось так, что всеобщая любимица Людмила Зыкина приболела. Что делать?! К счастью, кто-то из начальства вспомнил, что где-то поблизости гастролирует знаменитый скрипач Михаил Вайман. «Договоритесь с ним, — был приказ, — пусть заменит Зыкину». Сказано — сделано. И Ваймана доставили в клуб армейской части. Он увлеченно исполнил классический репертуар — Сонату Брамса, «Песню без слов» Мендельсона, Ноктюрн Шопена и многое другое. Когда же концерт закончился и наступило время уезжать, сопровождавший Ваймана немецкий шофер обратился к музыканту:

— Геноссе Вайман! А что есть по-русски «говённый концерт»?

Миша был несколько шокирован:

— А почему Вас это интересует?

— Да ваши солдаты так говорили.

* * *

У артистического подъезда Московской филармонии я повстречал знаменитую скрипачку Галину Баринову, кстати, неплохо игравшую в шахматы: «Марк! Какими судьбами?! Так давно не виделись. А я только вернулась с гастролей. Представляете, всюду переполненные залы, огромный успех...» — и она стала подробно смаковать выпавшие ей радости. Наконец, спохватилась: «Ну ладно, хватит обо мне, поговорим о Вас. Вы были на моем концерте?»

* * *

— Мирон Борисович! — обратился ведущий филармонического концерта к знаменитому музыканту Полякину, — как Вас объявить — заслуженный деятель искусств, профессор или орденосец?

— Молодой человек, — ответил с достоинством Полякин, — профессор я в консерватории, заслуженный деятель искусств и орденосец — в президиумах высоких собраний, а на сцене филармонии я скрипач. Так, пожалуйста, и представьте.

ФОРТЕПИАННЫЙ ФОРШЛАГ

Счастье редко бывает полным. О своем омраченном триумфе мне как-то рассказала очаровательная Бэлла Давидович.

1949 год. В Варшаве грандиозный банкет по случаю завершения выдающегося музыкального события — Международного конкурса имени Фредерика Шопена.

В числе гостей — лауреаты престижного форума, знаменитые пианисты, почетные члены жюри. Вечерние наряды, блеск драгоценностей, море цветов. Столы торжественно сервированы, звучат поздравления, звон хрустальных бокалов...

Наступает долгожданная церемония награждения победителей. Объявляют: «Первый приз — миллион злотых — вручается советской пианистке Бэлле Давидович». Бурные аплодисменты. Счастливая Бэллочка в роскошном розовом платье изящно поднимается с места и с благодарностью принимает награду.

Но радость ее, увы, мимолетна — профессор Павел Серебряков, возглавлявший нашу делегацию, слегка покачиваясь после заздравных тостов, отодвинул ее плечом и провозгласил: «Бэлла Давидович поручила мне заявить, что половину своего приза — пятьсот тысяч злотых — она передает в фонд Общества советско-польской дружбы!» Довольный собой, он обернулся к Бэлле и... опрокинул бокал с красным вином на вечерний наряд и без того ошарашенной лауреатки.

* * *

Однажды в Ленинграде я был на концерте выдающейся пианистки Марии Вениаминовны Юдиной. Программа вызвала огромный интерес. Замечательный интерпретатор классической музыки, Юдина играла сонаты Бетховена, в том числе одну из самых сложных по восприятию — двадцать девятую — Hammerklavier. Соната длится минут сорок и требует напряженного внимания слушателей. Вероятно, на этот раз аудитория собралась не слишком под-

готовленная, потому что реакция зала на исполнение сонаты оказалась весьма сдержанной. Это не могла не почувствовать и Мария Вениаминовна. Явно разочарованная приемом, она обернулась к слушателям: «Мне кажется, вы не поняли этой гениальной музыки. Я сыграю еще раз».

И сыграла. Успех был оглушительный!

* * *

Как-то во время длительных гастролей великого пианиста Святослава Рихтера по Америке власть имущему чиновнику, «руководившему» искусством, в душу закралась беспокойная мысль: «А не останется ли Рихтер, которого с таким восторгом принимают, в США?»

Решено было принять превентивные меры и «ублажить» маэстро. Советский посол Анатолий Добрынин пригласил Рихтера на встречу и торжественно объявил: «Дорогой Святослав Теофилович! Примите мои поздравления с присвоением Вам почетного звания „Народный артист Советского Союза“».

Прославленный музыкант поблагодарил за оказанную честь и простодушно полюбопытствовал: «А разве я им не был?»

* * *

Выдающийся музыкант, пианист, композитор, народный артист СССР, лауреат государственных премий Александр Борисович Гольденвейзер, в течение многих лет преподававший в стенах Московской консерватории и долго ее возглавлявший, немало времени уделял и шахматам. Только от перечисления его партнеров захватывает дух: Лев Толстой, Сергей Танеев, Александр Скрябин, Сергей Рахманинов, Федор Шаляпин, Сергей Прокофьев. И, как гласит легенда, уступал в поединках лишь последнему...

Я был представлен Александру Борисовичу в обеих своих ипостасях и потому, вероятно, вызвал у него интерес. Гольденвейзер, уже подряхлевший корифей, мило беседовал, любопытствовал о шахматных событиях, к моей гордости упомянул, что слышал записи нашего дуэта. Словом, проявил внимание и доброжелательность.

К тому же времени относится и забавный эпизод. В коридоре консерватории к Гольденвейзеру обратился молодой аспирант — секретарь комсомольской организации:

— Александр Борисович! Завтра у нас на кафедре состоится семинар по проблемам марксизма-ленинизма. Не могли бы Вы посетить его?

— Дорогой мой! — тихим старческим голосом возразил патриарх. — Зачем? Мне ведь скоро предстоит встречи с «первоисточниками».

* * *

В конце 70-х годов всплеск новой волны еврейской эмиграции коснулся и Ленинградской консерватории, где среди подавших документы на отъезд в Израиль оказался и мой бывший однокурсник, педагог консерватории и прекрасный пианист Виталий Маргулис.

Как известно, официальная процедура отторжения носила тогда длительный, многоступенчатый и крайне нервный характер. Проработки на комсомольских и партийных собраниях, на факультете, в деканате и, наконец, на заседании Ученого Совета при всей их формальной бессмысленности были неизбежной карой «вероотступникам».

Прошел через это чистилище и мой друг. И держался мужественно до конца. Лишь на Ученом Совете нервы сдали.

Обличительные речи гневных коллег прервал ректор, неожиданно предложив выступить профессору Натану Ефимовичу Перельману.

Замечательный музыкант, рафинированный интеллигент, чуждый политики и конъюнктурных кампаний пожилой профессор, заглатывая от волнения валидол, обратился к залу:

— Друзья! Проблема, которую мы обсуждаем, выходит за рамки нашей компетенции. Нельзя осуждать людей, определяющих свою судьбу, хотя и нельзя оставаться к ним равнодушными. Можно понять стремления старшего поколения — все-таки «зов крови» на историческую Родину. Но уезжают и молодые люди, а это уже тревожный симптом. И что совсем для меня необъяснимо — Виталий Маргулис хочет уехать в Израиль! Ну выбрал бы Голландию — чудная страна, мягкий климат, тюльпаны... Все бы поняли, но он предпочел Израиль?!!

Как признался потом Виталий, здесь он едва сдержал истеричный хохот.

ДИРИЖЕРСКИЙ АУФТАКТ

У народного артиста СССР дирижера Константина Иванова была романтическая биография. Рассказывали, что простой деревенский паренек в юности нес службу горнистом в легендарной коннице Буденного. Его способности заметили, отдали учиться музыке, и у Константина Иванова началась новая жизнь, вознесшая его на крупнейшие филармонические сцены мира. Но перепады в судьбе не могли не наложить отпечаток на его внешний облик. «Взгляните на Костю, — пошутил как-то Слава Ростропович, — не правда ли, это чудесная помесь Бетховена со Стенькой Разиным?!»

* * *

У моего большого друга, прекрасного дирижера, с которым мы много концертировали, Павла Арнольдовича Ядых я как-то не слишком, правда, деликатно спросил:

— Извините, но у Вас такая необычная фамилия, кто Вы по национальности?

— О! У меня очень сложное сочетание, — как бы на полном серьезе ответил Ядых. — В то время как мой отец был еврей, мать была чистокровная еврейка...

* * *

Много лет назад в Киевской филармонии состоялся концерт, в котором фортепианный дуэт Л. Брук — М. Тайманов в сопровождении оркестра под управлением замечательного дирижера Натана Рахлина исполнял знаменитый «Карнавал животных» Сен-Санса. Зал благодарно внимал прекрасному произведению. Но внимание слушателей внезапно было отвлечено. В финале сюиты — веселом, бравадном, вовлекающем в орбиту звучания весь состав музыкантов и требующем особо эмоциональной динамичности дирижера, случился казус. К изумлению аудитории, у темпераментного Натана Рахлина под энергичными взмахами дирижерских рук медленно стали... сползать брюки и выглянули ярко-сиреневые подштанники. Трагикомичную ситуацию спас находчивый виолончелист с первого пульта. Прервав свою партию, он смычком поддержал сползающие штаны, и финал «Карнавала животных» был бурно встречен аплодисментами.

Чего не случается на сцене?!

* * *

Забавные казусы сопутствовали многим выступлениям Натана Григорьевича. Забывчивость и рассеянность его творческой натуры были главными тому причинами.

Однажды, придя на концерт в Большой зал Московской консерватории, он в артистической с огорчением обнаружил, что забыл захватить фрачный пояс. До выхода на сцену оставались считанные минуты, и нужно было срочно спасти конфузную ситуацию.

На помощь пришла жена. В гримерной она отыскала два вафельных полотенца, соединив которые можно было опоясать мощный торс дирижера. Увы, от долгого употребления они утратили первоначальную свежесть и резко контрастировали на фоне белоснежной крахмальной рубашки.

«А что, если припудрить?» — предложил кто-то из свиты. Сказано — сделано. В этой же гримерной оказалась коробка с популярной тогда пудрой «Лебяжий пух», и марафет на импровизированную деталь фрачного наряда был успешно наведен. Не учли лишь мелочи...

Когда Натан Григорьевич показал оркестру вступление и темпераментно взмахнул руками, отделившееся от полотенец облако «лебяжьего пуха» стало медленно оседать на инструменты и костюмы растерявшихся оркестрантов.

Первые такты симфонии прозвучали нестройно...

* * *

Весна 1958 года. В Москве грандиозное музыкальное событие: в Большом зале консерватории — Первый международный конкурс пианистов имени Петра Ильича Чайковского. Тот самый, на котором засверкала звезда покорившего всех Вана Клиберна. По условиям конкурса в третьем туре каждый кандидат в лауреаты исполнял Концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Дирижи-

ровал замечательный музыкант, профессор Московской консерватории Кирилл Петрович Кондрашин.

Обращаюсь к нему с сочувствием: «Кирилл Петрович! Вам каждый вечер приходится трижды исполнять одно и то же сочинение. Конечно, концерт Чайковского великолепен, но сколько же его можно слушать подряд?!» — «А я и не слышу», — с улыбкой признался дирижер...

ЭКСПРОМТЫ

Выдающийся писатель Юрий Олеша на склоне лет, когда мне посчастливилось с ним познакомиться, любил вечерами посидеть в кафе на первом этаже старого «Националя» и расслабиться обильными дозами коньяка. Он быстро хмелел, порой дремал за столом, но чувство юмора ему не изменяло.

Помню, однажды в дверях он обратился к стоявшему у выхода пожилому человеку, облаченному в китель: «Уважаемый! Такси, пожалуйста».

Последовал возмущенный ответ: «Вы пьяны. Я не швейцар, а адмирал!»

Олеша отреагировал мгновенно: «Тогда, пожалуйста, катер!»

* * *

Мой добрый старый друг, выдающийся драматург и писатель Леонид Генрихович Зорин часто навещал Ленинград, где лучшие театры Северной Пальмиры наперебой ставили его пьесы. В дни репетиций у Георгия Александровича Товстоногова замечательной пьесы «Дион» с созвездием великих актеров я представил Зорину мою сестру Ирину — она была молода, привлекательна, общительна и не могла

оставить равнодушным такого эстета, как Зорин. Он стал оказывать ей знаки внимания, придумал смешное прозвище «allegro grazioso», а уезжая, нередко звонил из разных городов. Но тогда дело это было непростое. Очереди на переговорных пунктах требовали терпения и отнимали много времени, а главное, сестра-болтушка способна была висеть на проводе часами. И драматург нашел нетривиальный выход. Зорин отправил из Ялты срочную телеграмму: «Ирочка! Повесьте трубку!»

* * *

Много лет назад в Москве меня познакомили с обаятельным кинорежиссером-документалистом Алексеем Габриловичем.

— Марк Евгеньевич! — приветливо обратился он. — Мне так приятно встретиться с Вами, я ведь думал, Вы уже давно умерли.

Я опешил:

— Откуда у Вас такие печальные сведения?

— Да знаете, я с детских лет слышу: Тайманов-музыкант, Тайманов-шахматист. Сколько можно?

Я утешил его, что можно...

* * *

В уютном, гостеприимном доме славного кинематографического клана Габриловичей семейное торжество. Во главе застолья Евгений Иосифович — прославленный сценарист («Машенька», «Монолог», «Коммунист»...), мудрый и добрый патриарх. Рядом — Алексей, преуспевающий режиссер, автор популярных ностальгических телефильмов «Футбол моего детства», «Дворы моего детства», «Цирк моего детства», обаятельный бонвиван. Его жена — знаменитая актриса Майя Булгакова, однажды иронично оп-

ределившая свое амплуа: «Мне почему-то выпадают роли баб, которых не хотят трахать».

В разгар застолья вбегает румяная с мороза маленькая дочка — всеобщая любимица, забирается на кресло и начинает тараторить какую-то несусветную антисемитскую чушь, вероятно, только что услышанную во дворе.

Родители шокированы: «Машенька! Что ты несешь?! Как можно?! Ведь и папа твой — еврей, и дедушка, которого ты так любишь, — еврей...» Малышка заплакала и, всхлипывая, спросила: «А дедушка об этом знает?»

* * *

Кстати, о детях...

Много лет назад в Сочи на даче великой русской певицы Валерии Барсовой поздно вечером собрались гости. Болтали о том, о сем... Услышав, что Валерия Павловна пригласила на лето отдохнуть племянницу, настойчиво, но явно некстати стали упрашивать хозяйку дома показать ребенка. «Помилуйте, она уже давно спит», — не соглашалась Валерия Павловна. Гости были упрямы, и, сдавшись, Барсова вынесла прелестное полусонное существо в розовых кружевах и бантиках.

«Какая прелесть, какое чудо!» А девочка, с трудом разомкнув глазки, обвела сонным взглядом шумную компанию и мудро изрекла: «Все говны».

* * *

Популярный ленинградский эстрадный артист, остроумнейший Яков Киперман как-то поведаль: «Женился на якутке, буду выводить морозоустойчивых евреев».

* * *

После концерта известного пианиста в Тбилисской филармонии у входа в артистическую я столкнулся с популярным артистом эстрады обаятельным Александром Семеновичем Менакером (помните знаменитую пару Миронова—Менакер?).

Мы были в добрых отношениях и, обменявшись дружескими приветствиями, заговорили о концерте.

— Марк, как Вам понравилась трактовка Вашим коллегой этюдов Шопена? — спросил Александр Семенович. — Не кажется, что темпы порой слишком быстрые?

— Совершенно с Вами согласен. Техническая сторона, к сожалению, взяла верх над эмоциональной, и, признаюсь, я в полной растерянности: нужно зайти поздравить старого приятеля, а кривить душой не хочется...

— Нет ничего проще, — улыбнулся Менакер. — Раскройте объятия и скажите: «Нет слов!»

Дипломатичный совет многоопытного актера выручал впоследствии не раз...

* * *

Великий русский актер Борис Ливанов был не чужд спиртного и в компании друзей охотно отводил душу. Обычно это происходило в ресторане Дома актера — любимом пристанище московской богемы.

Знаменитостей там чтили и субординацию соблюдали. В одном из застолий рядом с Ливановым оказался молодой актер. Атмосфера ужина была непринужденно дружеской, и у дебютанта в именитой компании вскружилась голова. Ливанову это не понравилось. Критика прозвучала лаконично и убедительно: «Не по таланту пьешь!»

* * *

Однажды, рассказывая на пресс-конференции о фильме «Концерт Бетховена», я напомнил журналистам слова популярной песни Дунаевского «Эх, хорошо в стране Советской жить...», звучавшей в картине.

— Скажите, а в каком году снимался фильм? — спросил кто-то.

— В тридцать седьмом.

— Тогда все ясно, — сыронизировал журналист, — там же есть строчка «Красный галстук с гордостью носить. Да, носить...» Слышите призыв «доносить»?

* * *

Милейший Илья Львович Гофман — педагог консерватории, которому я благодарен за мой относительно приемлемый немецкий, как-то посетовал: «Какой все же трудный русский язык: Настя — женское имя, а ненастя — уже погода. Или слышу — эта книга брата, и не понимаю, она принадлежит родственнику или кем-то взята...»

* * *

В Оперной студии Ленинградской консерватории давали «Пиковую даму» Чайковского. Молодые певцы приобщались к классическому наследию. Спектакль шел своим чередом, когда на сцене случилось непредвиденное. В драматическом дуэте Лизы и Германа неопытная актриса оступилась и рухнула на четвереньки. А тут как раз зазвучала ария Германа со словами: «Стой так. О! Как ты хороша!»
Успех был потрясающим.

EN PASSANT*

В жизни шахматиста-профессионала; насыщенной повседневным трудом и напряжением баталий, выпадают и безмятежно-приятные моменты — церемонии получения заслуженных наград.

Шахматные призы многообразны и неравноценны. От и до — дистанция огромная: от деревянных фигурок, выпиленных руками заключенных, до роскошных автомобилей и бриллиантовых украшений...

Практичнее всего, конечно, награды денежные, в особенности когда они значительные.

Наименее приятны тяжелые нетранспортабельные кубки и вазы.

Бобби Фишер с юных лет предупреждал организаторов о неприемлемости для него цветов и книг...

А у некоторых призов — своя судьба. Вспоминаю историю моей первой награды, полученной в 1950 году в Польше. На международном турнире, проходившем в курортном местечке Щавно Здрой, что неподалеку от шахтерского города Катовице, я играл весьма успешно — сыграл несколько красивых партий, разделил второе место и завоевал титул международного мастера. Среди полученных призов оказалась и гипсовая фигура шахтера, не имевшая художественной ценности, но зато довольно тяжелая. В мой багаж она не вписывалась, и я, ничтоже сумняшеся, решил «забыть» ее в номере отеля. Но не тут-то было. Едва я вошел в купе поезда, в вагон влетел запыхавшийся администратор: «Пан Тайманов! Как хорошо, что я успел! Вот Ваш приз. Вы, наверное, очень огорчились...»

Поблагодарив за заботу, я все же не расстался с идеей и по приезде в Варшаву оставил фигурку на багажной пол-

* На проходе (фр., шахм.).

ке. И опять ненадолго — ее принесли мне в гостиницу. Отчаявшись, перед отъездом в аэропорт запрятал шахтера в шкаф. Но судьбе было угодно соединить нас навеки.

Получив злополучный приз в самолете, я понял, что дальше бороться бессмысленно. Гипсовая фигурка шахтера и сегодня занимает достойное место на полке среди других памятных наград...

* * *

Во времена, когда широко дискутировалась тема смены Гарриком Вайнштейном фамилии на материнскую — Каспаров, Таль не без юмора заключил: «Гаррик играет уже так хорошо, что вполне может выступить под своей фамилией».

* * *

На чествовании Таля по случаю очередной победы на сцену с приветствием вышли пионеры: «Дорогой Михаил Нехемьевич! Поздравляем Вас с успехом, гордимся и желаем Вам большого и крепкого на радость близким и друзьям!»

Слово «здоровья» от волнения было забыто...

* * *

Среди шахматистов дореволюционной генерации одним из самых своеобразных и сильных слыл Илья Леонтьевич Рабинович. В его активе троекратная победа в первенствах Ленинграда, участие в девяти чемпионатах Советского Союза, начиная с первого в 1920 году, в первом международном московском турнире 1925 года и во многих других крупных состязаниях.

Мне довелось встретиться с Ильей Леонтьевичем за доской еще в юношеские годы на чемпионате школьников Ленинграда, проводившемся в стенах Дворца пионеров

в 1939 году. В качестве строгих экзаменаторов пригласили игравших вне конкурса корифеев ленинградских шахмат Илью Леонтьевича Рабиновича и Александра Федоровича Ильина-Женевского. Это были мои первые поединки с прославленными мастерами, и, естественно, памятные.

Игра Ильи Леонтьевича отличалась строгим позиционным стилем, он был признанным авторитетом в области дебютной теории. Но страдал плохой памятью, что однажды привело к забавному эпизоду.

В партии чемпионата Ленинграда 1940 года партнер Ильи Леонтьевича, превосходный шахматист, обаятельный жизнелюб и бретер по натуре Александр Казимирович Толуш, обратил внимание на уж слишком частые отлучки из турнирного зала своего маститого соперника. Сначала он подумал, что это связано с некоторыми проблемами со здоровьем у Рабиновича, но затем заподозрил неладное: «А не подглядывает ли он в дебютный справочник?» Решение пришло мгновенно. Дождавшись, когда после очередного хода партнер вновь удалился в туалет, Толуш бросился вдогонку и запер дверь снаружи. Лишь громкими криками Рабиновичу удалось привлечь к себе внимание и выбраться из блокады. Больше из зала он не отлучался.

* * *

Первый советский гроссмейстер Борис Верлинский, прославившийся сенсационной победой над Хозе Раулем Капабланкой, имел дефекты слуха и речи и изъяснялся жестами, что, разумеется, затрудняло общение с партнерами за доской.

Мне довелось однажды быть свидетелем необычного диалога. На турнире в Ленинграде игралась партия Б. Верлинский — С. Жуховицкий. В примерно равном положении Жуховицкий решил предложить ничью. Но как это

сделать? Скрестив указательные пальцы над доской, словно бы обозначив половинку, он вопросительно взглянул на соперника. Верлинский понял, но ничьей не хотел. Свое возражение он выразил лаконично и выразительно — показал партнеру... фигу...

* * *

Мой славный друг, многолетний сподвижник, партнер по теоретическим исследованиям и опасный соперник за шахматной доской, увы, покойный гроссмейстер Семен Фурман был человеком флегматичным, медлительным и очень рациональным. Даже в личной жизни.

Как-то девушка, за которой он ухаживал в молодые годы, посетовала: «Никак не могу расшевелить Вашего друга. Вчера пригласил на прогулку, мы встретились, я, как обычно, стала болтать, а он ни слова, только нежно пожимает ручку и улыбается. Потеряла терпение и говорю: „Сема! Ну что же Вы все время молчите, скажите же что-нибудь“, — и слышу в ответ: „А Вы задавайте вопросы...“».

* * *

На чемпионате СССР в Тбилиси, закончив партию, я спустился в ложу, где расположились жены участников. Милые дамы болтали о том о сем, когда зашел разговор о ситуации в партии лидеров.

Тон задала Надежда Андреевна Смыслова. Взглянув на демонстрационную доску, она не без апломба заявила: «В шахматы я не играю, но позицию понимаю хорошо. Здесь будет ничья».

Джентльменство мне изменило: «Завидую Вам, Надюша. Как раз в шахматы я играю неплохо, а вот позицию на доске понимаю не всегда...»

Проще ориентировалась Евгения Михайловна Лилиенталь. Она подсчитывала у партнеров количество больших и маленьких фигурок на доске и делала «объективное заключение».

* * *

Как-то в 70-е годы в дни моих шахматных выступлений на юге Италии ко мне обратился мэр города Козенца с неожиданной просьбой: «Маэстро! Не могли бы Вы уделить внимание одному из Ваших поклонников — большому любителю шахмат и музыки. Для нас это было бы очень важно».

Конечно, я согласился, и в назначенное время к отелю подкатил роскошный кабриолет, за рулем которого важно восседал элегантный «мистер Твистер», одетый с изысканной простотой. Представившись и одарив комплиментами, он пригласил отобедать в модном ресторане, где мы приятно провели время.

Мой новый знакомый интересовался шахматной жизнью, программой моих выступлений, был радушен и щедр. Перед расставанием учтивый господин пригласил погостить у него на вилле на Сицилии, сулил самые разнообразные впечатления и общество очаровательных дам: «Я сумею сделать Ваше пребывание приятным. Вы прекрасно отдохнете после утомительных гастролей».

Увы, тогда любые приглашения подлежали рассмотрению в «вышестоящих инстанциях», и мне оставалось лишь поблагодарить за любезное предложение, воспользоваться которым шансов не было никаких...

Вечером на приеме у мэра я поделился впечатлениями от общения с обаятельным поклонником шахмат и спросил:

— А почему для Вас была так уж важна эта встреча?

— О! — ответил мэр с придыханием. — Это же глава сицилийской мафии...

ПОСТСКРИПТУМ

Расставаясь с многочисленными героями и персонажами книги, среди которых, увы, «иных уж нет, а те далече», я испытываю чувство искренней благодарности за их роль в моей судьбе. Так или иначе, они стали частицами жизни и определили все многообразие событий и содержание прожитых лет. И воспоминания об этих вольных или невольных спутниках позволили заново пережить значительные эпизоды прошлого.

А потому, как принято завершать творческую работу, от души скажу: «Спасибо всем!»

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авербах Юрий Львович (род. в 1922 г.), российский шахматист, международный гроссмейстер — 116, 162, 174, 213, 216, 218—220, 223
- Алаторцев Владимир Алексеевич (1909—1987), советский шахматист, международный гроссмейстер — 74
- Алехин Александр Александрович (1892—1946), великий русский шахматист, четвертый чемпион мира — 70, 75, 108, 198, 199, 209, 224
- Алилуева Светлана Иосифовна (род. в 1926 г.), дочь И.В Сталина — 198
- Ананд Висванатан (род. в 1969 г.), индийский шахматист, чемпион мира ФИДЕ 2000 года — 211, 218
- Андерсен Адольф (1818—1879), великий немецкий шахматист — 224
- Аронин Лев Соломонович (1920—1983), советский шахматист, международный мастер — 197, 223
- Астангов Михаил Федорович (1900—1965), актер, народный артист СССР — 74
- Баланчивадзе Андрей Мелитонович (1906—1992), выдающийся грузинский советский композитор, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда — 230

- Баланчин Джордж (Баланчивадзе Георгий Мелитонович; 1904—1983), выдающийся танцор XX века, русско-американский хореограф — 230
- Балашов Юрий Сергеевич (род. в 1949 г.), российский шахматист, международный гроссмейстер — 33, 34, 135
- Баринова Галина Всеволодовна (род. в 1910 г.), советская скрипачка — 254
- Барсова Валерия Павловна (1892—1967), певица, народная артистка СССР — 263
- Белица Дмитрий (род. в 1935 г.), югославский шахматист, мастер ФИДЕ, литератор — 119
- Бенко Пал Чарлз (род. в 1928 г.), венгерский шахматист, международный гроссмейстер, с 1957 г. живет в США — 150
- Бенци Роберто (род. в 1938 г.), французский дирижер — 82—86
- Берток Марио (род. в 1929 г.), югославский шахматист, международный мастер — 112
- Бирн Роберт (род. в 1928 г.), американский шахматист, международный гроссмейстер — 127
- Блантер Матвей Исаакович (1903—1990), выдающийся советский композитор, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда — 73, 151
- Боголюбов Ефим Дмитриевич (1889—1952), русский шахматист, международный гроссмейстер, с 1926 г. жил в Германии — 34
- Болеславский Исаак Ефремович (1919—1977), выдающийся советский шахматист, международный гроссмейстер — 80, 111
- Бондаревский Игорь Захарович (1913—1979), советский шахматист, международный гроссмейстер — 30, 180, 182
- Ботвинник Михаил Моисеевич (1911—1995) великий советский шахматист, международный гроссмейстер, шестой чемпи-

он мира — 12—13, 14, 21—35, 36, 37, 74, 109, 111, 116, 135, 154—157, 165, 167, 170, 180, 209, 222, 226

Бронштейн Давид Ионович (род. в 1924 г.), выдающийся российский шахматист, международный гроссмейстер — 4, 27—28, 43, 54—55, 150, 155, 166, 171—185, 205

Брохес Михаил Борисович (род. в 1909 г.), пианист, заслуженный артист России — 98

Брук Любовь Александровна (1926—1996), пианистка, заслуженная артистка России — 9, 37, 69, 71, 82, 104—105, 106, 259

Булгакова Майя Григорьевна (1932—1994), актриса, народная артистка РСФСР — 262—263

Вайман Михаил Израилевич (1926—1977), выдающийся скрипач, заслуженный деятель искусств РСФСР — 43—45, 252, 253—254

Вайнер Аркадий Александрович (род. в 1931 г.), известный российский писатель — 233—235

Васюков Евгений Андреевич (род. в 1933 г.), российский шахматист, международный гроссмейстер — 33, 117, 135

Верлинский Борис Маркович (1887—1950), первый советский гроссмейстер, международный мастер — 268

Вертинский Александр Николаевич (1889—1957), актер театра и кино, автор и исполнитель романсов и песен — 96—99

Ворошилов Клемент Ефремович (1881—1969), советский государственный, партийный и военный деятель, маршал Советского Союза, дважды Герой СССР, Герой Социалистического Труда, член Президиума ЦК КПСС — 26

Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954), советский государственный деятель, юрист и дипломат, академик АН СССР, в разные годы — прокурор СССР, министр иностранных дел, постпред СССР в ООН — 5, 50—52

Габрилович Алексей Евгеньевич (1936—1995), кинорежиссер — 262—263

- Габрилович Евгений Иосифович (1899—1993), советский писатель и кинодраматург — 262—263
- Гардин Владимир Ростиславович (1877—1965), русский советский актер и режиссер, народный артист СССР — 10
- Геллер Ефим Петрович (1925—1998), выдающийся российский шахматист, международный гроссмейстер — 118, 162, 166, 181—182, 223
- Гик Евгений Яковлевич (род. в 1943 г.), мастер спорта СССР по шахматам, литератор — 234, 242
- Гилельс Эмиль Григорьевич (1916—1985), выдающийся пианист, народный артист СССР — 88—89, 232
- Говорухин Станислав Сергеевич (род. в 1936 г.), кинорежиссер, сценарист, актер, заслуженный деятель искусств Украинской ССР — 233—235
- Гольденвейзер Александр Борисович (1875—1961), советский пианист, педагог, композитор, музыкальный и общественный деятель, народный артист СССР — 256—257
- Губерман Игорь Миронович (род. в 1936 г.), поэт и писатель, с 1988 г. живет в Израиле — 101
- Гульд Глен (1932—1982), выдающийся канадский пианист — 38
- Гусман Израиль Борисович (1917—2003), дирижер, народный артист России — 71—72
- Гуфельд Эдуард Ефимович (1936—2002), российский шахматист, международный гроссмейстер — 204—208
- Давидович Бэлла Михайловна (род. в 1928 г.), пианистка, заслуженная артистка России, с 1978 г. живет в Америке — 154, 254—255
- Добронравов Борис Георгиевич (1896—1949), русский советский актер, народный артист СССР — 74
- Добрынин Анатолий Федорович (род. в 1919 г.), видный советский дипломат, Герой Социалистического Труда — 256

- Донской Марк Семенович (1901—1981), советский кинорежиссер, кинодраматург, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда — 45—46
- Дунаевский Исаак Осипович (1900—1955), выдающийся советский композитор, народный артист РСФСР — 10
- Дюфрень Жан (1829—1893), немецкий шахматист, литератор — 224
- Жуховицкий Самуил Маркович (род. в 1916 г.), российский шахматист, международный мастер — 268—269
- Жу Чен (род. в 1976 г.), китайская шахматистка, международный гроссмейстер — 195
- Зак Владимир Григорьевич (1913—1994), шахматист, заслуженный тренер СССР — 187
- Зак Яков Израилевич (1913—1976), пианист, народный артист СССР — 77
- Земиш Фридрих (1896—1975), немецкий шахматист, теоретик — 224
- Зорин Леонид Генрихович (род. в 1924 г.), видный российский драматург — 5, 222, 261—262
- Иванов Константин Константинович (1907—1984), дирижер, народный артист СССР — 258
- Ильин-Женевский Александр Федорович (1894—1941), мастер спорта СССР по шахматам — 268
- Кажич Божидар (1921—1996), югославский шахматист, литератор, видный деятель международного шахматного движения — 137
- Кан Илья Абрамович (1909—1978), советский шахматист, международный мастер — 74
- Капабланка Хозе Рауль (1888—1942), великий кубинский шахматист, третий чемпион мира — 59, 60, 61, 62, 75, 109, 110, 164, 201, 209, 226, 268

Каравайчук Олег Николаевич (род. в 1927 г.), композитор — 89—96

Карпов Анатолий Евгеньевич (род. в 1951 г.), великий российский шахматист, международный гроссмейстер, двенадцатый чемпион мира — 24, 109, 113, 118, 128, 186, 188—189, 192, 206, 211, 225

Каспаров Гарри Кимович (род. в 1963 г.), великий российский шахматист, международный гроссмейстер, тринадцатый чемпион мира — 24, 35, 108, 113, 157, 206, 211—212, 267

Кастро Фидель Рус Алехандро (род. в 1926 г.), выдающийся политический деятель, Председатель Государственного Совета, Председатель Совета министров и Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы — 63—66

Керес Пауль Петрович (1916—1975), выдающийся советский шахматист, международный гроссмейстер — 54, 111, 166, 180—181, 183, 222

Кизерицкий Лионель (1806—1853), один из сильнейших европейских шахматистов середины XIX века — 224

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868—1959), актриса, народная артистка СССР — 9

Кнушевицкий Святослав Николаевич (1907—1963), советский виолончелист, заслуженный деятель искусств РСФСР — 77

Кобленц Александр Нафтальевич (1916—1993), советский шахматист, литератор, один из организаторов шахматного движения в Латвии — 146—148, 165

Коган Леонид Борисович (1924—1982), скрипач и педагог, народный артист СССР — 45, 251

Кондрашин Кирилл Петрович (1914—1981), дирижер, народный артист СССР — 261

Константинопольский Александр Маркович (1910—1990), советский шахматист, международный гроссмейстер — 173

- Копелян Ефим Захарович (1912—1975), русский советский актер, народный артист СССР — 142
- Корчной Виктор Львович (род. в 1931 г.), выдающийся российский гроссмейстер, с 1976 г. живет в Швейцарии — 4, 109, 166, 186—195
- Котов Александр Александрович (1913—1981), советский шахматист, международный гроссмейстер, литератор — 135, 141
- Крамник Владимир Борисович (род. в 1975 г.), выдающийся российский шахматист, чемпион мира 2000 года — 24, 211
- Крыленко Николай Васильевич (1885—1938), советский партийный, государственный деятель, один из инициаторов советского шахматного движения — 43, 110
- Кулиш Савва Яковлевич (1936—2001), кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР — 93
- Ларииков Александр Иосифович (1890—1960), русский советский актер, народный артист СССР — 10
- Ларионова Алла Дмитриевна (1931—2000), киноактриса, народная артистка РСФСР — 57, 98
- Ларсен Бент (род. в 1935 г.), выдающийся датский шахматист, международный гроссмейстер — 34, 121, 123, 142
- Ласкер Эмануил (1868—1941), великий немецкий шахматист, второй чемпион мира, литератор — 109, 110, 121, 203, 204, 209, 224
- Левенфиш Григорий Яковлевич (1889—1961), советский шахматист, международный гроссмейстер, литератор — 21, 149
- Ливанов Борис Николаевич (1904—1972), актер, народный артист СССР — 264
- Лилиенталь Андрэ Арнольдович (род. в 1911), выдающийся советский и венгерский шахматист, международный гроссмейстер — 129, 131, 197, 200—204

- Лутиков Анатолий Степанович (1933—1989), советский шахматист, международный гроссмейстер — 221
- Маргулис Виталий Иосифович (род. в 1928 г.), пианист, педагог, с 1974 г. живет за рубежом — 257—258
- Мачавариани Алексей Давидович (1913—1995), советский грузинский композитор, народный артист СССР — 230—231
- Менакер Александр Семенович (1913—1982), артист эстрады, заслуженный артист РСФСР — 264
- Морфи Пол Чарлз (1837—1884), великий американский шахматист, сильнейший в мире в середине XIX века — 78, 108, 120
- Мравинский Евгений Александрович (1903—1988), дирижер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда — 84
- Мусин Илья Александрович (1903/04—1999), дирижер, народный артист России — 68
- Найдорф Мигель (1910—1997), выдающийся польский и аргентинский шахматист, международный гроссмейстер — 58, 59, 76, 117, 171
- Ней Иво Паулович (род. в 1931 г.), эстонский шахматист, международный мастер — 151
- Николаева Татьяна Петровна (1924—1993), пианистка, народная артистка СССР — 57
- Нимцович Арон Исаевич (1886—1935), выдающийся шахматист, гроссмейстер, шахматный теоретик и литератор — 88, 164, 224
- Оборин Лев Николаевич (1907—1974), пианист, народный артист СССР — 77
- Ойстрах Давид Федорович (1908—1974), выдающийся скрипач, народный артист СССР — 57, 73—78
- О'Келли де Гальвей Альберик (1911—1980), бельгийский шахматист, международный гроссмейстер — 120

- Олеша Юрий Карлович (1899—1960), русский советский писатель — 261
- Павлов Сергей Павлович (род. в 1929 г.), советский партийный и государственный деятель, с 1968 г. — председатель Комитета по физкультуре и спорту при Совете министров СССР — 141, 190
- Перельман Натан Ефимович (1906—2002), пианист, профессор — 257—258
- Перон Хуан Доминго (1895—1974), выдающийся аргентинский политический деятель, Президент Аргентины с 1946 по 1955 и с 1973 по 1974 — 56—59, 168
- Петросян Тигран Вартанович (1929—1984), великий советский шахматист, международный гроссмейстер, девятый чемпион мира — 109, 121, 123, 162—171, 189, 203, 210, 223
- Пикфорд Мэри (1893—1979), выдающаяся американская кинозвезда — 57
- Полякин Мирон Борисович (1895—1941), советский скрипач и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР — 11, 254
- Пономарев Руслан Олегович (род. в 1983 г.), российский шахматист, международный гроссмейстер, чемпион мира 2001 года — 211
- Поскребышев Александр Николаевич (1891—1965), видный советский партийный деятель, генерал-лейтенант — 45
- Прокофьев Сергей Сергеевич (1891—1953), выдающийся советский композитор — 70, 74—75, 92
- Пудовкин Всеволод Илларионович (1893—1953), советский кинорежиссер, теоретик кино, народный артист СССР — 111
- Рабинович Илья Леонтьевич (1891—1942), советский шахматист, мастер — 267—268
- Рагозин Вячеслав Васильевич (1908—1962), советский шахматист, международный гроссмейстер — 174

Рахлин Натан Григорьевич (1905—1979), советский дирижер, народный артист СССР — 259, 260

Рети Рихард (1889—1929), выдающийся чехословацкий шахматист, гроссмейстер, теоретик — 224

Решевский Сэмюэл (1911—1992), выдающийся американский шахматист, международный гроссмейстер — 49, 114, 180—181, 183

Рихтер Святослав Теофилович (1915—1997), выдающийся пианист, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда — 256

Робсон Поль (1898—1976), знаменитый американский певец — 103

Ростропович Мстислав Леопольдович (род. в 1927 г.), выдающийся российский виолончелист, дирижер, с 1974 г. живет за рубежом — 86—89, 140, 258

Савшинский Самарий Ильич (1891—1968), пианист, профессор Ленинградской консерватории — 14, 36—40, 91, 92, 98

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964), советский поэт — 198—199

Серебряков Павел Алексеевич (1909—1977), советский пианист, педагог, общественный деятель, народный артист СССР — 36, 252, 253, 255

Симонов Николай Константинович (1901—1973), советский актер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда — 98

Симон Мишель (1895—1975), французский киноактер — 57

Смыслов Василий Васильевич (род. в 1921 г.), великий российский шахматист, международный гроссмейстер, седьмой чемпион мира — 61, 80—81, 109, 110, 155, 175, 180—183, 203, 210, 222, 223

Сокольский Алексей Павлович (1908—1969), советский шахматист, мастер — 21

- Солженицын Александр Исаевич (род. в 1918 г.), русский писатель, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии — 87—88, 140
- Софроницкий Владимир Владимирович (1901—1961), выдающийся советский пианист и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР — 36, 38—40
- Спасский Борис Васильевич (род. в 1937 г.), великий российский шахматист, международный гроссмейстер, десятый чемпион мира, с 1976 г. живет во Франции — 110, 121, 123—128, 139, 166, 170, 187, 194, 210—211, 234
- Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили; 1879—1953), один из руководящих деятелей коммунистической партии, Советского государства, Герой Социалистического Труда, герой Советского Союза, маршал, генералиссимус — 41—48, 50, 91, 177
- Стейниц Вильгельм (1836—1900), великий немецкий шахматист, первый чемпион мира — 109, 208
- Стерн Исаак (род. в 1920 г.), один из крупнейших американских скрипачей — 11, 250—251
- Столяров Сергей Дмитриевич (1911—1969), киноактер, народный артист СССР — 57
- Стрельчик Владислав Игнатьевич (1921—1995), советский актер, народный артист СССР — 16, 142
- Султан-хан (1905—1966), выдающийся индийский шахматист — 217
- Суслов Михаил Андреевич (1902—1982), партийный и государственный деятель, дважды Герой Социалистического Труда — 26
- Тайманов Исатай (1791—1838), руководитель антифеодального и антиколониального восстания в 1830-х гг. в Букеевской Орде (Казахстан) — 236

- Таль Михаил Нехемьевич (1936—1992), великий советский шахматист, международный гроссмейстер, восьмой чемпион мира — 3, 4, 32—33, 34, 108, 134, 139, 144—162, 165, 166, 172, 210, 267
- Тарраш Зигберт (1862—1934), выдающийся немецкий шахматист, гроссмейстер, теоретик, литератор — 6
- Тартаковер Савелий Григорьевич (1887—1956), выдающийся шахматист, международный гроссмейстер, теоретик, литератор — 217
- Толуш Александр Казимирович (1910—1969), советский шахматист, международный гроссмейстер — 268
- Уланова Галина Сергеевна (1909/1910—1998), великая балерина, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда — 35, 70
- Успенский Владислав Александрович (род. в 1937 г.), композитор, народный артист России — 20, 71, 72—73
- Филидор Франсуа Андре Даникан (1726—1795), великий французский шахматист, сильнейший в мире во второй половине XVIII века — 73
- Фиртич Георгий (род. в 1938 г.), композитор — 91
- Фишер Роберт Джеймс (род. в 1943 г.), великий американский шахматист, международный гроссмейстер, одиннадцатый чемпион мира — 3, 31, 32, 33, 68, 87, 90, 110, 113—144, 157, 189, 211, 222, 234, 243, 266
- Флиер Яков Владимирович (1912—1977), пианист, народный артист СССР — 77
- Флор Саломон Михайлович (1908—1983), выдающийся чешский и советский гроссмейстер, литератор — 27—29, 30—31, 141, 164, 196—200, 204, 217, 222
- Фурман Семен Абрамович (1920—1978), советский шахматист, международный гроссмейстер, теоретик — 269

- Фурцева Екатерина Алексеевна (1910—1974), советский партийный и государственный деятель, с 1960 г. — министр культуры — 88—89
- Хайкин Борис Эммануилович (1904—1978), советский дирижер, народный артист СССР — 78—81
- Халифман Александр Валерьевич (род. в 1966 г.), выдающийся российский шахматист, международный гроссмейстер, чемпион мира ФИДЕ 1999 года — 113, 211
- Хименес Элеасар (род. в 1928 г.), кубинский шахматист, международный мастер — 61
- Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971), видный советский государственный и партийный деятель, 1-й секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР — 48—50
- Цигнадзе Вера Варлаамовна (род. в 1926 г.), народная артистка Грузинской ССР — 230
- Чабукиани Вахтанг Михайлович (1910—1992), советский артист балета, балетмейстер, педагог, народный артист СССР — 230
- Че Гевара (1928—1967), выдающийся деятель революционного движения в Южной Америке, национальный герой Кубы — 59—63
- Черчилль Уинстон (1874—1965), выдающийся политический деятель Великобритании, лауреат Нобелевской премии — 53—55
- Чигорин Михаил Иванович (1850—1908), великий русский шахматист, основоположник отечественной шахматной школы, теоретик, литератор — 108
- Шафран Даниил Борисович (1923—1997), виолончелист, народный артист СССР — 91
- Шмитгоф Владимир Григорьевич (1900—1942), кинорежиссер —

- Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906—1975), великий композитор, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда — 3, 36, 67—73
- Шостакович Максим Дмитриевич (род. в 1938 г.), дирижер — 71
- Штальберг Андерс Гидеон Том (1908—1967), выдающийся шведский шахматист, международный гроссмейстер — 226—229
- Штейнварг Натан Михайлович (1907—1966), первый директор Ленинградского Дворца пионеров (1937—1949) — 12
- Эванс Ларри Мельвин (род. в 1932 г.), американский шахматист, международный гроссмейстер — 127
- Эйве Макс (1901—1981), великий голландский шахматист, международный гроссмейстер, пятый чемпион мира, теоретик, литератор — 13, 32, 109, 113, 121, 125, 126, 128, 137, 141, 166, 209
- Элисказес Эрих (род. в 1913 г.), аргентинский шахматист, международный гроссмейстер — 58
- Этли Клемент Ричард, лорд (1883—1967), видный британский государственный деятель, лидер лейбористской партии — 53, 54
- Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970), выдающаяся советская пианистка, профессор — 36, 255—256
- Юрский Сергей Юрьевич (род. в 1935 г.), актер, народный артист России — 142
- Ядых Павел Арнольдович (род. в 1925 г.), дирижер, народный артист России — 259
- Якобсон Леонид Вениаминович (1904—1975), советский артист балета, балетмейстер, заслуженный деятель искусств РСФСР — 90—91

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Зорин. Кандид</i>	3
От автора	6
Благодарение судьбе	8
О мудрых наставниках с пиететом и благодарностью	14
Семья	14
Патриарх	21
Провидец	36
Сильные мира сего	41
За подписью Сталина	41
Судьбоносная встреча	48
У одиозного министра	50
В английском парламенте	52
Гостеприимный диктатор	56
Романтик революции	59
На стадионе с Фиделем	63
Избранники Евтерпы	67
Совість эпохи	67
Искусный двоеборец	73
Партитура шахматных мелодий	78
Прелюдия славы	82
Подсолнух	86
Эксцентричный гений	89
Русский Пьеро	96
Концерты с необычным сюжетом	100
Поэма о колоколах	100
Фортепьянный дуэт	101
«Широка страна моя родная...»	102
Daß spielt keine Rolle	103
Концерт подшофе	106

Жрецы Каиссы	108
Великий отшельник	113
Многострадальное единоборство	133
«Гусар из Риги»	144
Миролюбивый тигр	162
Парадоксы хитрого Дэвика	171
Одна, но пламенная страсть	186
О друзьях с улыбкой	196
Ни дня без строчки	196
Последний из могикан	200
Необычный дар	204
Сквозь призму музыки	208
На родине шахмат	213
Драматургия памятных единоборств	221
Алкогольный вариант	226
«Шведский стол»	226
Турнир с гандикапом	229
Место встречи изменить нельзя... ..	233
Забавные истории	236
О генеалогическом древе с улыбкой	236
Особенности национальной кухни	238
Пособие для поступающих в вузы, или советы абитуриенту	240
Две грустные истории с веселым концом, рассказанные моим другом Евгением Гиком	242
Шкатулка курьезов	250
Pizzicato струнных	250
Фортепианный форшлаг	254
Дирижерский аутфакт	258
Экспромты	261
En passant	266
Постскриптум	271
Аннотированный именной указатель	272

МАРК ТАЙМАНОВ

Вспоминая самых-самых...

Дизайн и верстка

Л. Н. Киселевой, В. Г. Лошкаревой

Редактор *И. Ф. Данилова*

Корректор *О. Э. Кареева*

ISBN 5-94855-007-9

9 785948 550077

Лицензия ИД № 01691 от 28.04.2000. Подписано в печать 20.02.2003. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура *OfficinaSansC*. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 3000 экз.

Заказ № 120.

Издательство «Ретро», г. Санкт-Петербург,
ул. Корнеева, 6.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГИ ОБРАЩАТЬСЯ

НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Издательство «Ретро»

г. Санкт-Петербург,

пр. Обуховской обороны, д. 105а

Тел.: (812) 325 19 38,

567 53 35, (095) 177 83 16

e-mail: petropol.spb@mailbox.alkor.ru

НА ТЕРРИТОРИИ США И КАНАДЫ

Petropol.inc.

1428 Beacon Street,

Brookline MA 02446

Tel: (617) 232 8820

Fax: (617) 713 0418

e-mail: petropol@gis.net

Интернет-магазин: www.petropol.com

И вдруг ко мне подходит Хрущев — я уже стал его знакомым: «Скажи, пожалуйста, вот вы, советские шахматисты, часто бываете за границей, выступаете там. Вы получаете за это деньги?» — «Что Вы, Никита Сергеевич, — с полным основанием стал я разъяснять тогдашнюю ситуацию, — мы представляем нашу страну, нашу идеологию, наши достижения, — все это бескорыстно». — «А когда выступаете у нас дома?» — «А с чего бы мы жили?» — естественно отреагировал я. Хрущев немного задумался: «Слушай, а ведь это неправильно! Как же так? У этих капиталистов, у которых денег куры не клюют, вы ничего не берете, а у нас, не слишком-то богатых, берете. Так быть не должно. Нужно у них брать, и как можно больше!» — подвел он итог нашей короткой беседы, а через несколько дней вышел специальный приказ по Спорткомитету, где в «Положение о зарубежных командировках советских шахматистов» был внесен новый и крайне важный для нас пункт о денежном вознаграждении.
